

ISSN 2782-3067

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 2(4) | No. 2(4)
ИЮЛЬ | JULY | 2022

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

📍 Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

☎ +7 (495) 252-67-88 🌐 www.nicrus.ru ✉ institut@nicrus.ru

Russia & World: Scientific Dialogue

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ISSN 2782-3067 (Print)

№ 2(4) | No 2(4)
Июнь | June

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2022-2-2(4)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации
ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека
Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»
119034, Российская Федерация
Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1
Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>
Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты.

Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

07.00.15 История международных отношений и внешней политики / 5.6.7. История международных отношений и внешней политики*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы / 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы* (социологические)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

22.00.05 Политическая социология / 5.4.5. Политическая социология* (социологические)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии / 5.5.2. Политические институты, процессы и технологии* (политические науки)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития / 5.5.4. Международные отношения* (политические науки)

Примечание: * в соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 года.

© «Россия и мир: научный диалог», 2022

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан).

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия).

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия).

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почётный доктор Института социологии РАН (Россия).

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия).

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия).

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания).

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия).

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан).

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия).

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия).

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия).

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия).

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Россия).

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2022-2-2(4)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»
– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year
Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation
ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library
National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

Founder, Publisher

ANO «National Research Institute for the Development of Communications»
Address: 119034, Moscow, lane. Korobeynikov, 22, p. 1
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84 www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Research Institute for the Development of Communications»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue»
22, p. 1 lane. Korobeynikov, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: <https://www.russia-world.ru/jour>
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration. The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

07.00.15 History of International Relations and Foreign Policy / 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy *

SOCIAL SCIENCES

22.00.04 Social structure, social institutions and processes / 5.4.4. Social structure, social institutions and processes* (sociological)

SOCIOLOGICAL SCIENCES/POLITICAL SCIENCES

22.00.05 Political Sociology / 5.4.5. Political Sociology* (sociological)

POLITICAL SCIENCES/ HISTORICAL SCIENCES

23.00.02 Political institutions, processes and technologies / 5.5.2. Political institutions, processes and technologies*(political sciences)

POLITICAL SCIENCES

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development / 5.5.4. International Relations* (political sciences)

Note: *in accordance with the nomenclature of scientific specialties and corresponding branches of science, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 118 dated February 24, 2021.

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia).

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), professor, professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University (Russia).

EDITORIAL BOARD

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan).

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia).

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia).

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit), professor, Head of the Department of Theory and History, International Relations Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Fidel LEON-DARDER – PhD, Professor at the University of Valencia (Spain).

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia).

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of «Modern History and International Relations», Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan).

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, Professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Honorary Member of Higher Professional Education of the Russian Federation, President of the Academy of Political (Russia).

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia).

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Research Institute for Communications Development, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia).

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia).

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor (Russia).

Vyacheslav T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В. В.

От главного редактора..... 14

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения

Фрольцов В.В., Мармонтова Т.В., Большаков А.Г., Атаев А.В.

Модели урегулирования территориальных конфликтов 22

Нессар М.О.

Современный Афганистан: факторы нестабильности 38

Ласария А.О.

Политические системы частично признанных государств: проблема оценки стабильности 50

Татаров Р.А.

Дружественность коммуникационных режимов Российской Федерации и Республики Молдова в реалиях фрагментации мирового коммуникационного порядка 63

Хахалкина Е.В., Котович К.А.

Фактор пандемии в соперничестве Э. Макрона и М. Ле Пен на президентских выборах во Франции в 2022 году 76

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы
Политическая социология

Грибин Н.П., Кохтюлина И.Н., Соболев И.И., Седунов Д.И.

Информационный суверенитет: материалы научной дискуссии100

Комлева В.В., Барахвостов П.А., Калачева И.И., Межевич Н.М., Рогальский С.Г., Воротников В.В., Качура А.Г., Лазоркина О.И., Стоппе А.Г.

Коммуникационный режим Беларуси: устойчивость и факторы формирования 132

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Барахвостов П.А.

Формирование и эволюция русских фронтиров 166

Дорохина К.М.

Влияние газового кризиса 2021–2022 годов на энергетическую устойчивость и реализацию климатических обязательств крупнейшими эмитентами углекислого газа 178

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

Шабров О.Ф., Комлева В.В., Володенков С.В., Гаджиев Х.А., Гулиев И.А.

Устойчивость и стабильность государств в цифровую эпоху204

Чернышов М.М.

Влияние элит на выбор вектора развития региона224

Бурда М.А., Иванова М.М.

Миграционная политика современной России: условия обеспечения общественно-политической стабильности 238

CONTENTS

Vitaly V. Naumkin

Editor-in-chief foreword 14

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

Vladislav V. Froltsov, Taisiya V. Marmontova, Andrey G. Bolshakov, Artur V. Ataev.

Models for the Settlement of Territorial Conflicts 22

Omar M. Nessar.

Modern Afghanistan: Factors of Instability..... 38

Aynar O. Lasarya.

Political Systems of Partially Recognized States: the Problem of Assessing Stability 50

Roman A. Tatarov.

Friendly Communication Modes of the Russian Federation and the Republic of Moldova
in the Realities of Fragmentation of the World Communication Order 63

Elena V. Khakhalkina, Kseniya A. Kotovich.

The pandemic factor in the rivalry between E. Macron and M. Le Pen in the Presidential
Elections in France in 2022..... 76

CHANGING SOCIETY

Social structure, social institutions and processes

Nikolai P. Gribin, Irina N. Kokhtyulina, Denis I. Sedunov, Egor I. Sobolev.

Information Sovereignty: Materials of Scientific Discussion.....100

Valentina V. Komleva, Pavel A. Barakhvostov, Irina I. Kalacheva, Nikolay M.

**Mezhevich, Stanislav G. Rogalsky, Vladislav V. Vorotnikov, Andrey G. Kachura, Olga I.
Lazorkina.**

The Communication Mode of Belarus: Stability and Formation Factors. 132

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of international relations and foreign policy

Pavel A. Barakhvostov.

Formation and Evolution of Russian Frontiers..... 166

Ksenia M. Dorokhina.

The Impact of the Gas Crisis of 2021–2022 on Energy Sustainability and the
Implementation of Climate Commitments by the Largest Emitters of Carbon Dioxide ... 178

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

**Oleg F. Shabrov, Valentina V. Komleva, Sergey V. Volodenkov, Khanlar A. Hajiyev,
Igbal A. Guliyev.**

State Sustainability and Stability in the Digital Age.204

Mikhail M. Chernyshov.

The Influence of Elites on the Choice of the Direction of the Development
of the Region224

Mikhail A. Burda, Marina M. Ivanova.

Migration Policy of Modern Russia: Conditions for Ensuring Socio-political Stability 238

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal «Russia & World: Scientific
Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Текущий номер журнала посвящен преимущественно проблематике изменяющегося социума, вызовом его устойчивости и стабильности: этому посвящены материалы двух дискуссий и статьи наших авторов.

Рубрику «Международные, глобальные и региональные процессы» открывают материалы научной дискуссии об опыте урегулирования территориальных конфликтов, которые являются одними из самых распространенных их видов в мире. Дискуссия была организована и проведена Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК). Ее участники В.В. Фрольцов, Т.В. Мармونتова, А.Г. Большаков, А.В. Атаев отметили, что данная проблематика актуализируется особенно в условиях резкого обострения международной напряженности, а также формирования новой архитектуры международных отношений в результате поиска современной модели и инструмента международного посредничества в урегулировании территориальных споров. Авторы обращают внимание на роль в этом процессе таких влиятельных игроков, как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Южная Африка, которые неукоснительно воздерживаются от вмешательства в любые межгосударственные конфликты и способны стать эффективными посредниками в их разрешении. Значительный потенциал сохраняют и новые региональные организации. Таким образом, данная тематика представляет значительный исследовательский интерес в плане отыскания эффективной и оптимальной модели

EDITOR-IN-CHIEF FOREWORD

Dear readers!

The current issue is devoted mainly to the problems of a changing society, the challenges of its sustainability and stability: the materials of two discussions and articles by our authors are devoted to this.

The section «International, Global and Regional Processes» is opened by materials of scientific discussion about the experience of settling territorial conflicts, which are one of the most common types of conflicts in the world. The discussion was organized and conducted by the National Research Institute for the Communications Development of (NIIRK). Its members Vladislav V. Frolov, Taisiya V. Marmontova, Andrey G. Bolshakov, Artur V. Ataev noted that this issue is especially actual in the context of a sharp aggravation of international tension, as well as the formation of a new architecture of international relations as a result of the search for a modern model and instrument of international mediation in the settlement of territorial disputes. The authors draw attention to the role in this process of such influential players as China, India, Brazil, Indonesia, South Africa, who strictly refrain from intervening in any interstate conflicts and are able to become effective mediators in their resolution. New regional organizations also retain significant potential. Thus, this topic is of considerable research interest for finding an effective and optimal model of international mediation in the context of aggravation of geopolitical contradictions. Despite their

международного посредничества в условиях обострения геополитических противоречий. Несмотря на их интенсивность, они все же поддаются урегулированию. Наиболее часто практикуются переговоры, на которых договариваются о делимитации и демаркации спорных границ и принадлежности анклавов. Особую роль здесь играют информационные потоки, которые сопровождают как сами споры, так и процесс их разрешения, при этом остается открытым поле для фейков и манипуляций. Участники дискуссии предложили для мониторинга информационных потоков контент-анализ, веб-аналитику, которые позволяют получить верифицированный набор данных, анализ которых даст возможность сделать обоснованные выводы, а на основании этого может приниматься конкретное административно-управленческое решение.

М.О. Нессаром проанализированы результаты исследования основных факторов, определяющих афганскую нестабильность, и выработаны предложения по решению этой проблемы. Среди факторов нестабильности современного Афганистана, по мнению автора, риски, связанные с региональной безопасностью, включая терроризм и наркоугрозы, трудности, возникшие в финансово-банковской системе из-за непризнания нового политического режима, которые существенно повлияют на социально-экономическое и гуманитарное положение в стране в ближайшем будущем. В качестве стабилизирующего фактора автор видит развитие транзитного потенциала Афганистана (реализация возможности стать связующим мостом между Центральной и Южной Азией), обращает внимание на пример Афганистана, в котором создается новый механизм международной легитимации правительств, силовым путем захвативших власть.

Статья А.О. Ласария посвящена политическим системам частично признанных государств, приращению новых знаний по этой проблематике. Автор сосредоточился на проблеме оценки их стабильности, акцентировал внимание на установлении различий и сходств между понятиями «стабильность» и «устойчивость», влиянии на них внешних и внутренних политических процессов и отношений. В результате исследования А.О. Ласария пришел к выводу о том, что если устойчивость выступает базисом для

intensity, they are still manageable. The most frequently practiced are negotiations in which it is possible to agree on the delimitation and demarcation of disputed borders and the ownership of enclaves. A special role here is played by the information flows that accompany the disputes themselves as well as the process of their resolution, at the same time the field for fakes and manipulations remains open. The discussion participants proposed content analysis and web analytics for monitoring information flows, which allow obtaining a verified set of data. The analysis of it will make it possible to draw reasonable conclusions, and on the basis of this, a specific administrative and managerial decision can be made.

Omar M. Nessar analyzed the results of a study of the main factors determining Afghan instability and developed proposals for solving this problem. Among the factors of instability in modern Afghanistan, according to the author, are the risks associated with regional security, including terrorism and drug threats, difficulties that have arisen due to the non-recognition of the new political regime in the financial and banking system, that will significantly affect the socio-economic and humanitarian situation in the country soon. As a stabilizing factor, the author sees the development of the transit potential of Afghanistan (the opportunity to become a connecting bridge between Central and South Asia), the author draws attention to the example of Afghanistan, in which a new mechanism for the international legitimation of governments that have seized power by force is being created.

Article by Aynar O. Lasarya is dedicated to the political systems of partially recognized states, the increment of new knowledge on this issue. The author focused on the problem of assessing their stability, focused on establishing differences and similarities between the concepts of «stability» and «sustainability», the influence of external and internal political processes and relations on them. As a result of the study A.O. Lasariya came to the conclusion that if sustainability is the basis for stability, then diagnosing the status of advancement to the state of such stability becomes relevant.

стабильности, то релевантное значение приобретает диагностирование статуса «продвижения» к состоянию такой устойчивости.

Читатель сможет также ознакомиться с результатами сравнительного анализа дружественности коммуникационных режимов Российской Федерации и Республики Молдова, а также с материалами дискуссии о коммуникационном режиме Беларуси. Сравнивая дружественность коммуникационных режимов Российской Федерации и Республики Молдова в реалиях фрагментации мирового коммуникационного порядка, Р.А. Татаров пришел к выводу о том, что степень дружественности режимов находится в прямой зависимости от национальных интересов государств и их связи с внешними акторами. А на последние оказывает существенное влияние процесс фрагментации мирового коммуникационного порядка. Уровень дружественности коммуникационного режима Молдовы по отношению к России, по мнению автора, достаточно низкий. В регионе формируются противоречия вокруг проблемы совместимости реализации национальных интересов Молдовы и России.

Е.В. Хахалкина и К.А. Котович акцентировали внимание на факторе пандемии в соперничестве Э. Макрона и М. Ле Пен на президентских выборах во Франции в 2022 году и понимании роли этого фактора в соперничестве двух кандидатов за исход голосования на предстоящих выборах. Особое внимание авторами было уделено некоторым неоднозначным действиям Э. Макрона в борьбе с пандемией, которые оказали негативное влияние на его рейтинг, и попыткам М. Ле Пен использовать пандемию для расширения своего электората и увеличения шансов на победу в выборах.

«Изменяющийся социум» представлен двумя статьями по материалам научных дискуссий. В статье по материалам дискуссии об информационном суверенитете обращается внимание прежде всего на проблемы информационного суверенитета и информационной безопасности России. Участники научной дискуссии Н.П. Грибин, И.Н. Кохтюлина, И.И. Соболев, Д.И. Седунов рассмотрели различные подходы к организации информационного суверенитета таких стран, как Китай, США и Россия. Отмечены тенденции, влияющие на информационный

The reader is also able to get acquainted with the results of a comparative analysis of the friendliness of the communication modes of the Russian Federation and the Republic of Moldova, as well as the materials of the discussion on the communication mode of Belarus. Comparing the friendliness of the communication modes of the Russian Federation and the Republic of Moldova in the realities of the fragmentation of the world communication order, Roman A. Tatarov came to the conclusion that the degree of friendliness is directly dependent on the national interests of states and their relationship with external actors. And the latter are significantly influenced by the process of fragmentation of the world communication order. The level of friendliness of the Moldovan communication mode towards Russia, according to the author, is quite low. In the region, the problem of compatibility of the implementation of the national interests of Moldova and Russia is considered contradictory.

Elena V. Khakhalkina and Kseniya A. Kotovich focused on the pandemic factor in the rivalry between E. Macron and M. Le Pen in the presidential elections in France in 2022 and on understanding the role of this factor in the rivalry between the two candidates for the outcome of the vote in the upcoming elections. The authors paid special attention to some of the controversial actions of E. Macron in the fight against the pandemic, which had a negative impact on his rating, and M. Le Pen's attempts to use the pandemic to expand his electorate and increase her chances of winning the elections.

«Changing Society» is presented by two articles and materials of scientific discussion. The article based on the materials of the discussion on information sovereignty, draws attention primarily to the problems of information sovereignty and information security of Russia. Participants of the scientific discussion Nikolai P. Gribin, Irina N. Kokhtyulina, Denis I. Sedunov, Egor I. Sobolev. considered various approaches to organizing the information sovereignty of countries such as China, the United States and Russia. The trends affecting the information sovereignty

суверенитета государства: рост исследований в цифровой отрасли и создание высокотехнологичной продукции; пандемия коронавируса, вызвавшая скачок в использовании этой продукции в повседневной жизни; перемещение многих форм взаимодействия между людьми в онлайн-режим; использование киберпространства как площадки для ведения хакерских атак и шпионажа. Рассмотрены угрозы информационному суверенитету России, связанные с технологической зависимостью России от зарубежных технологий и оборудования, слабой защищенностью российской информационной инфраструктуры, при этом выработаны и представлены предложения по дополнительным мерам по ее обеспечению.

Беларусь в настоящее время привлекает особое внимание представителей разных гуманитарных и социальных наук. Участники научной дискуссии в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций В.В. Комлева, П.А. Баракхвостов, И.И. Калачева, Н.М. Межевич, С.Г. Рогальский, В.В. Воротников, А.Г. Качура, О.И. Лазоркина, А.Г. Стоппе обратились к исследованию коммуникационного режима Беларуси. В ходе дискуссии ее участниками были рассмотрены факторы влияния на коммуникационный режим в Беларуси и опыт исследования в белорусском обществе коммуникации поколений. Участники пришли к выводу о том, что формирование коммуникационного режима в этой стране происходило в условиях противодействия двух тенденций: развитие системы вертикальных коммуникаций, характерных для стран с институциональной матрицей, где доминируют редистрибутивные институты, и системы горизонтальных коммуникаций, что характерно для стран с доминированием рыночных институтов в институциональной матрице.

Под рубрикой «Историческая ретроспектива и современность» в статье П.А. Баракхвостова поднимается проблематика фронтальных территорий и их роли в генезисе социальных систем, которую актуализировали геополитические и геоэкономические трансформации последних десятилетий. В своей статье о формировании и эволюции русских фронтов автор приходит к выводу о том, что колонизация замедляла переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закреп-

of the state are noted: the growth of research in the digital industry and the creation of high-tech products; the coronavirus pandemic, which caused a surge in the use of these products in everyday life; moving many forms of interaction between people online; use of cyberspace as a platform for hacker attacks and espionage. The threats to the information sovereignty of Russia associated with the technological dependence of Russia on foreign technologies and equipment, the weak security of the Russian information infrastructure are considered, some proposals for additional measures to ensure it are developed and presented.

Belarus is currently attracting special attention of representatives of various social sciences. Participants of the scientific discussion at the National Research Institute for the Communications Development Valentina V. Komleva, Pavel A. Barakhvostov, Irina I. Kalacheva, Nikolay M. Mezhevich, Stanislav G. Rogalsky, Vladislav V. Vorotnikov, Andrey G. Kachura, Olga I. Lazorkina turned to the study of the communication mode of Belarus. During the discussion, the participants considered the factors of influence on the communication mode in Belarus and communication between generations in the Belarusian society. The participants came to the conclusion that the formation of the communication mode in this country took place in the context of counteraction of two trends: the development of a system of vertical communications, typical of countries with an institutional matrix where redistributive institutions dominate, and a system of horizontal communications, which is typical of countries with the dominance of market institutions in the institutional matrix.

In the section «Historical retrospective and modernity» Pavel A. Barakhvostov raises the issue of frontier territories and their role in the genesis of social systems, which has been updated by the geopolitical and geo-economic transformations of recent decades. In his article on the formation and evolution of the Russian frontiers, the author comes to the conclusion that colonization slowed down the transition from extensive to intensive methods of space development, consolidated low-tech ways and

пляла низкотехнологичные уклады и транслировала их на периферию. Это приводило к тому, что русские фронтиры переориентировали империю на самодостаточный вариант развития, обусловив особый, российский путь модернизации. Он отмечает, что эволюция фронтирных территорий напрямую управлялась российским государством, а проводимая политика традиционно выстраивалась на принципах диалога с автохтонным населением.

К.М. Дорохина обратилась к оценке влияния газового кризиса 2021–2022 годов на энергетическую устойчивость и реализацию климатических обязательств крупнейшими эмитентами углекислого газа. Целью исследования автора стал анализ стремительного роста цен на природный газ, который она связывает с реализацией климатических обязательств и национальных планов государств, зависимых от импорта природного газа. В результате она приходит к выводу о том, что государства-эмитенты в условиях кризисов вынуждены частично отступать от своих прежних решений по климату, что делает их проблематичными.

Рубрика «Власть, политика, государство» представлена тремя статьями. Устойчивости и стабильности государств в цифровую эпоху посвящены материалы еще одной дискуссии, участниками которой стали О.Ф. Шабров, В.В. Комлева, С.В. Володенков, Х.А. Гаджиев. И.А. Гулиев. В центре обсуждения стояли проблемы цифровизации общественных отношений и гибридизации современных политических режимов как модели адаптации государства к цифровым технологическим трансформациям. Происходящие процессы системны: они включают как их преимущества, так и социальные проблемы, которые могут привести к дестабилизации и нарушению устойчивости общественно-политической системы. К числу последних участники отнесли влияние цифровизации на электоральные процессы, морально-этические проблемы, связанные с противоречиями между технологическим прогрессом и законами развития человеческих обществ, слабость систем управления социотехническими системами. Еще более уязвимыми для общественно-политической системы являются внешние влияния и атаки. Поэтому участники дискуссии приходят к выводу о необходимости формирования

broadcast them to the periphery. This led to the fact that the Russian frontiers reoriented the empire towards a self-sufficient development option, causing a special, Russian path of modernization. He notes that the evolution of the frontier territories was directly controlled by the Russian state, and the policy pursued was traditionally built on the principles of dialogue with the indigenous population.

Ksenia M. Dorokhina turned to assessing the impact of the 2021-2022 gas crisis on energy sustainability and the implementation of climate commitments by the largest emitters of carbon dioxide. The purpose of the author's research was to analyze the rapid growth in natural gas prices, which she associates with the implementation of climate commitments and national plans of states dependent on natural gas imports. As a result, she concludes that issuing countries in times of crisis are forced to partly deviate from their previous climate decisions, which makes them problematic.

The section «Power, Politics, State» is represented by four articles. The sustainability and stability of states in the digital age are the subject of another discussion, the participants of which were Oleg F. Shabrov, Valentina V. Komleva, Sergey V. Volodenkov, Khanlar A. Gadzhiev, Iqbal A. Guliyev. The discussion focused on the problems of digitalization of social relations and the hybridization of modern political regimes as a model for adapting the state to digital technological transformations. The ongoing processes are systemic: they include both advantages and social problems that can lead to destabilization and disruption of the stability of the socio-political system. Among the latter, the participants attributed the impact of digitalization on electoral processes, moral and ethical problems associated with the contradictions between technological progress and the laws of the development of human societies, and the weakness of sociotechnical management systems. Even more vulnerable to the socio-political system are external influences and attacks. Therefore, the participants in the discussion come to the conclusion that it is

социального иммунитета, который позволил бы обществу реагировать на внешние и внутренние дестабилизации.

Статья М.М. Чернышова посвящена влиянию элит на выбор вектора развития региона. По его мнению, одной из причин низкой эффективности региональных стратегий является то, что они не имеют широкой общественной поддержки, главным образом со стороны региональных элит. Автор предлагает в качестве конвенциональной стратегии поиск баланса интересов элит и формирования широкого общественного договора по основным целям и приоритетам развития. Читателям может быть интересна выдвинутая автором идея разработки «карт сфер влияния и интересов» различных элитарных групп. В статье выделены и описаны четыре типа региональной элиты: консервативная, радикальная, прогрессивная и колониальная, представлен финансово-имущественный портрет элит, «матрицы» целей и векторов элитных групп, составлен «компас поведения элит».

М.А. Бурда, М.М. Иванова обратились к исследованию условий обеспечения общественно-политической стабильности в миграционной политике современной России. Авторы привлекают внимание к существующим точкам миграционного притяжения, предлагают рассмотреть структурирование направленных в Россию внешних миграционных потоков. Поскольку основной поток внешней миграции в Российскую Федерацию составляют трудовые мигранты с постсоветского пространства, они в основном не рассматривают Россию в качестве нового постоянного места жительства и не заинтересованы в полноценной интеграции в российское общество. Авторы считают назревшими определенные изменения, связанные с количественными и качественными показателями внешней миграции, поскольку они формируют риски для внутривнутриполитической стабильности.

Уважаемые читатели!

Уважаемые читатели! Редакционная коллегия выражает надежду на то, что материалы представляемого номера журнала вызовут у вас интерес и вы сами войдете в число наших авторов.

Академик РАН Виталий Наумкин

necessary to form social immunity, which would allow society to respond to external and internal destabilization.

Mikhail M. Chernyshov's article is devoted to the influence of elites on the choice of the direction of development of the region. In his opinion, one of the reasons for the low effectiveness of regional strategies is that they do not have broad public support, mainly from the regional elites. The author proposes as a conventional strategy the search for a balance of interests of the elites and the formation of a broad social contract on the main goals and priorities of development. Readers may be interested in the idea put forward by the author of developing «maps of spheres of influence and interests» of various elite groups. The article identifies and describes four types of regional elite: conservative, radical, progressive and colonial, presents a financial and property portrait of the elites, a «matrix» of goals and vectors of elite groups, and a «compass of elite behavior».

Mikhail A. Burda, Marina M. Ivanova turned to the study of the conditions for ensuring socio-political stability in the migration policy of modern Russia. The authors draw attention to the existing points of migration attraction, the structure of external migration flows directed to Russia. Since the main flow of external migration to the Russian Federation is made up of labor migrants from the post-Soviet space, they generally do not consider Russia as a new permanent place of residence and are not interested in full integration into Russian society. The authors consider certain changes related to the quantitative and qualitative indicators of external migration to be overdue, since they form risks for domestic political stability.

Dear readers!

The editorial board of the journal hopes that the materials of the issue will arouse your interest and that you yourself will become one of our authors in the future.

Academician of the Russian Academy of Sciences Vitaly V. Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные
отношения

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

... Переговоры сами по себе не будут достаточно эффективными, необходима их взаимосвязь с другими способами разрешения конфликта. При силовом подходе, например, переговоры являются вторичным средством и определяют состав миротворческих сил, их мандат, численность, время и место введения, нахождение и т.д. В то же время силовой способ останавливает насилие между противниками, стимулирует сотрудничество между ними, налаживание контактов, способствует началу нового витка переговорного процесса...

Фрольцов В.В., Мармонтова Т.В., Большаков А.Г., Атаев А.В.

Модели урегулирования территориальных конфликтов

Возможно, на примере Афганистана в перспективе мир увидит новый механизм международной легитимации правительств, силовым путем захвативших власть и изначально являвшихся неприемлемыми международными партнерами, изгоями.

Нессар О.М.

Современный Афганистан: факторы нестабильности

Устойчивость имеет более выраженный статичный характер, в отличие от стабильности, которая может варьироваться в зависимости от колебаний непостоянных элементов политической системы в заранее предусмотренных пределах.

Ласария А.О.

Политические системы частично признанных государств

В складывающихся обстоятельствах ожидать того, что коммуникационный режим Молдовы станет более дружественным, не приходится. Вероятно, что стагнация двустороннего сотрудничества в сфере безопасности будет и впредь оставаться актуальной...

Татаров Р.А.

Дружественность коммуникационных режимов Российской Федерации и Республики Молдова в реалиях фрагментации мирового коммуникационного порядка

Согласно социологическим опросам, лидер правых практически не имеет шансов получить президентский мандат, так как в случае выхода во второй тур не Э. Макрона, а других кандидатов из пятерки наиболее популярных велика вероятность повторения сценария 2002 и 2017 годов... на сегодняшний день Э. Макрон имеет наибольшую вероятность одержать победу и пройти на второй президентский срок, несмотря на ряд неоднозначных решений, принятых им в период пандемии. В то же время для М. Ле Пен пандемия стала той темой, благодаря которой она смогла расширить свой электорат за счет включения различных слоев общества.

Хахалкина Е.В., Котович К.А.

Фактор пандемии в соперничестве Э. Макрона и М. Ле Пен на президентских выборах во Франции в 2022 году

Модели урегулирования территориальных конфликтов

Владислав Валерьевич Фрольцов^{1a}, Таисия Викторовна Мармонтова^{2b}, Андрей Георгиевич Большаков^{3c}, Артур Викторович Атаев^{4d}

¹ Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

² Институт дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

³ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

⁴ Московский государственный институт культуры, Москва, Россия

^a froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>

^b marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297>

^c bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5036-000>

^d urataev@gmail.com

Аннотация. В статье представлены материалы научной дискуссии, проведенной в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций (Москва, Россия), основной темой которого был опыт урегулирования территориальных конфликтов. Рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с теорией и практикой реализации разного рода подходов к разрешению кризисов. Охарактеризованы основные политико-правовые подходы и дипломатические инструменты организации международного посредничества в деле урегулирования территориальных конфликтов. Представлены результаты исследования исторического опыта международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов. Предложена основанная на данных методика, позволяющая оценить информационные источники, направленные на освещение конфликта. Рассмотрены имевшие место в разный период времени конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. Территориальные конфликты многочисленны в регионе Центральной Азии. В основном они связаны с отсутствием официальных государственных границ между тремя странами: Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном. Наиболее

сложным, масштабным и кровопролитным является конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном в 2021 году, который был поддержан вооруженными силами двух стран. Переговоры, делимитация и демаркация границ – пока наиболее существенная альтернатива существующим конфликтам. Установлены особенности их протекания, выделены инструменты управления данными событиями. Предложен набор рекомендаций, имеющий научное и практическое значение в части применения стратегий антикризисного реагирования на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Международное посредничество, государства-посредники, демаркационная линия, локальный плебисцит, региональные организации, территориальный конфликт, анклав, переговоры, урегулирование конфликта, открытые границы, информация

Для цитирования: Фрольцов В.В., Мармонтова Т.В., Большаков А.Г., Атаев А.В. Модели урегулирования территориальных конфликтов // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 22-37. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-22-37](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-22-37)

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-22-37](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-22-37)

Models for the settlement of territorial conflicts

Vladislav V. Froltsov^{1a}, Taisiya V. Marmontova^{2b}, Andrey G. Bolshakov^{3c}, Artur V. Ataev^{4d}

¹ Belarusian State University, Minsk, Belarus

² Institute of Diplomacy, Nursultan, Kazakhstan

³ Kazan Federal University, Kazan, Russia

⁴ Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

^a froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>

^b marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297>

^c bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5036-000>

^d urataev@gmail.com

Abstract. The article presents the materials of a round table held at the National Research Institute for the Communications Development (Moscow, Russia), the main topic of which was the experience of resolving territorial conflicts.

A wide range of issues related to the theory and practice of crisis resolution practices is considered. The main political and legal approaches and diplomatic instruments to international mediation in the settlement of territorial conflicts are characterized. The results of the study of the historical experience of international mediation in the settlement of territorial conflicts are presented. A data-based methodology is proposed that allows evaluate information sources covering the conflict.

The conflicts in Central Asia and the Caucasus that took place in different periods are considered. Territorial conflicts are numerous in the Central Asian region. They are mainly related to the absence of official state borders between the three countries: Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan. The most complex, large-scale, and bloody is the conflict between Kyrgyzstan and Tajikistan in 2021, which was supported by the armed forces of the two countries. Negotiations, delimitation, and demarcation of borders are still the most significant alternative to existing conflicts.

The tools for managing these events are highlighted. A set of recommendations is proposed that has scientific and practical significance in terms of anti-crisis response strategies in the post-Soviet space.

Keywords: International mediation, intermediary States, demarcation line, local plebiscite, regional organizations, territorial conflict, enclave, negotiations, conflict resolution, open borders, information

For citation: Vladislav V. Froltsov, Taisiya V. Marmontova, Andrey G. Bolshakov, Artur V. Ataev. Territorial Conflicts: Settlement Experience: Materials of Scientific Discussion. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 22-37. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-22-37](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-22-37)

Введение

Сравнительный анализ эффективности использования различных политико-правовых подходов и дипломатических инструментов для разрешения территориальных конфликтов представляет значительный исследовательский интерес, не только исходя из необходимости предоставить обобщающую характеристику исторического опыта мирного урегулирования вооруженных конфликтов, но и предложить наиболее эффективную, оптимальную модель международного посредничества в условиях современного переформатирования мировой политической системы и обострения геополитических противоречий.

Территориальные конфликты являются одними из самых распространенных в мире. Несмотря на то, что они являются в большинстве своем достаточно интенсивными (конфликт между Азербайджаном и Арменией, конфликт между Кипром и Турцией, Кашмирский конфликт и др.), они принципиально поддаются урегулированию. Своя специфика управления территориальными конфликтами есть на постсоветском пространстве. Эти конфликты являются, как правило, пролонгированными, а способы их урегулирования не меняются десятилетиями. Наиболее известный метод – это переговоры, на которых договариваются о делимитации и демаркации спорных границ и принадлежности анклавов.

Формирование информационных потоков – важный аспект работы по урегулированию разного рода кризисов. Современная ситуация показывает, что информационная составляющая сегодня может оцениваться как составная часть любого, в том числе и территориального, конфликта; таким образом, использование таких методик, как контент-анализ и веб-аналитика, позволяет получить верифицированный набор данных, анализ которых даст возможность сделать обоснованные выводы, на основании которых может приниматься точечное управленческое действие.

Материалы и методы

Авторы использовали разные методологические подходы и методы для своих исследований. Обмен этими подходами в ходе научной дискуссии позволил выделить наиболее результативные и перспективные, к числу которых относятся системный метод, метод исторической перспективы, компаративный метод, статистический метод, моделирования, конкретно-исторического анализа, сопоставительного анализа, контент-анализа при помощи ряда специализированных утилит.

В.В. Фрольцов представил краткие результаты сравнительно-исторического анализа опыта международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов, обозначив сильные и слабые стороны основных подходов и инструментов, применявшихся для решения этой актуальной проблемы международных отношений.

Т.В. Мармонтовой были привлечены для контент-анализа материалы региональных СМИ приграничных территорий России и Казахстана (девять СМИ в шести регионах) в период с 24 февраля по 1 марта 2022 года, сделаны выводы по поводу того, как использовать инструментальные способы анализа при формировании информационной политики. Представленные материалы позволяют на основе анализа исторического опыта разрешения конфликтов показать существующую логическую преемственность в процессе их урегулирования. Постсоветское пространство потенциально имеет высокую конфликтность, связанную с этнической пестротой, разной направленностью геополитических интересов, высокой степенью влияния разных акторов. Потенциально конфликт стоит считать одной из фаз общественно-политического развития, при этом опыт прохождения через конфликт драматичен, болезненно отражается в общественном сознании. В силу этого важно помнить, что любой кризис имеет тенденцию к повторению, и наличие аналитического задела по поводу того, как его урегулировать, какие последствия имеют долго-, средне- и краткосрочный характер, помогут лицам, принимающим решения в построении алгоритма управленческого действия. В результате исследования можно увидеть логику анализа и набор данных, связанных с изучением реальной ситуации.

А.Г. Большаковым использована методика кейс-стади, которая анализирует конкретные случаи приграничных конфликтов, позволяет исследовать территориальные претензии и споры между странами Центральной Азии, в особенности расположенными в Ферганской долине. Различные кейсы сравниваются между собой для конструирования целостной теории урегулирования конфликтов в регионе.

А.В. Атаевым привлечены материалы шариатского суда во время территориального спора между Чечней и Ингушетией, материалы подписанного в Москве Соглашения о прекращении огня и разъединении сил в грузино-абхазском вооруженном конфликте 1992–1993 годов, статистические материалы о составе Коллективных сил по поддержанию мира в том конфликте.

Результаты исследования

Исторический опыт международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов (Фрольцов В.В.)

Всесторонняя характеристика и системная оценка многогранного исторического опыта деятельности различных международных посредников в процессе урегулирования территориальных конфликтов представляет особый интерес как для исследователей в сфере международных отношений, так и для специалистов-практиков. В современных условиях реформирования системы международных отношений они сталкиваются с необходимостью найти оптимальные модели и механизмы предотвращения и урегулирования территориальных конфликтов, которые не только не стали достоянием истории, но и заметно обострились в начале XXI века.

Традиционным посредником в урегулировании таких конфликтов на протяжении многих веков выступала третья сторона в лице государства, интересы которого конфликт не затрагивал напрямую или даже косвенно и которому стороны конфликта могли доверять в равной степени. Выбор такого посредника всегда представлял значительную сложность, так как степень доверия к нему сторон конфликта могла изменяться под воздействием как самого хода переговоров, так и различных внешних факторов.

Так, для достижения мирного договора по итогам первого крупного вооруженного конфликта XX века – Русско-японской войны 1904–1905 годов в качестве посредника был приглашен президент США Т. Рузвельт, который, как предполагалось, мог обеспечить приемлемые условия для обеих сторон. В результате они не устроили ни Россию, ни Японию, что создало условия для перманентного территориального спора на Дальнем Востоке¹. Он не потерял актуальности и в XXI веке с учетом актуализации претензий Японии на российские Южные Курилы, очередное озвучивание которых произошло в марте 2022 года на фоне введения западных санкций против России².

Важен также опыт урегулирования территориальных конфликтов после Первой мировой войны, которая продолжалась более четырех лет, унесла жизни более 18 млн человек и вошла в память современников как Великая война. Намереваясь создать долгосрочные условия для сохранения мира в Европе, в 1919–1921 годах бывшие участники конфликта прибегли к новому формату урегулирования территориальных споров. Он включал работу специальных комиссий по изучению этнической, конфессиональной и языковой ситуации в спорных регионах, в том числе на основании этнографических исследований. Таким образом, к примеру, была установлена «линия Керзона». Названная в честь главы МИД Великобритании 1919–1924 годов лорда Дж.Н. Керзона,

¹ Мирный договор между Россией и Японией, заключенный в Портсмуте 28 августа / 5 сентября 1905 г. // цит. по: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 337–341.

² Заявление МИД России об ответных мерах на решения Правительства Японии // МИД Российской Федерации [Электронный ресурс]. 21.03.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805541/.

демаркационная линия учитывала особенности расселения белорусского, украинского и польского населения на территории от Гродно до Карпат и была рекомендована Верховным советом Антанты в декабре 1919 года для проведения восточной границы Польши³. В результате Польско-советской войны 1919–1921 годов и Рижского мирного договора 1921 года она прошла намного восточнее. Однако по итогам Второй мировой войны державы-победительницы вернулись к «линии Керзона». Именно она в 1945 году с незначительными коррективами легла в основу польско-советской границы, а с 1991 года – и нынешней границы Польши с Республикой Беларусь и Украиной⁴.

Другим инструментом национально-территориального размежевания стало проведение локальных (кантональных) плебисцитов, которые были призваны определить желание населения отдельных районов жить в составе того или иного государства. По такому принципу была установлена в 1920 году нынешняя линия границы между Германией и Данией, которая осталась неизменной даже после вторжения германских нацистов в Данию в 1940 году⁵.

В ходе функционирования ООН как универсальной международной организации вполне действенным показал себя механизм независимого арбитража для определения территориальной принадлежности спорных участков, особенно между новыми независимыми государствами в Азии, Африке и Южной Америке. Их границы были установлены в колониальный период исходя из интересов европейских метрополий и, как правило, не учитывали этноконфессиональный состав населения.

Общественно-политический ландшафт казахстанско-российского приграничья через призму региональных СМИ (Мармонтова Т.В.)

В рамках решения задач предотвращения и регулирования конфликтов важную роль играет анализ коммуникативного пространства. Одной из серьезных составляющих такого пространства выступает региональная пресса.

Республика Казахстан и Российская Федерация имеют очень прочные связи. Нормативно-правовая база двустороннего сотрудничества составляет порядка 300 различных договоров и меморандумов.

При проведении анализа гипотеза состояла в том, что все общественно-политические процессы имеют определенное отражение в информационном поле. Региональная пресса может позволить оценить активность подобных взаимодействий и сделать выводы об их глубине.

³ Нота Министра иностранных дел Великобритании Керзона от 11 июля 1920 г. («Линия Керзона») // цит. по: Документы внешней политики СССР: в 24 т. М., 1959. Т. 3. С. 54–55.

⁴ Решения конференции. 4–12 февраля 1945 г. (Ялтинская (Крымская) конференция 1945 г.) // цит. по: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 247–253.

⁵ Teil II. Deutschlands Grenzen. Artikel 27 / Friedensvertrag von Versailles. Vom 28. Juni 1919 // Documentarchiv.de [Электронный ресурс]. 3.01.2004. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv02.html>.

Для подтверждения гипотезы было проведено исследование региональной прессы как со стороны Республики Казахстан, так и со стороны Российской Федерации.

В частности, со стороны Казахстана было проанализировано содержание региональных СМИ таких городов, как Павлодар, Петропавловск и Костанай. С учетом наличия тесных культурных и экономических связей между городами приграничья с российской стороны были изучены региональные СМИ Новосибирска, Омска и Челябинска.

Был проведен контент-анализ новостных лент 9 СМИ в 6 регионах (по три со стороны РК и РФ). При проведении контент-анализа в расчет был принят временной интервал между 24 февраля и 1 марта. Кроме того, для определения особенностей информационных потоков в интернет-пространстве был проведен веб-анализ сайтов данных СМИ при помощи ряда специализированных утилит.

В результате сопоставительного анализа информации в контексте СМИ Павлодара и Новосибирска были получены следующие результаты. В региональных СМИ Павлодара⁶ в данный период было опубликовано 75 заметок, и только 5 – по тематике международной ситуации. В региональных СМИ Новосибирска⁷ было опубликовано 542 заметки, по тематике, связанной с международной ситуацией, – 49 заметок.

Оценивая содержание заметок, которые затрагивали вопросы международной повестки, отметим, что со стороны Казахстана преобладали темы, связанные с выходящей миграцией, количеством тех, кто покинул пределы области.

СМИ Новосибирска сосредоточились на основном событии – конфликте на Украине и связанных с этим последствиях для РФ: санкции, ограничения и проч.

В результате сопоставительного анализа информации в контексте СМИ Костаная и Челябинска были получены следующие результаты. В региональных СМИ Костаная⁸ в указанный период было опубликовано 163 заметки, и 16 из них – по тематике международной ситуации. В региональных СМИ Челябинска⁹ было опубликовано 378 заметок, по тематике, связанной с международной ситуацией, – 53 заметки.

Анализ контента позволил определить информационные доминанты, связанные с реакцией на ситуацию на Украине, дать оценку экономических эффектов от санкций (как прямых, на Россию, так и опосредованных, на Казахстан), а также обозначить более локальные тематики (спорт, миграция и пр.).

В результате сопоставительного анализа информации в контексте СМИ Петропавловска и Омска были получены следующие результаты. В региональных СМИ Петропавловска¹⁰ в указанный период была опубликована 171 заметка, и 40 из них – по

тематике международной ситуации. В региональных СМИ Омска¹¹ было опубликовано 443 заметки, по тематике, связанной с международной ситуацией, – 67 заметок.

Анализ содержания новостных лент говорит о безусловном присутствии тематики, связанной с проблемой военных действий на Украине, но выражена она в большей степени в российской прессе. СМИ Казахстана захватывают не только основной, но и локальные инфоповоды.

В плане анализа контента о Казахстане и России в СМИ стоит говорить о его фрагментарном, несистемном характере. Заметки носят эпизодический характер и связаны с какими-то конкретными событиями. Был обнаружен единственный материал оценочного характера: в одном из СМИ Челябинска просматривалась информация о качественных и недорогих товарах из Казахстана.

Веб-аналитика сайтов показала однозначный факт того, что Казахстана как триггера новостной информации нет. Об этом свидетельствует анализ входящего и исходящего трафика, а также изучение географии заходов на сайты. При анализе географии посещений сайтов СМИ из Казахстана можно видеть четкую тенденцию: трафик из России занимает второе-третье место.

Обсуждение

В качестве рекомендаций можно предложить на уровне региона активизировать работу со СМИ, имеющими государственный информационный заказ в плане информирования о ситуации в регионе. Причем регионам Российской Федерации в условиях растущего санкционного давления и при важности Казахстана как ценного партнера необходимо работать над устойчивыми каналами информирования своих граждан о том, что именно можно получить в соседней стране, когда ресурсы собственного региона ограничены. Отсутствие качественной информации о соседней стране, по сути, создает прекрасный фон для того потока «токсичных» заявлений от медийных персон в центральной части страны – они просто ничего не знают о Казахстане.

Опыт урегулирования территориальных конфликтов в постсоветский период (на примере региона Центральной Азии) (Большаков А.Г.)

Регион Центральной Азии трактуется в научных исследованиях на современном этапе по-разному. Некоторые исследователи отказывают такому региону в субъектности, другие расширяют его до Центральной и Южной Азии. При этом в состав региона включают: Монголию, Афганистан, Пакистан, Иран, часть Индии, часть Китая, часть Российской Федерации. В России привычной является точка зрения, включающая в его состав пять бывших советских республик. Она наиболее традиционна

¹¹ «Супер Омск». URL: <https://superomsk.ru/>; «Город 55» <https://gorod55.ru/>; «Новый Омск». URL: <https://newsomsk.ru/>.

⁶ «Павлодар онлайн». URL: <https://pavon.kz/>; «Обозрение недели». URL: <https://obozrenie.kz/>; «Наша жизнь». URL: <https://lifepvl.kz>.

⁷ «Тайга.инфо». URL: <https://taiga.info/>; «Новосибирск-онлайн». URL: <https://ngs.ru/>; VN.ru – Все новости Новосибирской области. URL: <https://vn.ru/>.

⁸ «Костанайские новости». URL: <https://kstnews.kz/news/>; «Наша газета». URL: <https://www.ng.kz/>; «Костанай-агро». URL: <https://qagro.kz>.

⁹ 74.ru, 1obl.ru, «Портал Челябинск сегодня». URL: <https://cheltoday.ru>.

¹⁰ «Петропавловск News». URL: <https://pkzsk.info>, URL: <https://www.7152.kz>, «Мой город». URL: <https://mygorod.kz/>.

и фактически заменила советскую трактовку: «Казахстан и Средняя Азия». Последнее словосочетание включало четыре советские республики. Исходя из этого понимания региона мы и рассматриваем опыт регулирования территориальных конфликтов.

В советское время границы в Центральной Азии были проведены достаточно произвольно, в основу были положены задачи плановой советской экономики. Но в едином государстве территориальных проблем у республик не возникало (3). После распада Советского Союза положение изменилось. Для населения приграничных районов и анклавов родные места превратились в соседнюю независимую страну, а родственники оказались гражданами других суверенных государств. В настоящее время в Туркменистане нет анклавов и эксклавов, у Казахстана нет анклавов, но есть два эксклава в Узбекистане, в Таджикистане нет анклавов, но есть два эксклава в Кыргызстане и один в Узбекистане. В Кыргызстане – четыре узбекских анклава и два таджикских, в Узбекистане – один узбекский анклав, 1 киргизский анклав и два казахских анклава. Правда, в одном из них население просто отсутствует.

Анклавы существуют достаточно гармонично на территории многих стран, но главная проблема анклавов в регионе Центральной Азии – это сотни километров несогласованных границ (4, с. 45-46). Процесс переговоров и первые договоры о демаркации границ в регионе начались в конце 90-х годов XX века. Казахстан – признанный лидер в установлении границ, но процесс переговоров по делимитации границ с Туркменистаном занял 17 лет, с Кыргызстаном казахи договаривались 20 лет, с Узбекистаном процесс переговоров близок к завершению, но еще не закончен.

Наиболее сложная ситуация оказалась в Ферганской долине, где граничат между собой Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Плотность населения здесь велика, уровень жизни низкий. Население занято сельским хозяйством и скотоводством. Ресурсы воды и земли ограничены. Такое положение само по себе увеличивает возможность возникновения конфликтов. Безработица среди молодежи радикализует общество (3, с. 75-90). На данной территории большое значение имеют организованная преступность и наркотрафик. Поэтому Ферганская долина – это совокупность территориальных проблем, которые из-за переплетения множества противоречий сложно решить (3, с. 148-150).

Прежнее руководство Узбекистана, который граничит со всеми странами Центральной Азии, осуществляло жесткую политику в решении приграничных споров. Широко известно, что, опасаясь проникновения в страну исламских экстремистов, Узбекистан в 2000 году заминировал границу с Кыргызстаном и Таджикистаном. Так как граница во многих местах оставалась условной, то на минах подрывались мирные жители.

С приходом к власти в Узбекистане Ш. Мирзиёева отношения с ближайшими соседями стали приоритетом. Обсуждение пограничных вопросов возобновилось. Государства готовы идти на компромиссы. Так, Узбекистан и Туркменистан возобновили переговоры по несогласованным участкам границ – этот вопрос не обсуждался с 2000 года. Общая протяженность границы между странами составляет 1650 км. В ближайшее время ожидается подписание итоговых документов.

Переговоры между Узбекистаном и Казахстаном по демаркации границы начались в 2003 году и активизировались в 2017 году. Стороны почти завершили процесс демаркации границы, которая составляет около 2300 километров, и готовят заключительные документы. Государства не имеют каких-либо спорных приграничных участков.

Из 1300 км узбекско-таджикской границы 20% были спорными. Ш. Мирзиёев и Э. Рахмон в марте 2018 года подписали договор об отдельных участках границы. С тех пор совместная комиссия по демаркации границ собирается регулярно.

Положительные изменения происходят и между Узбекистаном и Кыргызстаном. В сентябре 2019 года два государства впервые обменялись равноценными участками территории. Согласованные линии границы составляют уже 92%.

Но ситуация на границе Кыргызстана и Таджикистана до сих пор нестабильная. Линия кыргызско-таджикской границы составляет около 980 км, из которых делимитированы и демаркированы только 60%. В последние годы были и некоторые сигналы того, что ситуация на границе стала меняться в положительную сторону. Так, в июле 2019 года президенты двух стран, С. Жээнбеков и Э. Рахмон встретились в приграничном районе между Кыргызстаном и Таджикистаном, чтобы обсудить вопросы границ. Тогда на встречу лидеров возлагали большие надежды, но через два месяца произошло очередное столкновение на границе.

Только в 2020 году между гражданами Кыргызстана и Таджикистана произошло более десятка насильственных конфликтов из-за спорных территорий. В результате столкновений погибли и получили увечья военнослужащие и жители приграничных районов.

Самым кровопролитным конфликтом в регионе за последние 20 лет стали события в конце апреля – начале мая 2021 года у границ двух стран. В нем приняли участие не только местные полупартизанские отряды, но и военные двух государств с применением минометов, авиации и тяжелой техники, в результате чего погибли десятки человек с обеих сторон и сотни получили ранения. Также пострадали около десятка сел, сгорели дома и другие объекты, более 50 тыс. человек были эвакуированы из зоны конфликта. Но даже после урегулирования этого конфликта небольшие инциденты на границе продолжают происходить.

Конфликт начался в районе водораспределительного пункта «Головной», который в Кыргызстане считают своей территорией, а в Таджикистане – своей. Как утверждают кыргызские власти, представители Таджикистана начали устанавливать видеокамеры на столбе возле пункта распределения воды (пополняющее Торткульское водохранилище) в Баткенском районе. Это вызвало недовольство местных жителей и привело к очередному инциденту. Сначала стороны забрасывали друг друга камнями, но затем к конфликту подключились пограничные части двух стран. По мнению кыргызской стороны, водораспределительный узел «Головной» является «стратегическим объектом и находится на территории Кыргызстана». В свою очередь, в Таджикистане утверждают, что в соответствии с картами 1924–1927 и 1989 годов «Головной» «всецело принадлежит Республике Таджикистан».

Большинство насильственных столкновений на кыргызско-таджикской границе происходят из-за противоречий, связанных с инфраструктурой, земельными и водными ресурсами и строительством на спорных участках. Из-за конфликтов в этих районах пограничники часто блокируют пропускные пункты, что приводит к проблемам. Доступ на территорию соседних стран перекрывается, в том числе для граждан этих стран, проживающих в анклавах.

Вооруженный приграничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном 2021 года вывел взаимную неприязнь с прежнего локального уровня до национального масштаба в обеих странах. Тем не менее, в отличие от других мировых территориальных конфликтов, как в Карабахе, Тибете или на Кипре, лидеры Центральной Азии публично придерживаются мирной риторики и призывают к добрососедским отношениям, а конфликт называют «трагедией двух родственных народов». В сложившейся ситуации необходимо продолжить переговоры по границам, хотя договариваться по спорным ситуациям становится сложнее, неурегулированными остались наиболее спорные моменты.

Подходы к разрешению территориальных споров на Кавказе: нормативно-правовой, силовой, договорной (Атаев А.В.)

В международной практике указывается, что территориальный спор определяется как международный спор между государствами, а во внутригосударственном территориальном споре сторона конфликта опротестовывает существующий административно-территориальный принцип деления территории.

Территориальные споры на Кавказе существуют как «объективно существующее столкновение интересов» и протекают как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Фактически к 2022 году территориальные споры на Кавказе приобрели статус уже «выкристаллизовавшихся и сформулированных разногласий». Этому способствует то, что субъектами территориального спора выступают государства, главы государств, главы субъектов, общественные институты, крупные общественные организации кавказских государств и республик.

Следует обратить внимание на то, что вопросы классификации территориальных споров остаются дискуссионными. Проанализировав различные способы разрешения конфликтов, можно выделить три основных подхода: нормативно-правовой, переговорный и силовой.

Нормативно-правовой подход предполагает обращение сторон конфликта в международный суд либо другой орган. Но применительно к административно-территориальным спорам между субъектами России есть факты обращения в шариатский суд. Например, во время спора между Чечней и Ингушетией глава Парламента Чечни М. Даудов обратился в шариатский суд и инициировал таким образом рассмотрение территориального спора между Чечней и Ингушетией. Этот территориальный спор получил старт осенью 2018 года, когда соглашение о регулировании территориального спора было подписано главами Чечни и Ингушетии Рамзаном Кадыровым и Юнус-Беком Евкуровым.

Спор достиг апогея после акций протеста, организованных рядом общественных активистов и некоторыми некоммерческими организациями.

Следует отметить, что при таком подходе самостоятельные действия сторон по разрешению конфликта ограничены, они введены в рамки установленных правил. Как следствие, недовольство хотя бы одной из сторон принятым решением грозит вылиться в будущем в новый конфликт.

Положительным моментом такого подхода является согласие обеих сторон на разрешение конфликта путем обращения в судебную инстанцию. Это не односторонние, а совместные действия сторон, которые стремятся хоть таким способом разрешить конфликтную ситуацию. Проблема же такого подхода заключается в том, что судебные решения, как правило, не изменяют характера отношений сторон.

Зачастую они так и остаются конфликтными, что повышает вероятность возникновения нового конфликта; выполнение решений суда имеет ограниченный характер, не распространяясь на светскую часть общества. Шариатский суд не обладает автоматическим правом разрешать конфликты, а начинает действовать лишь тогда, когда к нему обратятся все конфликтующие стороны.

Силовой подход предполагает насильственное разрешение конфликта. Способов такого разрешения несколько, это могут быть действия миротворческих международных сил или же силовое вмешательство или присутствие одного или нескольких государств.

Приведем ряд примеров, касающихся закавказских государств. Так, основанием для миротворческой деятельности Российской Федерации в зоне грузино-осетинского конфликта являются Сочинское соглашение 1992 года, а также решения Смешанной контрольной комиссии (СКК), созданной в соответствии с упомянутым Соглашением. В Южной Осетии российские войска вместе с грузинскими и осетинскими военными вошли в состав Смешанных сил по поддержанию мира (ССПМ) в зоне конфликта. В состав СПМ вошли три миротворческих батальона. Каждая сторона – грузинская, российская и осетинская – имеет право на размещение в зоне конфликта миротворческого батальона в составе не более 500 военнослужащих. Кроме этого, они также могут дополнительно разместить еще 300 военных с разрешения СКК.

Известно, что главная цель миротворческих операций – стабилизация обстановки в районе конфликта, создание благоприятных условий для его разрешения с помощью переговоров, установление и поддержание мира. Миротворческие акции проводятся с согласия всех сторон конфликта, но не могут служить средством осуществления принудительных мер. Положительные моменты силового подхода заключаются в следующем: миротворческие силы разъединяют конфликтующие стороны, не допускают вооруженных столкновений между ними, создают и патрулируют зоны разъединения, наблюдают за прекращением вооруженных столкновений, за развитием ситуации между противниками.

Силовые действия – неэффективный способ разрешения конфликта, он лишь создает основу для будущего взаимодействия сторон, гасит насилие между ними, не разрешая конфликт по существу. Конфликт переходит в латентное состояние и в та-

ком состоянии сохраняется до тех пор, пока стороны не разрешат проблему иными средствами. В случае силового подхода наблюдается тесная связь между регулированием и разрешением конфликта, где регулирование занимает основную позицию.

Но на Кавказе есть прецедент успешной миротворческой операции России под мандатом ООН. Речь идет об акции в Абхазии. Так, 14 мая 1994 года после нескольких раундов сложных переговоров, проходивших под руководством Специального посланника Генерального секретаря ООН, противоборствующие стороны в грузино-абхазском вооруженном конфликте 1992–1993 годов подписали в Москве Соглашение о прекращении огня и разведении сил. Стороны договорились о развертывании Коллективных сил по поддержанию мира (КСПМ) СНГ с целью наблюдения за соблюдением Соглашения. Под контролем Коллективных миротворческих сил, развернутых в июне 1994 года и полностью укомплектованных российскими военнослужащими, находилась зона безопасности шириной 24 км по линии соприкосновения грузинских и абхазских сил.

По состоянию на 1 августа 2008 года группировка КСПМ насчитывала 1561 чел. (в том числе 199 офицеров). Она была оснащена 135 ед. бронетанковой техники, 267 ед. автомобильной техники, 4 вертолетами (Ми-8, Ми-24). На вооружении КСПМ находилось 30 минометов и 2943 ед. стрелкового вооружения.

Третьим и основным способом разрешения конфликтов во второй половине двадцатого столетия стали переговоры. О значении этого способа говорит тот факт, что в целом возросло значение международных переговоров как средства решения конфликтов, увеличилось число конфликтов, получивших завершение с помощью этого средства. Расширилась и проблематика переговоров, в них стало вовлекаться большее количество людей, которые не только участвуют в самих переговорах, но и выполняют функции экспертов.

Их главное отличие от других способов заключается в том, что решение вырабатывается совместно участниками переговоров. Переговоры – это прежде всего процесс совместного принятия решений. Отрицательной чертой переговоров является то, что они могут длиться очень долго, конфликтующие стороны, не связанные никакими обязательствами, могут прерывать либо и вовсе прекращать их.

Выводы

В условиях резкого обострения международной напряженности на фоне формирования новой архитектуры международных отношений становятся особенно востребованы современные модели и инструменты международного посредничества в урегулировании территориальных конфликтов. Так, важную роль способны сыграть такие влиятельные государства, как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Южная Африка. Они последовательно воздерживаются от вмешательства в любые межгосударственные конфликты и способны стать эффективными посредниками в их разрешении. Значительный потенциал сохраняют также новые региональные организации,

в числе которых можно назвать и Евразийский экономический союз, и Шанхайскую организацию сотрудничества, посреднические усилия которых могут быть сопряжены с деятельностью как институтов ООН, так и других региональных организаций.

Отсутствие освещения жизни соседнего государства – тревожная тенденция, в частности, в условиях открытого конфликта. Потенциально остается открытое поле для фейков и манипуляций, что и видно сегодня на примере того роста токсичности, которое существует в социальных сетях.

В целом такая ситуация может быть оценена как потенциально проблемная. Несмотря на большую протяженность границы, россияне не имеют официальной, верифицированной информации о приграничном Казахстане на регулярной основе. Безусловно, каналов информации сегодня достаточно. Есть телевидение, социальные сети, печатные СМИ, при этом региональная пресса может и должна служить основным средством реализации информационной политики региона.

Таким образом, территориальные конфликты (в отличие от этнических и религиозных) в регионе Центральной Азии принципиально поддаются политическому урегулированию. Отношения на данном этапе развития между государствами могут быть названы преимущественно добрососедскими, поэтому существующие противоречия и деструктивные конфликты могут быть решены в ближайшие годы. Этническая или религиозная ненависть между народами Кыргызстана и Таджикистана отсутствует, а это залог того, что территориальные конфликты в этом регионе завершатся в ближайшее десятилетие.

Основным методом решения территориальных конфликтов являются продолжительные (многолетние) двусторонние переговоры с последующей делимитацией и демаркацией границ. Однако в последующие годы может возрасти значение посредничества со стороны России и Узбекистана (1, с. 145-164). Эти предложения могут быть связаны, например, с созданием общей экономической зоны или взаимодействием всех трех стран в ЕАЭС (в настоящее время только Киргизия входит в Евразийский экономический союз, Узбекистан является наблюдателем, а Таджикистан пока не вошел в эту международную организацию – прим. А.Б.).

Общие экономические зоны, открытые границы – это не менее эффективные средства преодоления конфликтов между Кыргызстаном и Таджикистаном. Попытки искать силовые решения проблем в таких условиях бесперспективны, а дипломатия, компромиссы, постоянный диалог и переговоры постепенно становятся ведущими методами в урегулировании территориальных конфликтов в Центральной Азии.

Анализ способов разрешения конфликта позволяет говорить о том, что переговоры сами по себе не будут достаточно эффективными, необходима их взаимосвязь с другими способами разрешения конфликта. При силовом подходе, например, переговоры являются вторичным средством и определяют состав миротворческих сил, их мандат, численность, время и место введения, нахождение и т.д. В то же время силовой способ останавливает насилие между противниками, стимулирует сотрудничество между ними, налаживание контактов, способствует началу нового витка переговорного про-

цесса. При правовом подходе стороны конфликта ведут переговоры о передаче дела на рассмотрение в посреднические структуры, о постконфликтном взаимодействии. Кроме того, переговорные решения также должны оформляться юридически.

Список источников

1. Гарбузарова Е.Г. (2020). Центральная Азия в современных мирополитических процессах [Central Asia in Modern World-Political Processes]. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 192 с.
2. Звягельская И.Д. (2018). Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении [The Middle East and Central Asia: Global Trends in Regional Execution]. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 224 с.
3. Звягельская И.Д. (2009). Становление государств Центральной Азии: Политические процессы [The Formation of the Central Asian States: Political Processes]. М.: «Аспект Пресс», 2009. 208 с.
4. Курбонова З.М. (2019). Территориальные проблемы в Центральной Азии и пути их размежевания [Territorial Problems in Central Asia and Ways of their Demarcation] // Социальные инновации и стратегическое управление: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. М.: Издательство «Профессиональная наука», 2019. С. 42-46.
5. Корецкая К. (2021). Конфликт на границе Кыргызстана и Таджикистана: уроки для ОДКБ [The Conflict on the Border of Kyrgyzstan and Tajikistan: Lessons for the CSTO] // «Евразия эксперт». 2021. 3 июня.

Информация об авторах

ФРОЛЬЦОВ Владислав Валерьевич. Доктор исторических наук. Профессор. Профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>. Адрес: 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 20. froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com.

МАРМОНТОВА Таисия Викторовна. Кандидат исторических наук. Профессор Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан. <https://orcid.org/0000-0001-9162-297>. Адрес: 0100000, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Абая, д. 33а. marmontova@mail.ru.

БОЛЬШАКОВ Андрей Георгиевич. Доктор политических наук. Доцент. Заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. <https://orcid.org/0000-0002-5036-000>. Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. bolshakov_andrei@mail.ru.

АТАЕВ Артур Викторович. Кандидат политических наук. Доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры. Адрес: 141406, Российская Федерация, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7. arturataev@gmail.com.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 11 апреля 2022. Принята к публикации: 27 апреля 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Garbuzarova E.G. (2020). Central Asia in Modern World-Political Processes. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2020. 192 p. (In Russian)
2. Zvyagelskaya I.D. (2018). The Middle East and Central Asia: Global Trends in Regional Execution. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2018. 224 p. (In Russian)
3. Zvyagelskaya I.D. (2009). The Formation of the Central Asian States: Political. M.: Aspect Press Publishing House, 2009. 208 p. (In Russian)
4. Kurbonova Z.M. (2019). Territorial Problems in Central Asia and Ways of their Demarcation // Social Innovations and Strategic Management: A Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Professional Science Publishing House, 2019. pp. 42- 46. (In Russian)
5. Koretskaya K. (2021). The Conflict on the Border of Kyrgyzstan and Tajikistan: Lessons for the CSTO // «Eurasia Expert». 2021. June 3. (In Russian)

About the authors

Vladislav V. FROLTISOV. DSc (Hist.). Professor. Professor of the Department of International Relations, Faculty of International Relations, Belarusian State University. <https://orcid.org/0000-0002-9351-2632>. Address: 20 Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus. froltsov@bsu.by, vlad.froltsov@gmail.com.

Taisiya V. MARMONTOVA. CandSc (Hist.). Professor of the Institute of Diplomacy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>. Address: 33a Abaya str., Nur-Sultan, 0100000, Republic of Kazakhstan. marmontova@mail.ru.

Andrey G. BOLSHAKOV. DSc (Polit). Docent. Head of the Department of Conflictology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University. <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>. Address: 18 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation. bolshakov_andrei@mail.ru.

Artur V. ATAEV. CandSc (Polit). Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture. Address: 7 Bibliotchnaya str., Khimki, Moscow Region, 141406, Russian Federation. arturataev@gmail.com.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: Mart 25, 2022. Approved after peer reviewing: April 11, 2022. Accepted for publication: April 27, 2022. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Современный Афганистан: факторы нестабильности

Мохаммад Омар Нессар ✉

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва,
Россия,

nessar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Аннотация. В статье анализируются глобальные, региональные и внутренние факторы, оказывающие существенное влияние на общественно-политические флуктуации и дестабилизации Афганистана. Среди них особое место занимают исследования рисков, связанных с системой региональной безопасности, в том числе проблемы терроризма и наркоугрозы. В числе стабилизирующих факторов особое место уделяется развитию транзитного потенциала Афганистана (реализации возможности стать связующим мостом между Центральной Азией и Южной Азией). Автор анализирует деятельность талибов за семь месяцев их нахождения у власти, выдвигает гипотезу относительно причин возникновения внутренней конфронтации в движении и уделяет внимание проблеме признания новой власти международным сообществом. Отмечается, что сложился парадоксальный феномен, когда с нелегитимным, непризнанным правительством «Талибана» (террористической организацией, запрещенной во многих странах) ведут переговоры об экономических, инфраструктурных проектах, заключают соглашения об инвестициях, налаживают внешнеполитические отношения, принимая новых дипломатов. Возможно, на примере Афганистана в перспективе мир увидит новый механизм международной легитимации правительств, силовым путем захвативших власть и изначально являвшихся неприемлемыми международными партнерами, изгоями.

Ключевые слова: Афганистан, стабильность, безопасность в Центральной Азии, трансафганские проекты, трансграничные угрозы

Для цитирования: Нессар М.О. Современный Афганистан: факторы нестабильности // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 38-49. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-38-49](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-38-49)

Modern Afghanistan: factors of instability

Nessar M. Omar.

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nessar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Abstract. The article analyzes global, regional and internal factors that have a significant impact on socio-political fluctuations and destabilization in Afghanistan. A special attention is paid to the risks associated with regional security, including the problems of terrorism and drug threats. Among the stabilizing factors, a special place is given to the development of Afghanistan's transit potential (the opportunity to become a connecting bridge between Central Asia and South Asia). The author analyzes the activities of the Taliban during their seven months in power, puts forward a hypothesis about the causes of internal confrontation in the movement and pays attention to the problem of recognition of the new government by the international community. It is noted that a paradoxical phenomenon has developed when negotiations on economic and infrastructure projects are conducted with the illegitimate, unrecognized government of the Taliban (a terrorist organization banned in many countries), investment agreements are concluded, foreign policy relations are established, new diplomats are accepted. Perhaps, on the example of Afghanistan, the world will see a new mechanism for international legitimization of governments that seized power by force and were initially unrecognized by international partners.

Keywords: Afghanistan, stability, security in Central Asia, trans-Afghan projects, cross-border threats

For citation: Nessar M. Omar. Modern Afghanistan: Factors of Instability. Russia & World: Scientific Dialogue. 2022. No. 2(4). pp. 38-49. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-38-49](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-38-49)

Введение

Значение Афганистана в международной политике определяется комплексом факторов, связанных с необходимостью обеспечения региональной безопасности (урегулирование вооруженных конфликтов с участием внутренних и внешних сил), экономического развития Центрально-Азиатского региона (развитие транзитного потенциала Афганистана, реализация возможности стать связующим мостом между Центральной Азией и Южной Азией); необходимостью социального и культурного развития афганского общества, обеспечения прав и свобод всех групп населения, в частности женщин, а также борьбы с терроризмом и наркотрафиком, создающими угрозу не только региональной, но и мировой безопасности.

Несмотря на усилия международного сообщества и региональных акторов, развитие ситуации в Афганистане продолжает сопровождаться нестабильностью и неопределенностью – Афганистан рассматривается в качестве источника угроз на мировом и региональном уровне. Поэтому усилия международного сообщества и стран-соседей Афганистана направлены на поиск путей стабилизации ситуации. Данная статья содержит результаты исследования основных факторов, определяющих афганскую нестабильность, и некоторые предложения относительно путей решения этой проблемы.

Материалы и методы

Методологические позиции автора сформировались под влиянием институционального и системного подходов и путем сопоставления объяснительного потенциала теории политического реализма. Теоретическую базу исследования сформировали труды отечественных афганистов (5, 2), афганского историка (3), пакистанского исследователя (6). Основными методами исследования стали диалектический метод, метод сравнительного исследования, контент-анализа, ивент-анализа. Источниковую базу составили официальные заявления, решения, нормативно-правовые акты правительства Исламской Республики Афганистан, зарубежных стран, международных институтов, в том числе квартальные и годовые доклады Миссии ООН по содействию Афганистану; информация, полученная автором из первоисточников; материалы СМИ и аналитических центров, в том числе материалы научно-практических конференций Института востоковедения РАН¹, аналитические доклады Центра изучения современного Афганистана².

Результаты исследования

Многолетнее наблюдение и комплексный анализ проблем развития Афганистана позволяют выделить ряд факторов, оказывающих существенное влияние на общественно-политические флуктуации и дестабилизации страны. Первые два фактора, связанные с терроризмом и наркотиками, являются факторами глобального порядка и составляют угрозу глобальной стабильности. Другие факторы мы относим к группе факторов риска региональной и страновой безопасности. Но при стечении ряда условий и в совокупности с двумя первыми факторами они могут перерасти в факторы глобального порядка.

Первый фактор – фактор терроризма. Афганская нестабильность может рассматриваться в качестве источника рисков и угроз для большинства стран региона,

1. Материалы международной конференции «Новый приход к власти талибов в Афганистане: причины, проблемы, перспективы», М.: ИВ РАН, 28.02.2022.

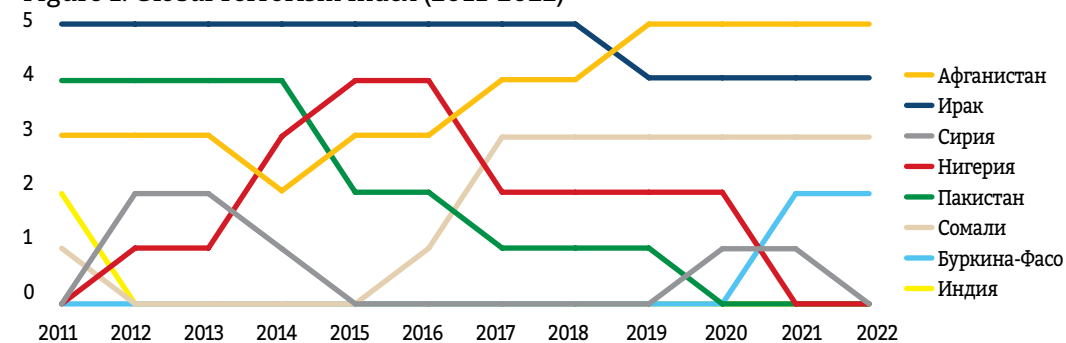
2. Особенности современной афганской элиты: март 2020. М.: Центр изучения современного Афганистана (ЦИСА), 2020. 20 с. URL: https://afghanistan.ru/catalog/areport_29042020.pdf; Аналитические материалы ЦИСА. URL: <https://afghanistan.ru/doc/category/editorial>.

включая страны Центральной Азии, Россию и КНР. В случае усиления экстремистов и ослабления государственных институтов Афганистан имеет все шансы превратиться в потенциальный плацдарм для создания баз террористических организаций.

Согласно составленному Институтом экономики и мира Глобальному индексу терроризма, Афганистан в период с 2011 по 2022 год входил по этому показателю в первую пятерку стран. При этом с 2019 по 2022 год страна занимала первую строку индекса.

Рисунок 1. Глобальный индекс терроризма (2011–2022)

Figure 1. Global Terrorism Index (2011–2022)

Источник: составлено автором на основе материалов Institute for Economics & Peace³

За шесть месяцев правления талибов (с 15 августа 2021 года по 15 февраля 2022 года) миссией ООН по Афганистану было зарегистрировано всего 1153 (397 убитых, 756 раненых) потери среди гражданского населения⁴. В целом эти статистические данные и анализ официальных сообщений СМИ показывают снижение боевых действий, что логично, учитывая тот факт, что в предыдущие годы значительная доля атак, причинивших урон гражданскому населению, совершалась самими талибами. Тем не менее цифры потерь гражданского населения высоки и не могут служить аргументом в пользу роста оптимизма относительно стабильности в стране. Особое беспокойство в ряде региональных стран вызывает активность ИГИЛ-Х⁵: по данным ООН, значительная часть жертв среди гражданского населения в период правления талибов приходится на атаки этой группировки⁶.

Второй фактор – фактор производства и трафика наркотиков. Проблема нелегального производства и контрабанды наркотиков остается серьезной угрозой для региона. Наркотики составляли и продолжают составлять одну из статей доходов Афганистана. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, доход

3. Global Terrorism Index. URL: <https://www.economicsandpeace.org/>.

4. Interactive dialogue on the High Commissioner's report on Afghanistan // UN, 7.03.2022. URL: <https://www.ohchr.org/en/statements/2022/03/interactive-dialogue-high-commissioners-report-afghanistan?LangID=E&NewsID=28218>.

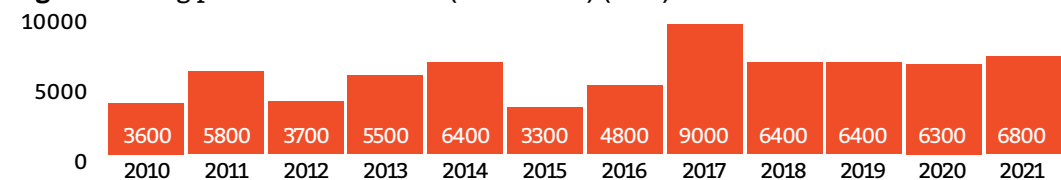
5. Организация запрещена в Российской Федерации

6. Afghanistan. Protection of Civilians in Armed Conflict: 15 aug. 2021 to 15 feb 2022 // UNAMA. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/unama_poc_midyear_report_2022_15a_feb.pdf; Глава Центкома ВС США заявил об усилении ИГИЛ в Афганистане // Афганистан.Ру, 16.03.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/148497.html>

страны от наркотиков в 2021 году составил 1,8–2,7 млрд долл. Стоит отметить, что значительно больше дохода в цепочке доставки остается за пределами Афганистана⁷.

Рисунок 2. Объемы производства наркотиков (2010–2020) (тонн)

Figure 2. Drug production volumes (2010-2020) (tons)

Источник: составлено автором на основе материалов UNODC⁸

Несмотря на обещания талибов бороться с производством и контрабандой наркотиков, пока нет оснований полагать, что в ближайшее время объемы афганских опиатов резко уменьшатся⁹.

Одним из способов борьбы с наркотрафиками и наркопроизводством может стать развитие экономически замещающих отраслей хозяйства, доходность которых будет примерно равна доходности наркопроизводства. Однако пока таких реальных проектов в стадии реализации нет.

Третий фактор – экономический фактор. Последовавшее за захватом власти ухудшение социально-экономической ситуации, ставшее в том числе следствием введенных западными странами санкций, стало серьезной проблемой для талибов. США заморозили активы Центробанка Афганистана и запретили поставки долларов в страну, что привело к парализации банковской и финансовой системы, нехватке наличных денег. Паралич банковской системы вкупе с удешевлением национальной валюты привели к ограничению импорта и повышению цен на продукты первой необходимости и топлива. Другой проблемой стала утечка кадров в виде беженцев, в результате чего растет безработица¹⁰.

На этом фоне особое, стабилизирующее значение приобретает реализация ряда амбициозных транспортных и энергетических проектов, среди которых прежде всего следует отметить ТАПИ¹¹, CASA-1000¹², Трансафганский транспортный коридор¹³.

7 Drug Situation in Afghanistan 2021, UNODC – 2021.

8 Отчеты Управления ООН по наркотикам и преступности (World Drug Report). URL: <http://www.unodc.org>.

9 В Таджикистане заявили о росте наркотрафика из Афганистана // Афганистан.Ру, 19.02.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/148227.html>.

10 John Sifton. Averting Afghanistan's Economic and Food Crises // HRW, 06.10.2021. URL: <https://www.hrw.org/news/2021/10/06/averting-afghanistans-economic-and-food-crises>

11 Трансафганский газопровод по маршруту «Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия».

12 Направлен на объединение энергетических систем Центральной Азии с Южной Азией (Кыргызстан, Таджикистан с Афганистаном и Пакистаном).

13 Одним из трансфганских проектов в области транспорта считается железная дорога по маршруту «Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар», которая свяжет Центральную Азию через Афганистан с Пакистаном и Ближним Востоком. Железная дорога Хаф – Герат призвана соединить китайскую железную дорогу с Ираном через Афганистан.

Кроме того, речь идет об освоении полезных ископаемых, таких, например, как Ай-накского меднорудного месторождения¹⁴ и др.

Реализация даже части этих масштабных проектов приведет не только к созданию новых и крайне необходимых рабочих мест внутри страны, уменьшит зависимость страны от внешней экономической помощи. Очевидно, что большие инфраструктурные проекты способны консолидировать вокруг Афганистана страны региона Центральной и Южной Азии, Среднего Востока. Это, в свою очередь, существенно повысит международное и региональное значение Кабула, превратив его из беспокойного соседа в привлекательного партнера. Однако все предыдущие годы одной из главных преград на пути реализации указанных проектов было продолжение вооруженного конфликта или нестабильность.

Четвертый фактор – фактор внешнего контроля. В 2021 году афганская нестабильность перешла на новый этап своего развития. В августе 2021 года, после 20-летнего военно-политического присутствия в Афганистане, возглавляемая США коалиция вывела свои войска из страны. Этому предшествовало подписанное в феврале 2020 года мирное соглашение между Вашингтоном и талибами. Оно стало основанием для оптимистических прогнозов относительно развития ситуации в стране. В частности, мирная сделка предполагала формирование коалиционного правительства между афганскими легальными политическими движениями и талибами. Однако в силу целого ряда причин ситуация стала развиваться иначе, и талибы 15 августа 2021 года захватили власть в Кабуле (1)¹⁵.

За 20 лет, предшествовавших падению Кабула, США были одной из главных сторон вооруженного конфликта. Оценка итогов, цели и задачи проводимой западной коалицией афганской операции требуют отдельного, более глубокого исследования. Тем не менее считаем уместным привести некоторые данные западного военного пребывания. Американское правительство на ведение боевых действий и модернизацию Афганистана, в том числе на формирование государственных институтов, обучение сил безопасности, развитие экономики и гражданского общества, потратили свыше 980 млрд долл. Потери военных США и их союзников составили 24253 человека (в том числе 3587 убитых, 20666 раненых). По самым скромным данным, было убито 66 тыс. афганских правительственных военных, потери гражданского населения превысили 123 тыс. (48 тыс. убитых, 75 тыс. раненых)¹⁶. За период военного пребывания США в рамках афганской миссии были задействованы как члены НАТО, так и страны, не являющиеся членами Северо-атлантического альянса. По данным газеты The Guardian¹⁷, в целом не ме-

14 Одно из крупнейших месторождений меди в мире, расположенное в 35 км от Кабула. В 2007 году тендер на разработку и его добычу выиграла китайская компания MCC.

15 См. подробнее: Конаровский М.А., Нессар М.О. Талибский Афганистан: что дальше? // Международная жизнь. Январь 2022. С. 14-28.

16 What we Need to Learn: Lessons from Twenty Years of Afghanistan Reconstruction // SIGAR, 2021.

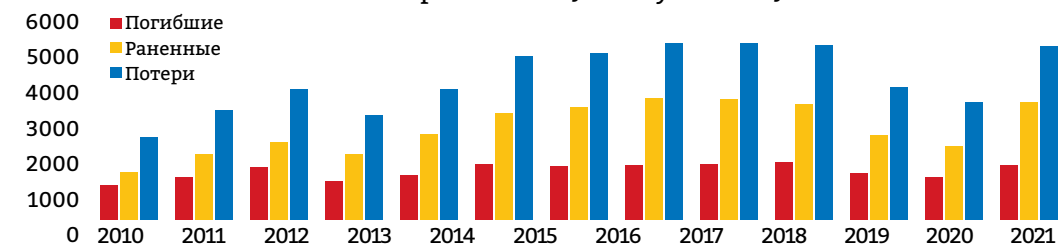
17 Afghanistan Troop Numbers Data: How Many Does Each Country Send to the Nato Mission There? // The Guardian, 22.06.2011. URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2009/sep/21/afghanistan-troop-numbers-nato-data#data>.

нее 50 государств принимали участие в военной и гражданской миссиях афганской операции¹⁸.

Выход США и их союзников в 2021 году из прямого участия в вооруженном конфликте на территории Афганистана стал основанием для оптимистических прогнозов относительно развития ситуации в стране. Однако позицию внешних сил относительно прихода к власти движения «Талибан» можно охарактеризовать как неоднозначную. С одной стороны, страны региона поспешили установить рабочий контакт с новыми властями в Кабуле, с другой – приход к власти радикальной группировки не мог не вызывать беспокойство¹⁹. В частности, лидеры стран-участников ОДКБ после захвата власти талибами выразили «глубокую озабоченность событиями в Афганистане и потенциальными угрозами», исходящими с территории этой страны²⁰.

Таблица 1. Потери гражданского населения в период с января 2009 года по июнь 2021 года

Table 1. Civilian casualties in the period from January 2009 to June 2021

Источник: составлено автором по материалам United Nations assistance mission in Afghanistan²¹

Source: compiled by the author based on the materials of the United Nations assistance mission in Afghanistan²¹

Пятый фактор – фактор межэтнических и межплеменных отношений. Прямое участие США и их союзников в вооруженном конфликте можно рассматривать как один из главных внешних факторов, оказывающих влияние на ситуацию. Однако на стабильность продолжают влиять и внутренние факторы. Один из главных внутренних факторов – межэтнические противоречия. За последние три десятка лет значение межэтнического соперничества в афганской политической жизни только усиливалось, что актуализировало этноплеменной характер политической системы. Как было показано в одном из наших исследований, этноплеменные сети являются кон-

стантами в политической жизни Афганистана, их игнорирование ведет к тяжелым общественно-политическим последствиям (4). Одним из путей урегулирования этого конфликта могло бы стать инклюзивное правительство, в состав которого вошли бы участники политических движений, представляющие разные этносы и племена. Однако вошедшие в кабинет талибов непугуны (таджики, узбеки) являются членами движения «Талибан» и в большей степени выражают интересы талибов, чем интересы своих этнических и племенных групп. Иными словами, инклюзивное правительство талибов – усеченный вариант этноплеменного представительства – по сути, не выполняет роли согласования позиций и выражения интересов этноплеменных групп Афганистана. Как следствие, это провоцирует гражданскую войну.

За время правления талибов усилилось противостояние афганского гражданского общества. Здесь особо выделяется активность женских движений. Талибы (ожидаемо для многих экспертов и специалистов по Афганистану) ввели новые запреты и ограничения для женщин, поставившие под вопрос достижения в области прав женщин за последние 20 лет. Многие афганские девочки оказались лишены доступа к образованию, десятки тысяч женщин остались без работы. Решение новых властей закрыть двери школ перед девочками старших классов вызвало серьезное осуждение международного сообщества²².

Нельзя игнорировать и антиталибские вооруженные формирования, некоторая активизация деятельности которых наблюдается в марте 2022 года. В том же месяце министр иностранных дел РФ Сергей Лавров обратил внимание на одно из них – «Фронт национального сопротивления» (под руководством Ахмад Масуда)²³.

Шестой фактор – фактор отсутствия консенсуса в правящей элите талибов. После захвата власти обострились внутренние межплеменные и межфракционные противоречия (в частности, речь идет о противоречиях между так называемым радикальным крылом (клан Хаккани) и умеренным (выходцы из Кандагара)). Анализ деятельности талибов за семь месяцев их нахождения у власти позволяет предположить наличие конфронтации по двум линиям: 1) усиление уже ставшего традиционным межплеменного соперничества между пуштунскими племенами дуррани и гильзай; 2) различие во взглядах и подходах между исполнительным органом в Кабуле и духовным лидером движения, предположительно находящимся в Кандагаре. Нельзя исключать и влияния внешних факторов, в частности попытки отдельных внешних акторов сохранить внешний контроль над определенными центрами принятия решений. Весьма вероятно, что усиление противоречий спровоцировано попытками централизации и иерархизации террористической сети, превращающейся в политическую сеть талибов.

18 Австралия, Австрия, Азербайджан, Албания, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Иордания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Южная Корея, Латвия, Литва, Люксембург, Македония, Малайзия, Монголия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, ОАЭ, Польша, Португалия, Румыния, Сингапур, Словакия, Словения, США, Тонга, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швеция, Эстония.

19 Террористы хотят извлечь выгоду из прихода талибов к власти, заявили в МИД // РИА Новости, 22.12.2021. <https://ria.ru/20211222/afghanistan-1764865631.html>.

20 См. Заявление ОДКБ. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/119/events/66433/print>.

21 Отчеты Миссии ООН по содействию Афганистану (UNAMA). URL: <https://unama.unmissions.org>

22 Совбез ООН призвал талибов открыть школы для девочек // Афганистан.Ру, 28.03.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/148626.html>; UN Security Council Asks Taliban to Allow Afghan Girls to Attend School // Reuters, 28.03.2022. URL: <https://www.yahoo.com/entertainment/un-security-council-asks-taliban-041700071.html>.

23 Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пленарной сессии на встрече в формате стран-соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), Туньси, 31 марта 2022 года. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1807302/?lang=ru.

Обсуждение

Рассмотренные факторы дестабилизации являются и причиной, и частично следствием непризнания правительства талибов международными институтами и зарубежными странами. Непризнание правительства талибов международным сообществом создает серьезные препятствия для нормальной работы национальной финансово-банковской системы, реализации трансафганских проектов. Признание затруднено по ряду причин. Во-первых, в ряде стран движение «Талибан» признано радикальным и террористическим (в том числе и в России). Во-вторых, ряд действий и решений талибов противоречит принципам ООН, нормам права и морали. Например, решение о запрете на школьное образование для девочек, осуждаемое в том числе в мусульманских странах. В-третьих, уровень доверия правительству талибов со стороны зарубежных стран и международных институтов крайне низок. Правительство талибов на практике оказалось непоследовательным в реализации ряда условий признания. В числе таких условий было соблюдение прав и свобод всех групп граждан и формирование инклюзивного правительства. Полностью не выполнены ни первое, ни второе условие. В частности, комментируя невыполнение талибами своих обещаний относительно прав женщин и доступа девочек к полному школьному образованию, генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сказал: «Я настоятельно призываю “Талибан” сдержать свои обещания»²⁴. Не было выполнено и второе условие – формирование инклюзивного правительства²⁵. Как было сказано выше, оно сформировано в усеченном, весьма своеобразном варианте.

До сих пор движение «Талибан» не смогло убедить международное сообщество в том, что оно разорвало отношения с террористическими организациями. В прессу периодически поступают сообщения о связях талибов с той или иной группировкой. Тем не менее риски и угрозы, исходящие со стороны Афганистана, гуманитарная катастрофа на фоне обнищания и нарушения прав граждан заставляют зарубежные страны и международные институты участвовать в улучшении ситуации в Афганистане. Сложился парадоксальный феномен, когда с нелегитимным, непризнанным правительством «Талибана» (террористической организации, запрещенной во многих странах) ведут переговоры об экономических, инфраструктурных проектах, заключают соглашения об инвестициях, налаживают внешнеполитические отношения, принимая новых дипломатов. Возможно, на примере Афганистана в перспективе мы увидим новый механизм международной легитимации правительств, силовым путем захвативших власть и изначально являвшихся не-

²⁴ UN Chief Slams ‘Broken’ Taliban Promises Made to Women, Girls // Aljazeera, 11.10.2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/10/11/un-chief-slams-broken-taliban-promises-made-to-women-girls>.

²⁵ UN’s New Afghanistan Mandate Focuses on Equality, Inclusion // AP, 17.03.2022. URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-afghanistan-business-norway-taliban-6e760c7ab971fe3cbb8db7e0f9cd23f>; Россия, Китай и Индия призвали к формированию инклюзивного правительства в Афганистане // Афганистан.Ру, 26.11.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147195.html>.

приемлемыми международными партнерами, изгоями. Этот механизм можно охарактеризовать как вынужденный, реализуемый с целью избежания гуманитарной катастрофы и обеспечения военно-политической, экономической, региональной и международной безопасности.

Выводы

Захват власти талибами в августе 2021 года можно расценивать как срыв инициированных внешними акторами планов мирного урегулирования афганского конфликта, предусматривавших формирование коалиционного правительства и мирную передачу власти. Внешние инициативы не привели к ожидаемым и предусмотренным договоренностями результатам.

Срыв внешних мирных планов привел к сокращению внешней финансовой помощи Афганистану, зависимость экономики которого от внешней помощи не уменьшается на протяжении последних десятилетий. Учет этого факта и понимание трудностей, возникших в финансово-банковской системе из-за непризнания нового политического режима, не добавляют оптимизма относительно социально-экономического и гуманитарного положения в стране в ближайшем будущем.

Влияние внешних факторов на афганскую нестабильность все еще велико. Тем не менее выход США и их союзников в 2021 году из прямого участия в вооруженном конфликте на территории Афганистана можно расценивать как снятие одного из главных внешних факторов. На наш взгляд, в среднесрочной и долгосрочной перспективе это может привести к повышению роли внутренних факторов, таких как, например, этноплеменные, религиозные и др.

Перед талибами стоит целый ряд внутренних вызовов: 1) обострился сложный внутренний процесс (в частности, противоречия между т.н. радикальным и умеренным крыльями движения); 2) вызовы в сфере безопасности (ИГ-Х, давление со стороны гражданского общества, антиталибские движения сопротивления); 3) экономические вызовы, спровоцированные сокращением внешней помощи, отказом международного сообщества в признании нового режима в Кабуле, сужением рынка труда и возможностей хозяйственной деятельности, оттоком профессиональных кадров. Один из сложнейших вопросов для талибов – это принятие решения о разрыве связей с террористическими организациями. Вместе с тем этот вопрос будет оказывать ощутимое влияние на встраивание отношений талибов с внешним миром.

Дальнейшее развитие ситуации и устойчивость режима во многом будет зависеть от способности талибов справиться с перечисленными вызовами, от понимания внутренних и внешних факторов, в том числе от того, как талибы будут выстраивать свои отношения с внешним миром, учитывая существование многоуровневого межрегионального соперничества и сложные отношения между глобальными игроками.

Политические системы частично признанных государств: проблема оценки стабильности

Айнар Отариевич Ласария

Эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций, Москва, Россия

las.ain@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и пределы оценки стабильности политических систем в частично признанных государствах. Автор исследует особенности, свойства и характеристики центральных феноменов – «политическая система», «стабильность», «устойчивость», «частично признанные государства». Значительное внимание сосредоточено на установлении различий и сходств между понятиями «стабильность» и «устойчивость». Актуальность исследования определяется необходимостью установления связей, состоянием политических систем, частично признанных государств от внешних и внутренних политических процессов и отношений.

Методологической основой исследования выступают: общенаучный и системный методы, структурно-функциональный и сравнительно-политологический методы, контент-анализ историко-правовых документов. Выбранная методологическая база обуславливается двумя факторами: первый – современные тенденции, закономерности и процессы поступательного развития отечественной и зарубежной политической науки; второй – авторская позиция исследователя.

Результаты исследования указывают на возможную состоятельность оценки стабильности политических систем частично признанных государств, с учетом особенностей их политической культуры. В то же время внешние факторы, определяющие отдельные, но существенные элементы политической системы частично признанных государств, свидетельствуют о характерной неустойчивости политических систем исследуемых политий.

Ключевые слова: политическая система, стабильность, устойчивость, частично признанные государства, индексы стабильности

Для цитирования: Ласария А.О. Политические системы частично признанных государств: проблема оценки стабильности // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 50-62. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-50-62](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-50-62)

Political systems of partially recognized states: the problem of assessing stability

Aynar O. Lasariya

Expert of the National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

las.ain@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>

Abstract. The article discusses the possibilities and limits of assessing the stability of political systems in partially recognized states. The author explores the features, properties and characteristics of the central phenomena – «political system», «stability», «sustainability», «partially recognized states». Considerable attention is focused on establishing differences and similarities between the concepts of «stability» and «sustainability». The relevance of the study is determined by the need to establish links between the state of political systems, partially recognized by the state from external and internal political processes and relations.

The methodological basis of the study is: general scientific and systemic methods; structural-functional and comparative political methods; content analysis of historical and legal documents. The chosen methodological base is determined by two factors: the first is modern trends, patterns and processes of progressive development of domestic and foreign political science; the second is the author's position of the researcher.

The results of the study indicate the possible validity of assessing the stability of the political systems of partially recognized states, considering the peculiarities of their political culture. While, as external factors that determine individual, but essential elements of the political system of partially recognized states, they indicate the characteristic instability of the political systems of the studied polities

Keywords: political system, stability, resilience, partially recognized states, stability indices

For citation: Aynar O. Lasariya. Political systems of partially recognized states: the problem of assessing stability. Russia & World: Scientific Dialogue. 2022. No. 2(4). pp. 50-62. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-50-62](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-50-62)

Введение

Вопросы стабильности и устойчивости политических систем весьма актуальны для современной политической науки. Не менее глубокий интерес для гуманитарных и социальных наук представляют приращения новых знаний по части подходов и механизмов определения факторов устойчивости и стабильности политических систем частично признанных государств, движущихся в траектории становления институтов государственной власти по конституционно-правовым лекалам современных развитых стран.

Цель исследования – установить пределы и возможности оценки стабильности политических систем частично признанных государств.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступают: компаративистский (сравнительно-политологический), системный и общенаучный подходы. Выбранная методологическая база обусловливается двумя факторами: первый – современные тенденции, закономерности и процессы поступательного развития отечественной и зарубежной политической науки; второй – авторская позиция исследователя.

Необходимо отметить важность и значимость междисциплинарного научного метода в достижении поставленной цели. Настоящее исследование опирается на теоретико-методологические парадигмы смежных отраслей научного знания, таких как: теория политики, этнополитология, сравнительная политология, социология, философия, история и другие гуманитарно-обществоведческие дисциплины.

Анализ стабильности политических систем частично признанных государств требует если не детального, то по меньшей мере формального уточнения понятийного содержания центральных категорий, а именно – «политической системы», «устойчивости» и «стабильности». Поскольку категории «политическая система» и «стабильность» являются предметом настоящего анализа и, соответственно, целесообразность конкретизации их сущности вне сомнения, то уточнение объема понятия «устойчивость» требуется для понятийной демаркации с характеризующими признаками стабильности. Тем самым подчеркивается их несомненная каузальность, но не тождество.

Теория и методология политических систем – в достаточной мере разработанное направление в политической, философской и конституционно-правовой науках. Политическая система как социальная и отчасти политико-философская категория разработана и формализована в научных трудах известных исследователей: Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, К. Дойча и других – как зарубежных, так и отечественных – исследователей.

Не концентрируя чрезмерного внимания на эволюции социально-политической мысли о сущности и природе политической системы, отметим, что под употре-

бляемым термином «политическая система» в широком смысле подразумевается совокупность всевозможных отношений, охватывающих управление государством и протекающие внутри государства различные социально-политические процессы (8, с. 126). Как отметил С.Э. Билюга, лишь к началу XXI века политическую систему стали истолковывать в качестве целостной, упорядоченной суммы политических институтов, политических отношений и процессов, роли и предназначения субъектов политических отношений и процессов, принципов функционирования властных отношений (2, с. 46-56).

Результаты исследования

Очевидно, что базисом существования политической системы является сохранение и поддержание как ее стабильности, так и устойчивости.

Актуальность современных исследований политической стабильности обусловлена незаурядным свойством самой политической науки, а именно – отсутствием общепринятого толкования, единства в определении сущности и специфики «стабильности» в непосредственном политическом измерении. Диалектика, как и интерпретация, отдельных элементов этого явления и в целом объема понятия для отечественных и зарубежных исследователей зачастую разнятся в эмпирическом, семантическом и других отношениях.

Одно из объяснений этого обстоятельства – глобализационные, геополитические, экономические, социальные, культурные и другие, связанные с политической сферой, процессы, которые существенным образом корректируют архитектуру современного миропорядка, а он, в свою очередь, ретуширует пределы и параметры функционирования политических систем современных государств.

Для американского политолога, основоположника теории структурного реализма Кеннета Вальца стабильность – это такое состояние системы, при котором она сохраняет свои жизнеспособные функции (то есть существует) и не разрушается (16, р. 174). Подход не лишен недостатка, поскольку диагностировать состояние стабильности системы возможно посредством бинарности этого политического явления (состояния), используя антитезу. Таким образом, политическая система может находиться в стабильном либо нестабильном состоянии, сохраняя неотъемлемые институциональные свойства политического организма. В то же время сохранность или утрата функций, поддерживающих жизнеобеспечение, могут указывать на стойкость либо деструкцию институциональных основ политической системы, что свидетельствует об устойчивости системы в принципе. Некоторые крупные исследователи институционального и неинституционального подходов указывают на непосредственную связь стабильности с самим государством, являющимся универсальным политическим институтом, цель которого – сохранение правящей власти, суверенитета и территориальной целостности (13, р. 1-25).

По мнению А.С. Макарычева,

...стабильность представляет собой многомерное понятие, вбирающее такие характеристики, как сохранение системы правления, гражданского порядка, легитимности и надежности управления. О стабильности следует говорить лишь в компаративных категориях: политическая система может быть охарактеризована как более или менее стабильная в сравнении либо с другими системами, либо с тем режимом, в котором она функционировала раньше. (9, с. 149-157)

Политическая стабильность может характеризовать баланс внутренних и внешних политических отношений, отражая степень уравновешенности в соотношении сил и предоставляя варианты использования политических мер для сохранения имеющегося положения, как и для укрепления основ функционирования действующей власти и социума (10, с. 1-9). Как справедливо отметил А.И. Соловьев, политическая стабильность является наиболее значимой целью и ценностью как для действующей власти, так и для общества в целом (10, с. 1-9).

Пределы понимания сущности понятия «стабильность» наиболее оптимально раскрывается через установление объема понятия антитезы «нестабильности». В упрощенном смысле нестабильность предполагает неспособность политической системы удерживать или справляться с деструктивными трансформациями. Формы проявления нестабильности варьируются в зависимости от баланса общественно-политических сил, особенностей принятия государственно-управленческих решений и др.

Дестабилизация формы правления демократического государства при угрозе зависит от следующих обстоятельств: во-первых, от наличия либо отсутствия «расколов» в обществе по социокультурным, идеологическим, социально-экономическим основаниям; во-вторых, от уровня поддержки населения страны действующего демократического режима (9, с. 149-157).

Говоря об «устойчивости», следует обратиться к М.В. Вилисову, К.О. Телину, К.Г. Филимонову, полагающим, что

...устойчивость – состояние государственной системы, позволяющее ей воспроизводиться и реализовывать полномочия, которыми наделен правительственный аппарат и государственные институты в целом, тем самым достигая равновесия, обеспечивающего ее функционирование. (4, с. 7-27)

Исследователи используют категорию «государственная система», а не «политическая», что, как они полагают, оправдывается удачной возможностью зафиксировать центральный объект исследования – государство, а также практические аспекты государственного управления и системы властных отношений. Однако нельзя не отметить дискуссионность данного подхода.

Между тем зарубежные академический и политологический дискурсы, связанные со состоятельностью государств, периодически обновляли понятийно-ка-

тегориальный аппарат рассматриваемых в текущей статье категорий, на смену «несостоявшихся государств» приходили сначала «неустойчивые государства», позднее – «неустойчивые состояния», а в последние два десятилетия широко используется категория «устойчивость» и другие сопряженные по смыслу и содержанию термины (1, с. 26-41). Так, под понятием «несостоявшееся государство» (“failed states”), как следует из анализа теоретических положений западных исследователей, понимается признанный субъект международного права, по различным причинам утративший часть атрибутов и/или не выполняющий базовые функции суверенного (состоявшегося) государства, а не, как может показаться, изначально непризнанное и/или частично признанное государство. Однако, российский исследователь А.Г. Большаков в своей работе указывает на то, что несостоятельность государства диагностируется по нескольким индикаторам, одним из которых является непризнание их субъектности мировым сообществом, то есть субъектами международного права (3, с. 105-124). С этим сложно согласиться, поскольку де-юре политический статус непризнанных и/или частично признанных государств указывает на процесс становления, развития политических институтов, не приведший к апогею самой суверенизации – признанию мировым сообществом, но удаляющий от точки бифуркации.

Наибольший интерес по части определения объема исследуемых понятий представляет институциональный подход в трактовке Р. Ротберга, основанный на бинарной матрице «способности» и/или «желания» институтов государственной власти поддерживать функционирование (15, р. 1-25). Этот подход воспроизводит параметры устойчивости в четырех конфигурациях, которые можно экстраполировать на состояние устойчивости политической системы (Таблица 1).

Таблица 1. Оценка состояния устойчивости: бинарная матрица
Table 1. Assessment of the stability state: binary matrix

Состояние	Соотношение	
	Способность	Желание / готовность
Устойчивое	+	+
Уязвимое	+	-
Неустойчивое	-	+
Критическое	-	-

Вместе с тем политическая система, как и любая другая, устойчива в том случае, когда она находится в равновесном состоянии при соблюдении необходимых внутренних параметров с целью поддержки общественно-политического строя и выполнения базовых функций, возложенных на институты государственной власти.

Устойчивость имеет более выраженный статичный характер, в отличие от стабильности, которая может варьироваться в зависимости от колебаний непостоянных элементов политической системы в заранее предусмотренных пределах. Вероятно, если оценка состояния устойчивости политической системы – крайний рубеж изме-

рения жизнеспособности политических функций государства, то оценка стабильности политической системы может диагностировать в перспективе корректируемые, промежуточные или пороговые значения отклонений в политическом процессе и отношениях.

Существенно и то обстоятельство, на которое обращают внимание отечественные исследователи, а именно: пороговые значения в разных политических системах могут отличаться в зависимости как от тенденций и закономерностей политических процессов и отношений, так и от особенностей сложившейся общественно-политической конъюнктуры (5, с. 19-28). Без всякого сомнения, любая политическая система имеет особую, аутентичную характеристику, исторически обусловленное и сформированное политическое сознание, систему общественно-государственных идей или взглядов (идеологический элемент), традиции политических отношений, форм взаимодействия между обществом и государством.

Таким образом, критерии и показатели политической стабильности не могут быть универсальными и всеобъемлющими, соответственно, по умолчанию экстраполированы и спроецированы на все политические системы государств без исключения.

Примечательны приведенные Х.А. Гаджиевым и А.С. Семченковым примеры социально-политических процессов в Венесуэле в 2002 году и Турции в 2016 году, где политическая «турбулентность» спровоцировала политическую нестабильность. Однако последующее «выравнивание» (нормализация обстановки практически сразу после пройденных потрясений) проявило высокую устойчивость политических систем в указанных странах (6, с. 161-194).

Установив структуру и содержание категорий «политическая система», «устойчивость», «стабильность», требуется определиться с технологией и способом оценки стабильности политической системы частично признанных государств. Не зря М.В. Вилисов, К.О. Телин, К.Г. Филимонов отмечают, что отечественные и зарубежные исследователи дискутируют о категориях «состоятельности» и «результативности», «дееспособности» и «равновесия», «устойчивости» и «стабильности», в то время как международные индексы, измеряющие государственные и политические системы, используют такие критерии, как «конкурентоспособность», «хрупкость», «трансформация» и др. (4, с. 7-27).

Для фиксации и оценки состояния стабильности политической системы разработано множество рейтингов, фокусирующих внимание на особенных компонентах политических систем и политических режимов. Значительное количество рейтингов анализируют преимущественно признанные, состоявшиеся субъекты международного права (государства) и не учитывают частично признанные и непризнанные, рассматриваемые чаще как сепаратистские территориальные структуры, угрожающие стабильности территорий суверенных государств, от которых они отделились или провозгласили независимость.

Существует некоторое множество индексов и параметров оценки с центральным знаменателем – стабильностью (в том числе устойчивостью) политической си-

стемы. Вслед за Х.А. Гаджиевым и А.С. Семченковым выделим наиболее аналитические состоятельные и релевантные среди них:

1. Индекс стабильности политической системы (PSSI), разработчики – Д. Гендель, Г. Вест, Р. Мидоу, в основе индекса – социальные, экономические показатели, состояние политической конъюнктуры, наличие или отсутствие политических конфликтов.

2. Индекс политической стабильности и отсутствия насилия (PSAV), разработчики – Д. Кауфманн, А. Крааи, М. Мастрucci, в основе индекса – способность действующей власти сохранять прежнее положение, уровень политического насилия, конфронтации на внешнем политическом контуре, напряженность в обществе по социально-культурным основаниям.

3. Индекс политической нестабильности (PII), разработчик – журнал The Economist, в основе индекса – прогнозирование и анализ вероятных предпосылок для дестабилизации посредством протекающих социальных, экономических и политических процессов.

4. Индекс несостоявшихся и хрупких государств (FDSI), разработчик – Канадское агентство международного развития, в основе индекса – измерение качества управления, состояние экономики, безопасности и преступности, уровень человеческого потенциала, демографическая обстановка и экология.

5. Индекс хрупких государств (FSI), разработан в рамках проекта Фонда Мира, в основе индекса – измерение уровня внутригосударственной напряженности по социальным индикаторам: национальной, религиозной, конфессиональной, лингвистической, классовой, территориальной и других принадлежностей.

6. Индекс государственной хрупкости (SFI), разработан в рамках проекта Центра систематического мира, в основе индекса – измерение способности управлять внутренними конфликтами, разрабатывать и реализовывать государственную политику, предоставлять государственные услуги в социальной сфере, поддерживать высокий уровень жизни и др.

7. Индекс слабости государств в развивающемся мире (ISWDW), разработчики – С. Райс и С. Патрик, в основе индекса – измерение состояния экономики, политики, безопасности, социальной среды.

Целевое предназначение проиллюстрированных индексов – измерение политической стабильности в признанных странах, в то время как специфика частично признанных государств, их стартовые возможности и ресурсы не учтены. Важно отметить, что определение термина «частично признанные государства», равно как и другие исследуемые категории настоящей работы, носит завидную степень неопределенности как в политологической теории международных отношений, так и в правовой теории государства и права. Наряду с термином «частично признанное государство», зачастую в том же смысле применяются: «непризнанное государство», «частично признанное государство», «самопровозглашенное государство / республика» и т.д.

Справедлива ремарка Н.А. Добронравина о том, что выбор того или иного термина в отношении конкретного явления, зависит от предпочтений самого исследо-

вателя или от политической риторики государства, в академической среде которого находят свое отражение исследования (7, с. 5). Так, в отечественных научных трудах до 2008 года, рассматривавших специфику абхазской и югоосетинской государственностей, повсеместно использовался термин «непризнанные государства», позднее, после признания суверенитета Абхазии и Южной Осетии Россией, в политологическом дискурсе был введен термин «частично признанные государства», используемый и поныне.

Частично признанные государства имеют ряд важных особенностей, характеризующих их политические системы. Ключевая особенность – их парадоксальное состояние: с одной стороны, во взаимообусловленности, с другой – в существенном удалении от региональных политических процессов и мировых политических трендов. Эти проявления имеют дисперсный характер, особое внутреннее и внешнее выражение, предельно точно иллюстрирующее имеющиеся проблемы оценки стабильности политических систем частично признанных государств.

Внутренние особенности политических систем частично признанных государств в большинстве случаев замыкаются на сформированной или формирующейся трансцендентной политической культуре, но прежде всего на ее базовом компоненте – политическом сознании. Платформой политического сознания, в особенности для частично признанных государств, являются политические мифы, символы, менталитет и ценностные ориентации. В этих условиях политические мифы выступают в качестве некоего инструмента мировоззрения, основанного на экзистенциальном восприятии окружающего мира (преимущественно политической реальности) и национального и/или государственного предназначения. Любопытно, что коллективные предрассудки, стереотипы, исторический опыт и другие движущие силы социальной жизни, воздействовавшие на формат взаимодействия власти и социума, имеют особенность идентифицироваться как «национальный характер», это понятие предшествовало введению в научный оборот «политической культуры».

Для политической культуры в частично признанных государствах характерно: во-первых, отсутствие либо неразвитость базовых институтов гражданского общества, а в результате – завышенные ожидания общества в разрешении насущных проблем действующей властью; во-вторых, отсутствие со стороны общества поддержки политических институтов, в том числе некоторое пренебрежение правовыми нормами, при котором отдается приоритет, например, таким институтам прямой и неформальной демократии, как «народный сход»¹; в-третьих, учитывая, что большинством частично признанных государств этапы автономизации и суверенизации пройдены в условиях вооруженных конфликтов, зачастую диагностируется острая «постконфликтная рефлексия», выраженная отсутствием устойчивых политических традиций и наличием этнократических тенденций; в-четвертых, за редким исклю-

1 Токарев А.А. Что там у абхазов? (Точка зрения авторов, комментарии которых публикуются в рубрике «Говорят эксперты МГИМО») [Электронный ресурс] // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-tam-u-abkhazov/>.

чением политические процессы и отношения в частично признанных государствах формируются в паритетном балансе легальности и легитимности. О последнем свидетельствует высокая частота политических пертурбаций в Абхазии, Южной Осетии и Косово.

В этой связи говорить о качественной оценке стабильности политических систем частично признанных государств по «линейке», размеченной показателями состояния политических систем признанных субъектов международного права, не приходится, базовые компоненты систем частично признанных государств дестабилизированы изначально. Но за внешним фасадом политических кризисов и сменой основных политических субъектов каким бы то ни было путем (протестным, электоральным и др.) в частично признанных государствах не скрывается комплексная реструктуризация политических процессов и отношений, поскольку: во-первых, внутри системы циркулируют элементы одного и того же истеблишмента, дифференцированного лишь по способам принятия решений и подходам к управлению; во-вторых, не претерпевают явного видоизменения внутренняя повестка, социальные запросы и целевые установки (внутриполитического и внешнеполитического блоков); в-третьих, низкий коэффициент конкордации (согласованности).

Таким образом, внутренние особенности политических систем частично признанных государств коррелируют со свойствами политических систем признанных государств, а с учетом специфики частично признанных государств подлежат оценке состоянию их политические системы.

Внешние особенности политических систем частично признанных государств складываются на основе нескольких факторов.

1. Фактор внешнего покровительства. Внешняя заинтересованность в корректровке либо сохранении статус-кво частично признанной (чаще – непризнанной) политики является индикатором, который указывает на явную активность государства-патрона.

Практически все без исключения частично признанные государства подвержены всестороннему влиянию стран, инициировавших признание их международной правосубъектности. Посредством влияния устанавливается глубокая зависимость и подвижность политической системы в зависимости от политической риторики государств-метрополий (государств-патронов).

2. Фактор международной политической конъюнктуры. Отсутствие признания субъектности, паритета, автономности и самодостаточности на международной политической арене. Отсутствие возможности выстраивать равноправные контакты со всеми региональными субъектами.

3. Каузальность политических систем. В данном случае речь идет о состоянии, при котором политические системы частично признанных политий располагаются в «досягаемой» орбите политических систем государств-патронов, что усиливает их каузальную связь при различных трансформациях политического процесса и отношений. То есть политические события (изменение политического режима, смена вла-

сти, корректировка внешнеполитической и/или внутривнутриполитической концепции (и др.) в государствах-патронах способны вызвать радикальную перестройку внутриполитической повестки частично признанных государств.

Таким образом, ограниченная международная субъектность, высокая степень всесторонней зависимости, органичная встроенность в политические системы наиболее масштабного и сложного порядка указывают (с высокой долей вероятности) на характерную неустойчивость политических систем частично признанных государств.

Выводы

Если устойчивость выступает базисом для стабильности, то в контексте частично признанных государств наиболее релевантное значение приобретает диагностирование статуса «продвижения» к состоянию устойчивости политической системы частично признанных государств (как политий, сильно зависимых от государств-патронов, внешних факторов и процессов).

Список источников

1. Бартенев, В.И. (2017), От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики [From "Failed States" to "Unstable States": The Logic of Conceptual Balancing Act], Полис. Политические исследования, № 2, с. 26-41.
2. Билюга, С.Э. (2018), Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем [Political Stability: Main Approaches to the Analysis of System Stability], Век глобализации, № 2, с. 46-56.
3. Большаков, А.Г. (2011), Институционализация этнических вооруженных конфликтов как механизм формирования государственной состоятельности на постсоветском пространстве (на примере региона Южный Кавказ) [Institutionalization of National Armed Forces as a Mechanism for the Formation of State Consistency in the Post-Soviet Space (on the Territory of the South Caucasus)], Политическая наука, № 2, с. 105-124.
4. Вилисов, М.В., Телин, К.О., Филимонов, К.Г. (2020), От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление [From Sustainability To Stability: What Makes Good Public Administration], Политика. Парадигмы общественного развития, № 1, с. 7-27.
5. Гаджиев, Х.А. (2019), Политическая стабильность: теоретико-методологические проблемы исследования [Political Sustainability: Theoretical and Methodological Problems], ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура, № 2, с. 19-28.
6. Гаджиев, Х.А., Семченков, А.С. (2020), Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах [Political System Stability Index: Measurement Experience in Three Countries], PolitBook, № 1, с. 161-194.
7. Добронравин, Н.А. (2011), Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации [Unrecognized States in the «Gray Guard» of World Politics: Fundamentals of Survival and Sovereignization Rules]. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 56 с.
8. Категория политической науки [Category of Political Science] (2002), Москва: МГИМО (Университет) МИД РФ, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 656 с.
9. Макарычев, А.С. (1998), Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки [Stability and instability in Democracy: Methodological Approaches and Assessments], Полис. Политические исследования, № 1, с. 149-157.
10. Соловьев, А.И. (2003), Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации [Political Stability in the Sociocultural Dimension: Russian Explication], Государственное управление. Электронный вестник, № 1, с. 1-9.

11. Токарев, А.А. (2017), Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния [Comparative Analysis of Secession in the Post-Religious Space: Quantification of the Results of the Analysis], Полис. Политические исследования, № 4, с. 106-117.
12. Токарев, А.А. Что там у абхазов? (Точка зрения авторов, комментарии которых публикуются в рубрике «Говорят эксперты МГИМО») [What's with the Abkhazians? (Point of view of the Authors of the Magazine Section «MSIMO experts speak»)] [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-tam-u-abkhazov/>.
13. Cohen, M.D., March, J.G., Olsen, J.P. (1972), A Garbage Can Model of Organizational Choice, Administrative Science Quarterly, № 17, pp. 1-25.
14. March, J.G., Olsen, J.P. (2006), Elaborating the «New Institutionalism» // The Oxford Handbook of Political Institutions, No. 5, pp. 3-20.
15. Rotberg, R.I. (2003), Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Ed. by Rotberg R. Cambridge, Mass.: World Peace Foundation, pp. 1-25.
16. Waltz, K.N. (1979), Theory of International Politics. Reading: Adison-Wesley, 251 p.

Информация об авторе

ЛАСАРИЯ Айнар Отариевич. Кандидат политических наук. Старший научный сотрудник Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>. Адрес: 125047, Российская Федерация, Москва, Большая Садовая ул., 14. Las.ain@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2022. Принята к публикации: 15 апреля 2022. Опубликовано: 27.06.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bartenev, V.I. (2017), From "Failed States" to "Unstable States": The Logic of Conceptual Balancing Act, Polis. Politicheskie issledovaniya, No. 2, pp. 26-41. (In Russian)
2. Bilyuga, S.E. (2018), Political Stability: Main Approaches to the Analysis of System Stability, Vek globalizacii, No. 2, pp. 46-56. (In Russian)
3. Bol'shakov, A.G. (2011), Institutionalization of National Armed Forces as a Mechanism for the Formation of State Consistency in the Post-Soviet Space (on the Territory of the South Caucasus), Politicheskaya nauka, No. 2, pp. 105-124. (In Russian)
4. Vilisov, M.V., Telin, K.O., Filimonov, K.G. (2020), From Sustainability To Stability: What Makes Good Public Administration, Politiya. Paradigmy obshchestvennogo razvitiya, No. 1, pp. 7-27. (In Russian)

5. Gadzhiev, H.A. (2019), Political Sustainability: Theoretical and Methodological Problems, POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sociologiya. Kul'tura. No. 2. pp. 19-28. (In Russian)
6. Gadzhiev, H.A., Semchenkov, A.S. (2020), Political System Stability Index: Measurement Experience in Three Countries, PolitBook, No. 1, pp. 161-194. (In Russian)
7. Dobronravin, N.A. (2011), Unrecognized States in the Gray Zone of World Politics: Fundamentals of Survival and Sovereignization Rules. SPb: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 56 p. (In Russian)
8. Category of Political Science. Moscow: MGIMO (Universitet) MID RF, «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2002. 656 p. (In Russian)
9. Makarychev, A.S. (1998), Stability and instability in Democracy: Methodological Approaches and Assessments, Polis. Politicheskie issledovaniya, No. 1, pp. 149-157. (In Russian)
10. Solov'ev, A.I. (2003), Political Stability in the Sociocultural Dimension: Russian Explication, Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik, No. 1, pp. 1-9. (In Russian)
11. Tokarev, A.A. (2017), Comparative Analysis of Secession in the Post-Religious Space: Quantification of the Results of the Analysis, Polis. Politicheskie issledovaniya, No. 4, pp. 106-117. (In Russian)
12. Tokarev, A.A. What's with the Abkhazians? (Point of view of the Authors of the Magazine Section «MSIMO experts speak») [Electronic resource]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-tam-u-abkhazov/> (data obrashcheniya: 05.02.2022). (In Russian)
13. Cohen, M.D., March, J.G., Olsen, J.P. (1972), A Garbage Can Model of Organizational Choice, Administrative Science Quarterly, No. 17, pp. 1-25.
14. March, J.G., Olsen, J.P. (2006), Elaborating the «New Institutionalism», The Oxford Handbook of Political Institutions, No. 5, pp. 3-20.
15. Rotberg, R.I. (2003), Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Ed. by Rotberg R. Cambridge, Mass.: World Peace Foundation, pp. 1-25.
16. Waltz, K.N. (1979), Theory of International Politics. Reading: Adison-Wesley, 251 p.

About the author

Aynar O. LASARIYA. CandSc (Polit). Senior Researcher, Military University of the Ministry of Defense, the Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-7475-6578>. Address: 14, Bolshaya. Sadovaya str., 125047, Moscow, Russian Federation, las.ain@mail.ru.

Contribution of the author

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: Mart 29, 2022. Approved after peer reviewing: April 8, 2022. Accepted for publication: April 15, 2022. Published: 27.06.2022

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

Научная статья

Политические науки

УДК: 316.286

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-63-75](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-63-75)

Дружественность коммуникационных режимов Российской Федерации и Республики Молдова в реалиях фрагментации мирового коммуникационного порядка

Роман Александрович Татаров ✉

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Тирасполь, Молдова
tatarov-roman.93@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике дружественности как категории современного состояния коммуникационных режимов Республики Молдова и Российской Федерации. В процессе исследования была задействована теоретико-методологическая база, основу которой составили труды представителей политического реализма и социального конструктивизма. В ходе анализа удалось выявить основные компоненты, позволяющие судить о характере дружественности двух коммуникационных режимов, среди которых: согласованность национальных интересов в регионе; параметры сотрудничества в области безопасности, в сфере торгово-экономического сотрудничества, в плоскости гуманитарного направления. Отдельное место занимает вопрос урегулирования молдавско-приднестровских отношений. Доказано, что в общественно-политическом дискурсе Молдовы Россия воспринимается как один из главных участников региональной системы отношений, в связи с чем на политическом поле молдавского государства образовались партии геополитического толка, из которых одна часть выступает за европейскую интеграцию Молдовы, другая – за сбалансированные отношения с ЕС и Россией, отдавая предпочтение европейскому вектору. Третьи силы – унионистского толка – выступают за интеграцию Молдовы с Румынией.

Определено, что степень дружелюбности режимов находится в прямой зависимости от национальных интересов государств и их связи с внешними акторами.

Ключевые слова: национальные интересы, Молдова, Россия, Приднестровье, коммуникационный режим, дружелюбность, политические партии, акторы

Для цитирования: Татаров Р.А. Дружелюбность коммуникационных режимов Российской Федерации и Республики Молдова в реалиях фрагментации мирового коммуникационного порядка. Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 63-75, [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-63-75](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-63-75)

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-63-75](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-63-75)

Friendly communication modes of the Russian Federation and the Republic of Moldova in the realities of fragmentation of the world communication order

Roman A. Tatarov

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University Research Laboratory «History of the Pridnestrovian Moldavian Republic», Tiraspol, Republica Moldova
tatarov-roman.93@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of friendliness as a category for determining the current state of the communication regimes of the Republic of Moldova and the Russian Federation at the regional level. In the process of research, the theoretical and methodological base was involved, the basis of which was the works of representatives of political realism and social constructivism. In the course of the analysis, it was possible to identify the main components that make it possible to judge the nature of the friendliness of the two communication regimes, including: the consistency of national interests in the region; parameters of cooperation in the field of security, in the field of trade and economic cooperation, in the plane of the humanitarian direction. A separate place is occupied by the issue of settlement of Moldovan-Pridnestrovian relations, in which Russia is given the place of a guarantor of peace and security in the region. It is proved that in the socio-political discourse of Moldova, Russia is perceived as one of the main participants in the regional system of relations, in connection with which geopolitical parties were formed on the political condition of the Moldovan state, of which one part stands for the European integration of Moldova, the other for balanced relations between Moldova, the EU and Russia, giving preference to the European vector. The third forces – of the unionist persuasion are in favor of the integration of Moldova into Romania. It is determined that the degree of friendliness of the regimes is directly dependent on the gradation of the national interests of the states in the region and their connection with external actors.

Keywords: national interests, Moldova, Russia, Pridnestrovie, communication regime, friendliness, political parties, actors

For citation: Roman A. TATAROV. Friendly Communication Modes of the Russian Federation and the Republic of Moldova in the Realities of Fragmentation of the World Communication Order. Russia & World: Scientific Dialogue. 2022. No. 2(4). pp. 63-75. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-63-75](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-63-75)

Введение

Фрагментация мирового коммуникационного порядка обуславливает необходимость анализа дружелюбности коммуникационных режимов в новых реалиях. Глубокая вовлеченность Российской Федерации в региональные процессы, протекающие в зоне молдавско-приднестровского урегулирования, а также устоявшиеся за тридцать лет суверенного существования связи между Россией и Молдовой позволяют выявить характер дружелюбности между двумя акторами, проследить трансформации, определить критерии их взаимодействия. Несмотря на наличие договорной базы о добропартнерских отношениях между Молдовой и Россией, тем не менее появляются дополнительные механизмы определения характера дружелюбности коммуникационных режимов двух государств.

Материалы и методы

Наша методологическая позиция формировалась под влиянием ученых, которые заложили основу интерпретации коммуникативизма в политических исследованиях. Среди них особо выделяются работы М. Кастельса и Ю. Хабермаса (5; 6). При исследовании коммуникационного режима важное место занимает проблема безопасности, вследствие чего мы опирались на подходы Б. Бузана, М. Вильямса и др., разработанные в теории секьюритизации (3; 7).

Методологические основы исследования именно коммуникационных режимов были заложены в работах российских ученых Национального исследовательского института развития коммуникации (НИИРК). В статье В.И. Гасумянова и В.В. Комлевой коммуникационный режим рассматривается как отдельная категория политической науки, под которой понимается управляемая (с разной степенью управляемости) система формальных и неформальных норм, правил, традиций, акторов и инструментов, обеспечивающих коммуникацию в определенном пространстве (1, с. 45). Указанные авторы разрабатывают концепт дружелюбности и анализируют параметры дружелюбности коммуникационного режима. НИИРК разработал методiku и опубликовал первый Рейтинг дружелюбности страновых коммуникационных режимов за 2021 год, где Молдова заняла 9 место из 14 стран. В основе рейтинга десять критериев оценки, более шестидесяти пока-

зателей¹. На наш взгляд, кроме предложенных критериев оценки ключевыми факторами, определяющими характер дружественности, являются вопросы всеобъемлющей реализации национальных интересов, которые выражаются в вопросах обеспечения военно-политической стабильности и безопасности, торгово-экономического сотрудничества, реализации норм гуманитарной направленности. Таким образом, доминантой в вопросах построения архитектуры дружественности является согласованность национальных интересов между Молдовой и Россией в регионе.

Эмпирическую базу нашего исследования составили программные документы политических партий, выступления представителей Национального парламента, президента, премьер-министра, вице-премьеров, представителей МИДЕИ. В процессе исследования были использованы: метод контент-анализа, структурно-функциональный метод, исторический метод, критический дискурс-анализ.

Результаты исследования

Политические параметры в оценке дружественности коммуникационного режима Республики Молдова

Не теряющая актуальности на протяжении 30 лет тема дружественности России и Молдовы в настоящее время обрела новые параметры, связанные как с фрагментацией мирового коммуникационного порядка, выражающегося в трансформации ключевых параметров глобализации, так и с накопившимися межгосударственными противоречиями. Ключевым показателем, выступающим, на наш взгляд, в качестве критерия дружественности или недружественности акторов, является согласованность национальных интересов государств и механизмов их достижения по широкому спектру деятельности, включая вопросы обеспечения безопасности, создания условий для сотрудничества в сфере торговли, взаимодействия по гуманитарным вопросам. Иными словами, критериями, которые будут определять параметры взаимодействия коммуникационных режимов Молдовы и России на современном этапе, выступают: коммуникации в процессе молдавско-приднестровского урегулирования; коммуникации в сфере обеспечения нейтрального военно-политического статуса Молдовы и ее устремления в сторону европейской интеграции, способные переформатировать региональное политическое пространство; коммуникации в сфере энергетического сотрудничества и торгово-экономического взаимодействия; коммуникации по проблеме унионизма в Молдове; коммуникации по вопросам статуса русского языка в Молдове и поддержки русскоязычных граждан; коммуникации в области сотрудничества по вопросам сохранения исторической памяти.

Проведенный анализ общественно-политического пространства Республики Молдова позволяет сделать вывод, что главными критериями дружественности на

¹ Рейтинг дружественности страновых коммуникационных режимов – 2021 год. URL: <http://nicrus.ru/rating2021>.

мировой арене выступают нормы международного права, среди которых особенно выделяются: обеспечение территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела суверенных государств, уважение прав и свобод человека. Ключевой характеристикой молдавских национальных интересов на современном этапе является урегулирование региональных проблем исключительно мирными средствами. Выступая на мероприятии, посвященном 30-летию Республики Молдова, президент Майя Санду отметила, что «мы будем продвигать политику диалога и мира, дипломатических решений и мирных компромиссов, руководствуясь интересами граждан. С честью и достоинством мы будем защищать свои национальные интересы и ценности²».

Важно отметить, что векторность дружественности молдавского коммуникационного режима, в котором сосредоточены национальные интересы, является предметом дискуссий со стороны разного рода политических сил. Отчетливо проявляется сочетание традиционных путей формирования позиций политических партий и механизмов артикуляции национальных интересов, закрепленных в их программных документах. Это обеспечивает возможность более глубокого внедрения инструментов формирования общественного мнения, источником которых служат, с одной стороны, программные заявления партий, транслирующиеся в печатных СМИ, распространяющиеся по радио и телевидению; с другой стороны, широкую популярность приобрели источники, находящиеся в виртуальном пространстве. Тем не менее говорить о полной гармонии двух источников формирования дискурса коммуникационного режима не приходится. Это происходит ввиду того, что национальные интересы на внешнем периметре в основном используются политическими силами в качестве ресурсов, обеспечивающих построение предвыборных программ, а доступ к традиционным информационным ресурсам не является одинаковым для всех участников политического процесса в Молдове.

Российский фактор, как один из внешних источников формирования архитектуры коммуникационного режима, является одним из доминирующих в общественно-политическом дискурсе Республики Молдова. Во-первых, суверенизация молдавского государства началась в 1990 году и проходила в контексте распространения дезинтеграционных процессов на пространстве СССР. Важно понимать, что этот процесс, по сути, разделил молдавское общество на два лагеря – сторонников и противников нового курса. В числе противников нового курса была общественность, выступившая против выхода Молдовы из состава СССР, провозгласив на левом берегу Днестра сначала Приднестровскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе Молдавской ССР, а затем Приднестровскую Молдавскую Советскую Социалистическую Республику в составе Советского Союза. Приднестровская Молдавская Республика, провозгласила независимость и последующее присоедине-

² Выступление Президента Республики Молдова Майи Санду по случаю 30-летия провозглашения независимости Республики Молдова. URL: <https://presedinte.md/rus/discursuri/mesajul-doamnei-maia-sandu-presedintele-republicii-moldova-cu-ocazia-aniversarii-a-30-a-a-proclamariei-independentei-republicii-moldova>.

ние к России в качестве приоритета. В настоящее время республика выступает одним из важнейших ресурсов влияния Российской Федерации на региональные отношения, которые могут быть использованы как механизмы реализации российских национальных интересов (4, р. 132).

Во-вторых, определив в качестве безусловного приоритета интеграцию в Европейский союз, современная правящая партия «Действие и солидарность» во многом рассматривает позицию России в регионе в качестве раздражающего фактора, который затормаживает темпы движения европейской интеграции Молдовы. Отметим, что национальные интересы Молдовы в первую очередь содержат в себе необходимость обеспечения всесторонней безопасности молдавского государства. Неоднократные отсылки официальных лиц Молдовы к российским миротворческим силам как угрозе региональной безопасности и противоречивости их присутствия для статуса нейтралитета, закрепленного в Конституции Республики Молдова³, говорят о низком уровне дружественности современного коммуникационного режима Молдавии в отношении Российской Федерации.

Для молдавских политических партий свойственно использование внешних факторов, включая российский, в формировании электоральных стратегий. В этой связи политические силы Молдовы группируются по трем направлениям.

Первое направление составляют политические партии, выступающие за европейское будущее Молдовы в составе Евросоюза. В настоящее время крупнейшей партией правого толка, занимающей абсолютное большинство в Национальном парламенте, является партия «Действие и солидарность». Неоднократные послы представителей партии в сторону необходимости минимизации российского влияния в регионе позволяют сделать вывод о недружественности коммуникационного режима современной Молдовы по отношению к России. В целом стоит отметить, что идеи, высказываемые представителями PAS об интеграции в ЕС, находят поддержку в молдавском обществе, где 65,1% выступают за реализацию приоритета. При этом процент противников курса на интеграцию (25,8%) показывает, что уровень доверия к подобного рода инициативам нуждается в корректировке коммуникационных посылов со стороны политических элит. Характерно, что граждане Молдовы в своем большинстве считают, что стратегическим партнером в будущем должна быть Российская Федерация – 32,5%⁴.

Второе направление составляют партии левого толка в лице Партии социалистов и Партии коммунистов, представленные в молдавском парламенте. Придерживающиеся курса на поддержание добропартнерских отношений в сфере торгово-экономического сотрудничества, эти партии тем не менее последовательно выступают за вывод российских миротворческих сил из Приднестровья после выполнения ими задач по утилизации советских вооружений, находящихся на складах в регионе⁵.

³ МИД Молдавии: вывод российских миротворцев из Приднестровья остается приоритетом политики. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12949097?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

⁴ Барометр общественного мнения Республики Молдова. URL: <http://bop.ipp.md/ru>.

⁵ Игорь Додон: Российские военные покинут Приднестровье. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/20-03-02/igor-dodon-rossiyskie-voennye-pokinut-pridnestrove>.

Учитывая курс российского руководства на сохранение своего влияния в регионе, говорить о дружественности коммуникационных режимов по ключевым направлениям также не приходится. Однако идеология молдовенизма, носителями которых являются партии левого толка, как правило, в предвыборные периоды активизируют призывы к населению, транслируя ценности социальной справедливости, позитивного отношения к советскому прошлому. Таким образом происходит привлечение в ряды своих сторонников, симпатизирующих «стратегическому партнерству двух государств» (2, с. 139).

Третье направление формируют партии унионистского толка, которые, хоть и не представлены в Национальном парламенте, тем не менее имеют большое влияние на формирование общественного мнения в Молдове. Партии унионистского толка, среди которых Либеральная партия, Партия Народного единства, Румынская народная партия, используют враждебные для российских национальных интересов в регионе тезисы о необходимости вывода российских войск из Приднестровья, о необходимости интеграции Молдовы в составе Румынии. В общественном мнении Молдовы вопрос об интеграции в Румынию является достаточно противоречивым. Большинство (46%) выступают против унии, 41,4% – за единое государство⁶.

Таким образом, в молдавском политическом дискурсе доминируют тезисы, которые во многом противоречат российским национальным интересам и могут потенциально рассматриваться Россией в качестве угроз.

Секьюритизация дружественности коммуникационных режимов России и Молдовы

При анализе дружественности коммуникационных режимов важно учитывать тот факт, что национальные интересы и национальная безопасность выступают доминантами этого процесса. Ключевой сферой секьюритизации коммуникационных режимов Молдовы и России выступает молдавско-приднестровское урегулирование.

С момента подписания в 1992 году Соглашения «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» началось взаимодействие двух сторон по разрешению возникших противоречий. На протяжении процесса урегулирования наблюдались попытки найти взаимовыгодные для двух сторон решения: в 1997 году – подписание Меморандума об основах нормализации отношений между Приднестровьем и Молдовой, в 2003 году – неудачная попытка подписания Меморандума Козака, предусматривавшего федерализацию Молдовы.

Проблемной сферой в отношениях между двумя государствами является несовпадение содержания интересов при достаточно согласованном видении формы молдавско-приднестровского урегулирования (см. Таблицу 1).

⁶ Барометр общественного мнения Республики Молдова. URL: <http://bop.ipp.md/ru>.

Таблица 1. Национальные интересы основных акторов в регионе
Table 1. National interests of the main actors in the region

Приоритет	Мирное урегулирование конфликта	Мирное урегулирование конфликта посредством интеграции Приднестровья в состав Молдовы без особого статуса	Форма мирного урегулирования конфликта посредством федерализации либо конфедерализации	Мирное урегулирование конфликта посредством признания независимости Приднестровья	Сохранение / вывод российских миротворцев из Приднестровья
Актор					
Приднестровье	Жизненный	Второстепенный	Основной	Жизненный	Сохранение – жизненный
Молдова	Жизненный	Жизненный	Второстепенный	Второстепенный	Вывод – основной
Россия	Основной	Второстепенный	Основной	Основной	Сохранение – жизненный

*Жизненные интересы – наиболее глубокие интересы государства, отстаивание которых предполагает возможность мобилизации всех имеющихся ресурсов.

*Основные интересы – значимые интересы государства, которые могут быть предметом торга с другими международными акторами для достижения жизненных интересов.

*Второстепенные интересы – не находят места в приоритетах государства в регионе, могут реализоваться при условии их согласования с жизненными интересами.

Как показывает анализ, Молдова и Приднестровье обладают в большей степени жизненными интересами в регионе, Россия – в меньшей. Это означает, что Молдова чрезвычайно зависима от внешних факторов, в основном от российского, что формирует специфику молдавского коммуникационного режима.

Таким образом, можно выявить глубинные факторы, которые характеризуют дружественность коммуникационных режимов Молдовы и России (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Согласованность национальных интересов между Россией и Молдовой

Table 2. Consistency of Russia and Moldova national interests

Приоритет	Территориальная целостность Молдовы	Урегулирование конфликта исключительно мирными средствами	Вывод миротворческих сил из Приднестровья	Россия – сторона конфликта	Общая позиция по вопросу обеспечения прав русскоязычных граждан	Общая позиция по сохранению исторического наследия	Нейтральный статус Молдовы
Россия	Да	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Да
Молдова	Да	Да	Да	Да	Нет	Нет	Да

Анализ показывает, что между сторонами нет общей позиции по обеспечению архитектуры безопасности, но и Россия, и Молдова привержены мирному урегули-

рованию отношений. Тем не менее в вопросах обеспечения безопасности коммуникационные режимы двух стран подвержены недружественной линии, не ведущей к согласованию их национальных интересов.

Примерами документов, которые отражают недружественность коммуникационных режимов Молдовы и России, в настоящее время выступают:

- принятый в 2005 году Парламентом Молдовы закон «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)», который предоставлял Приднестровью статус автономии и предполагал проведение демократизации и демилитаризации Приднестровья, а также вывод из региона российских войск;
- 26 мая 2014 года в Конституционный суд Молдовы обратилась унионистски настроенная Либеральная Партия Молдовы, которая требовала признать пребывание российских войск в Приднестровье незаконным. В 2017 году было принято постановление молдавского Конституционного суда, в соответствии с которым Приднестровье объявлялось оккупированным со стороны России;
- неоднократные заявления молдавских лидеров «о полном и безоговорочном выводе российских вооруженных сил»⁷, которые идут в разрез с официальной позицией России;
- признание Россией Приднестровья зоной особых стратегических интересов в 1996 году.

Дополнительными факторами, которые не способствуют дружественности двух коммуникационных режимов, служит общая деградация отношений между Россией и странами НАТО, а также украинский фактор, который занимает ключевое место в современной системе международных отношений. Признанной недружественным шагом Молдовы в адрес России является позиция Кишинева, где Крым называется украинской территорией, незаконно аннексированной⁸, а также участие официального Кишинева в работе форума Крымская платформа в 2021 году⁹.

Торгово-экономические отношения как показатель дружественности коммуникационного режима

Весомое место в двусторонней повестке занимает торгово-экономическое сотрудничество и вопросы гуманитарного взаимодействия. Россия остается одним из

⁷ Президент Молдавии высказалась за вывод российских войск из Приднестровья. URL: <https://www.interfax.ru/world/792960>.

⁸ Майя Санду на саммите в Киеве назвала Крым украинским. Социалисты недовольны. URL: <https://esp.md/ru/sobytiya/2021/08/23/mayu-sandu-na-sammite-v-kieve-nazvala-krym-ukrainskim-socialisty-nedovolny>.

⁹ Россия учтет участие Санду в «Крымской платформе» – Матвиенко. URL: https://eurasia.expert/rossiya-uchtet-uchastie-sandu-v-krymskoj-platfome-matvienko/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

важнейших рынков для молдавских производителей, поэтому весьма показательно, что российское руководство порой использует в качестве инструмента влияния ограничительные меры по поставкам молдавской продукции, что может трактоваться молдавской стороной как недружественный жест.

Актуализировалась в 2021 году и энергетическая проблема, когда была значительно повышена цена на газ для Молдовы на рыночных условиях¹⁰, что привело к энергетическому кризису с последующим введением в стране чрезвычайного положения. В риторике официальных представителей Москвы и Кишинева появились тезисы, которые заставляли задуматься о том, политический ли это кризис или кризис в сфере бизнес-сотрудничества¹¹. Кишинев настаивал на геополитизации решения Москвы не продлевать контракт на льготных для Молдовы условиях ввиду прихода к власти проевропейских политических сил, которые не на одной «волне» с теми, кто поставяет газ¹². Позиция Москвы заключалась в том, что эта проблема находится исключительно в торгово-экономической плоскости.

Гуманитарные проблемы дружественности коммуникационного режима Молдовы

Проблемной остается сфера обеспечения особого статуса русского языка в Молдове. После провозглашения независимости Молдова в качестве государственного стала использовать молдавский (румынский) язык с латинской графикой. Это решение во многом не учитывало интересы русскоязычных граждан, что стало одной из причин начала протестного движения в Приднестровье. В настоящее время русский язык остается языком межнационального общения.

Не менее актуальной является проблема сохранения исторического наследия. Руководством Молдовы были приняты решения, которые вызвали возмущение со стороны России. В частности, еще в 2010 году был подписан указ о признании 28 июня 1940 года днем признания советской оккупации, неоднократные попытки унионистов отменить День Победы в Молдове, акты осквернения советских воинских захоронений, – все это воспринималось в России в качестве акта недружественности и в целом ухудшало отношения между двумя странами.

Достаточно проблематичным остается вопрос обеспечения функционирования российских СМИ в Молдове. Отказавшись от транслирования российских федеральных каналов, руководство Молдовы заблокировало часть интернет-ресурсов (таких, как Sputnik), что вызвало достаточно болезненную реакцию в Москве.

¹⁰ Плоды недалёковидности: как Молдавия пытается преодолеть энергетический кризис URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/958059-moldaviya-gaz-cena-protesty>.

¹¹ Газовый спор Молдовы и России: геополитика или бизнес? Что важно знать. URL: <https://www.dw.com/ru/gazovyj-spor-moldovy-i-rossii-geopolitika-ili-biznes/a-59649994>.

¹² “Потому что у PAS другая ориентация”: Спикер парламента Молдовы Игорь Гросу считает, что Россия специально создает проблемы нашей стране, а в росте цен и тарифов никто не виноват. URL: <https://www.kp.md/online/news/4622503/>.

Обсуждение

Представленный анализ позволяет выявить специфику дружественности коммуникационного режима Молдовы в отношении России, которая находится в прямой зависимости от характера реализации национальных интересов двух акторов. Практическое наполнение и подходы к реализации этих интересов зачастую трансформируются под влиянием смены политических элит, что можно было наблюдать после выборов в Молдове в 2020–2021 годах.

Наиболее актуализируется в настоящее время проблема ограничения доступа к информации, которую поставляют российские СМИ в Молдове. В ближайшей перспективе вряд ли стоит ожидать диалога между Москвой и Кишиневом по этим вопросам. Очевидно, что регулирование СМИ, включая ограничение на работу отдельных источников в Молдове, будет продолжено.

Вероятно, будет также продолжен диалог по обеспечению условий для поддержки русского языка в регионе. Очевидно, что это остается одним из перспективных направлений двустороннего взаимодействия.

Таким образом, спектр исследования по коммуникационному режиму Молдовы в отношении России будет только расширяться, выдвигая на передний план инициативы политических сил двух государств по вопросам дальнейшего сотрудничества.

Выводы

Важнейшим фактором дружественности страновых коммуникационных режимов является реализация национальных интересов, а точнее – их согласованность в процессе межстрановых взаимодействий по разным направлениям. В последнее время коммуникационные режимы стран трансформируются под влиянием внешнеполитических приоритетов государств и ситуативной международной обстановки.

Проведенный анализ показывает, что на современном этапе уровень дружественности коммуникационного режима Молдовы по отношению к России достаточно низкий. Вполне очевидно, что в регионе формируются противоречия по поводу совместимости реализации национальных интересов Молдовы и России.

Несмотря на нацеленность обоих государств на мирное урегулирование молдавско-приднестровского конфликта (что может считаться одной из важнейших точек соприкосновения интересов) и на торгово-экономическое сотрудничество, существуют предпосылки для деградации дружественности отношений между двумя странами, которые все больше проявляются по многим другим направлениям двусторонней повестки, включая запреты и ограничения в отношении противоречащих официальному курсу Кишинева каналов информирования, а также в дискурсе политической власти Молдовы и в общественно-политических СМИ. В складывающихся обстоятельствах ожидать того, что коммуникационный режим Молдовы станет более

дружественным, не приходится. Вероятно, что стагнация двустороннего сотрудничества в сфере безопасности будет и впредь оставаться актуальной в двусторонней повестке, что также не будет способствовать установлению дружественного коммуникационного режима.

На этом фоне политическим силам Молдовы и России важно сохранить рациональную основу отношений и ранее сложившиеся форматы сотрудничества в сфере науки и образования, сложившийся формат взаимодействия в Объединенной контрольной комиссии, членство в международно-признанном формате молдавско-приднестровского урегулирования «5+2», а также другие площадки двустороннего взаимодействия.

Список источников

1. Гасумьянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), Коммуникационные режимы как новая научная категория [Communication Modes as a New Scientific Category], Коммуникология, Т. 8, No 3, с. 43-50.
2. Десятков, А.В. (2018), Молдова: вечное движение к стабильности [Moldova: Eternal Movement Towards Stability], Вестник РГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения, No 1 (11), с. 136-148.
3. Buzan, B. (1983), People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations.
4. Căldare, G., Cebotari, S. (2018), Politică externă a Republicii Moldova: Note de curs, Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 368 p.
5. Castels, M. (2010), The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. 1: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 625 p.
6. Habermas, J. (2006), Political Communication in Media Society: does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research, Communication Theory, № 16, 426 p.
7. Williams, M. (2003), Words, Images, Enemies: Securitization International Politics, International Studies Quarterly, № 47, pp. 511-531.

Информация об авторе

ТАТАРОВ Роман Александрович, Научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «История Приднестровской Молдавской Республики» ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Адрес: 3300, Приднестровье, Тирасполь, ул. Горького 110 (б), tatarov-roman.93@mail.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 31 марта 2022. Принята к публикации: 1 апреля 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gasumyanov, V.I., Komleva, V.V. (2020), Communication Modes as a New Scientific Category, Communicology, Volume 8, No. 3, pp. 43-50 (In Russian).
2. Deviatkov, A.V. (2018), Moldova: Eternal Movement Towards Stability, Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International relationships, № 1 (11), pp. 136-148 (In Russian).
3. Buzan, B. (1983), People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations.
4. Căldare, G., Cebotari, S. (2018), Politică externă a Republicii Moldova: Note de curs, Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 368 p.
5. Castels, M. (2010), The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. 1: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 625 p.
6. Habermas, J. (2006), Political Communication in Media Society: does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research, Communication Theory, № 16, 426 p.
7. Williams, M. (2003), Words, Images, Enemies: Securitization International Politics, International Studies Quarterly, № 47, pp. 511-531.

About the author

Roman A. TATAROV. Researcher, Research Laboratory “History of the Pridnestrovian Moldavian Republic” T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University. Address: 3300, Pridnestrovie, Tiraspol, st. Gorky 110 (b), tatarov-roman.93@mail.ru

Contribution of the author

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: March 20, 2022. Approved after peer reviewing: March 29, 2022. Accepted for publication: March 1, 2022. Published: 27.06.2022.

The author read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Фактор пандемии в соперничестве Э. Макрона и М. Ле Пен на президентских выборах во Франции в 2022 году

Елена Владимировна Хахалкина^{1a},
Ксения Анатольевна Котович^{1b}

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^a ekhakhalkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>

^b xeniya.cat.ovich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9368-5202>

Аннотация. На президентских выборах во Франции в 2022 году действующий президент страны Э. Макрон и лидер правой партии «Национальное объединение» М. Ле Пен выступают среди главных кандидатов, особенно в случае второго тура голосования. Цель данной статьи заключается в поиске ответа на вопрос о влиянии фактора пандемии на соперничество двух кандидатов на президентских выборах. Особое внимание уделяется двум аспектам конкуренции двух политиков: некоторые неоднозначные действия Э. Макрона в борьбе с пандемией, которые оказали негативное влияние на его рейтинг, и попытки М. Ле Пен использовать пандемию для расширения своего электората и увеличения шансов на победу в выборах. Для достижения поставленных целей были использованы методы статистики, работы с социологическими опросами, а также сравнительный анализ для определения и сопоставления взглядов двух политиков по конкретным вопросам. В результате были сделаны выводы о том, что отдельные решения Э. Макрона по борьбе с пандемией действительно оказали негативное, но не решающее влияние на его рейтинг. М. Ле Пен, в свою очередь, адаптировав некоторые важнейшие пункты своей программы под коронавирусный период, не предложила качественно новых идей по борьбе с пандемией, за что эксперты продолжают считать ее правопопулистским политиком с противоречивыми высказываниями. Риторика лидера «Национального объединения» определенно привлекает новых последователей, однако в случае

выхода М. Ле Пен во второй тур против Э. Макрона, вероятнее всего, произойдет повторение сценария выборов 2017 года.

Ключевые слова: Э. Макрон, М. Ле Пен, «Национальное объединение», «Вперед, Республика!», рейтинг популярности Э. Макрона, президентские выборы, пандемия, правый популизм

Для цитирования: Хахалкина Е.В., Котович К.А. Фактор пандемии в соперничестве Э. Макрона и М. Ле Пен на президентских выборах во Франции в 2022 году // Россия и мир: научный диалог. 2022. No 2(4). С. 76-97. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-76-97](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-76-97)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-76-97](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-76-97)

Political sciences

The pandemic factor in the rivalry between E. Macron and M. Le Pen in the Presidential Elections in France in 2022

Elena V. Khakhalkina^{1a}, Kseniya A. Kotovich^{2b}

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia,

^a ekhakhalkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>

^b xeniya.cat.ovich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9368-5202>

Abstract. The ongoing French president E. Macron and the leader of the right-wing leader of the right-wing National Union Party M. Le Pen are the main candidates for the upcoming French presidential election in 2022, especially in the case of a second round of voting. The purpose of this article is to estimate the influence of pandemic factor in the rivalry between the two candidates and a possible turnout of the upcoming election. The article focuses especially on two aspects of the two politicians' rivalry: Macron's controversial actions against the pandemic, which have had a negative impact on his rating and Le Pen's attempts to use the pandemic to broaden her electorate and increase her chances for the election.

To achieve the goals, statistical methods, work with sociological surveys, as well as a comparative analysis of the views of two politicians on specific issues were used. It was concluded that some of E. Macron's decisions to combat the pandemic did have a negative, but not decisive impact on his rating. M. Le Pen, on the contrary, having adapted some of the most important points of her program during the coronavirus period, did not offer qualitatively new ideas to combat the pandemic, and experts continue to determine her as a right-wing populist politician with contradictory statements. It attracts new followers, however, if M. Le Pen enters the second round against E. Macron, the scenario of the 2017 elections is likely to repeat.

Keywords: Emmanuel Macron, Marine Le Pen, National Union Party, "La République En Marche!", popularity rating of Emmanuel Macron, presidential elections, pandemic, right-wing populism

For citation: Elena V. Khakhalkina, Kseniya A. Kotovich. The Pandemic Factor in the Rivalry between E. Macron and M. Le Pen in the Presidential Elections in France in 2022. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 76-97. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2\(4\)-76-97](https://doi.org/10.53658/RW2022-2(4)-76-97)

Введение

10 апреля 2022 года во Франции пройдут очередные президентские выборы. Статья 6 Конституции Франции от 1958 года позволяет избираться на данный пост два срока подряд¹, однако действующий президент Франции Э. Макрон сохранял интригу вплоть до даты формирования итоговых списков, объявив о своем участии в выборах лишь 3 марта 2022 года². Тем не менее на протяжении последнего года у экспертов не было сомнения по поводу выдвижения президента на второй срок. Зачастую нерешительность Э. Макрона объясняли так: действующий президент ожидает более подходящий момент для официального выдвижения своей кандидатуры, так как республика с конца 2021 года переживает пятую волну пандемии, на фоне которой фиксируется низкий уровень рейтингов президента³. В таком случае возникают вопросы: действительно ли политика французского правительства оказалась столь неудачной, что подорвала рейтинг народной поддержки президента, значительно снизив его шансы на второй президентский срок? Если это утверждение обосновано, то кто одержит победу на выборах? Существуют ли другие факторы, к примеру, участие во втором туре М. Ле Пен, которые могут сыграть более существенную роль для потенциальной победы Э. Макрона? Эти вопросы сегодня активно обсуждаются в экспертном сообществе Пятой республики.

Безусловно, на рейтинг президента оказывает влияние огромное множество событий помимо пандемии, из которых можно выделить движение «желтых жилетов», начавшееся в ноябре 2018 года в результате повышения цен на автомобильное топливо; серию убийств, совершенных иммигрантами во Франции во второй половине 2020 года, и последующие дебаты вокруг исламофобии; письмо генералов весной 2021 года об опасности начала гражданской войны в стране из-за иммигрантов-мусульман и др. Как отмечает Ю.И. Рубинский, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, проведенные Э. Макроном социально-экономические реформы отвечали преимущественно интересам высших слоев

1 Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur // Conseil Constitutionnel, 2008. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur>.

2 Emmanuel Macron va annoncer ce soir sa candidature dans une lettre aux français // Le Figaro, 2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/presidentielle-2022-emmanuel-macron-va-annoncer-ce-soir-sa-candidature-dans-une-lettre-aux-francais-20220303>.

3 Baromètre des indices de popularité – mars 2022 // Ifop, 2021. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-mars-2022/>.

населения, и их реализация легла на менее обеспеченные слои населения, рабочих и фермеров, вследствие чего поддержка президента этой категорией населения также заметно снизилась (12, с. 3). Также на выборах во Франции отразилось проведение специальной военной операции на Украине, в ходе которой Э. Макрон возложил на себя роль медиатора – вероятно, в том числе рассчитывая на повышение одобрения своей кандидатуры французским населением. Однако, как было указано ранее, темой номер один во французском политическом поле до февраля 2022 года была пандемия, которая на протяжении длительного времени влияла на предвыборную обстановку. Поэтому в контексте данного исследования внимание будет уделено некоторым неудачным или неоднозначным действиям французского правительства по борьбе с коронавирусом, которые негативно отразились на поддержке действующего президента и стали центральным вопросом в противостоянии между Э. Макроном и М. Ле Пен.

Материалы и методы

Источниковая база данного исследования состоит из статистики, социологических опросов, прессы и платформ кандидатов в президенты. Социологические опросы, проведенные такими центрами, как Французский институт общественного мнения (Ifop), парижский частный исследовательский центр Odoxa-Backbone Consulting и проч., позволили исследовать динамику общественного мнения по вопросам предстоящих выборов, выявить влияние тех или иных действий Э. Макрона на его рейтинг, а также проанализировать возможные комбинации участников второго тура президентских выборов во Франции в 2022 году. Кроме того, для исследования пандемии коронавируса в Пятой республике был использован национальный правительственный портал, публикующий официальные данные по количеству заболевших и вакцинированных. Французская пресса, в свою очередь, была использована для освещения происходящих событий, получения мнений различных экспертов, а также для доступа к некоторым предвыборным платформам и исследованиям. В качестве новостных источников были выбраны такие французские издания, как Le Monde, Le Figaro, которые отличаются высоким уровнем авторитетности в обществе Франции и за рубежом. Для работы с данными типами источников был использован метод работы с социологическими опросами и анализ данных.

Также для исследования мнений Э. Макрона и М. Ле Пен был использован сравнительный анализ, с помощью которого были определены основные отличительные моменты в позициях двух политиков по вопросам пандемии и некоторых других событий. Помимо прочего, принципы историзма и системности были использованы для определения динамики исторических процессов и определения возможностей участия лидеров партии «Национальное объединение» во втором туре президентских выборов Франции в 2002 и 2017 годах.

Результаты исследования

По результатам данного исследования было сделано несколько выводов. Во-первых, неоднозначные действия Э. Макрона в рамках борьбы с пандемией оказали негативное, но не значительное влияние на его рейтинг. Так, движение «желтых жилетов» или непопулярные реформы президента отразились на его рейтинге более заметно. Во-вторых, М. Ле Пен использует все информационные поводы для расширения своего электората, и пандемия не стала исключением. Лидер «Национального объединения» не упускает возможности высказать критику действий исполнительной власти в рамках кризисного урегулирования, однако М. Ле Пен не предлагает качественно новых идей по этому вопросу. Как следствие, М. Ле Пен расширяет электорат, но значительная часть населения все еще считает ее ультраправым популистским политиком. В-третьих, системные традиционные французские партии по разным причинам не могут оправиться от кризиса после выборов 2017 года. В результате сегодня наиболее вероятной комбинацией кандидатов второго тура президентских выборов является дуэль «Макрон – Ле Пен», в которой у М. Ле Пен практически нет шансов на победу. В таком случае мы увидим повторение сценария выборов 2017 года, в котором Э. Макрон получит второй президентский срок.

Неоднозначные действия Э. Макрона в рамках борьбы с пандемией

В марте 2022 года Французский институт общественного мнения Ifop провел исследование и представил результаты динамики рейтинга Э. Макрона в 2017–2022 годах⁴. Результаты данного исследования показывают, что в начале своего президентского срока Э. Макрон пользовался поддержкой достаточно большого количества населения – 64%, но с началом пандемии коронавируса рейтинг президента составлял 32%. Так, можно заметить, что за срок мандата Э. Макрон утратил половину пунктов поддержки. Интересно отметить и то, что в период с начала пандемии в феврале 2020 года рейтинг президента упал на 2%, что кажется незначительным изменением. Пандемия определенно стала вызовом для лидеров большинства государств мира, однако Э. Макрон совершил несколько неоднозначных действий, которых можно было бы избежать и которые негативно сказались на его популярности в краткосрочной перспективе.

Напомним фактическую сторону дела. Первый случай заражения коронавирусом был зафиксирован во Франции 24 января 2020 года⁵. С началом пандемии совпали муниципальные выборы разного уровня в Париже, проведенные в марте 2020 года. Аньес Бюзен, занимающая пост министра солидарности и здравоохранения, была назначена главой избирательных списков партии «Вперед, Республика!», после

⁴ Там же.

⁵ Informations Covid-19 // Gouvernement.fr, 2021. URL: <https://www.gouvernement.fr/info-coronavirus/carte-et-donnees>.

чего она покинула министерскую должность для участия в выборах. Это решение вызвало критику общества по двум причинам. Во-первых, население видит Э. Макрона виновником этого назначения, так как оно произошло из-за решения партии президента. В результате в начале пандемии Франция сменила министра здравоохранения, что вряд ли позитивно сказалось на процессе принятия решений. Во-вторых, первый тур выборов был проведен, несмотря на уже начавшуюся пандемию. Позже сама А. Бюзен выразила сожаление об участии в данных выборах, назвав их «маскарадом», так как, по ее мнению, было необходимо отложить их проведение⁶. В указанный период количество новых случаев заражений в день не было столь высоким, однако оно стремительно росло. В то же время проведение муниципальных выборов в данной ситуации отразилось негативно и на самом Э. Макроне, так как явка избирателей оказалась низкой (54% во втором туре⁷), а особенно среди электората партии «Вперед, Республика!». Как отмечается, высокий уровень абсентизма можно трактовать как негативное отношение населения к проведению выборов в период пандемии, страх перед заражением и, следовательно, ошибку президента (7, с. 190).

Позже еще одна череда событий вызвала ожесточенную критику Э. Макрона. К концу января 2021 года эксперты со всего мира начали активно обсуждать возможность начала новой волны пандемии, масштабнее и смертельнее предыдущих, в связи с выявлением нового штамма коронавируса в Великобритании. Тогда французские эксперты и политики заговорили о необходимости введения новых ограничительных мер, которые должны будут сработать в предупреждение новой волны. Французский президент, желая улучшить экономическую ситуацию, отказался от возобновления локдауна. Однако уже с начала марта 2021 года количество заболевших в сутки вновь начало расти, достигнув пика в 34 тыс. человек в сутки 1 апреля⁸, так во Франции началась третья волна. 25 марта Э. Макрон назвал свое решение об отказе от введения локдауна в конце января правильным, а уже через несколько дней он объявил о начале третьего локдауна, после чего были инициированы дебаты и голосование в Национальном собрании, нижней палате французского парламента.

Вероятно, эти действия вызвали наибольшую критику президента со времени движения «желтых жилетов», начавшегося во Франции в 2018 году после увеличения налога на бензин. Во-первых, эксперты делали акцент на том, что начало третьей волны, вызванной новым британским штаммом, предсказывали именно на март, а не на февраль⁹. По их мнению, усиленные ограничительные меры в эти месяцы действи-

⁶ Les regrets d'Agnès Buzyn: «On aurait dû tout arrêter, c'était une mascarade» // Le Monde, 2020. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/03/17/entre-campagne-municipale-et-crise-du-coronavirus-le-chemin-de-croix-d-agnes-buzyn_6033395_823448.html.

⁷ Abstention aux municipales 2020: qui sont les maires les mieux et les plus mal élus ? // Le Monde, 2020. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2020/06/29/abstention-aux-municipales-2020-qui-sont-les-maires-les-mieux-et-les-plus-mal-elus_6044608_4355770.html.

⁸ Informations Covid-19 // Gouvernement.fr, 2021. URL: <https://www.gouvernement.fr/info-coronavirus/carte-et-donnees>.

⁹ Covid: Emmanuel Macron sur la défensive pour justifier sa gestion de la crise // LesEchos, 2021. URL: <https://www.lesechos.fr/politique-societe/emmanuel-macron-president/covid-emmanuel-macron-sur-la-defensive-pour-justifier-sa-gestion-de-la-crise-1301842>.

тельно поспособствовали бы снижению темпов заражаемости новым штаммом, хоть и не смогли бы полностью победить вирус. Во-вторых, Э. Макрона критикуют за то, что он принял это решение единолично, а лишь затем инициировал их обсуждение в Национальном собрании, результаты которого фактически уже не имели никакого значения, так как решение уже было принято в Совете по защите здоровья. Так, участие в голосовании бойкотировали депутаты от «Республиканцев», Социалистической партии и партии «Европа – Экология – Зеленые»¹⁰. Во французском политическом поле появились сравнения Э. Макрона с Людовиком XIV, вероятным автором фразы «Государство – это я», а также с канцлером Германии А. Меркель, которая «берет на себя труд в течение семи часов дискутировать с президентами регионов, чтобы достичь консенсуса... чтобы по всем решениям проводить голосование в Бундестаге», в то время как французский президент действует единолично¹¹. Также, по данным французского издания *Le Monde*, результатом отказа президента от введения третьего локдауна в конце января стали смерть 14 тыс. человек, госпитализация 112 тыс. человек и около 160 тыс. новых выявленных случаев заражений в долгосрочной перспективе¹².

В свете этой ситуации необходимо обратить внимание на то, какие органы и структуры принимают решения во Франции в области борьбы с коронавирусом. Данная система выстроена централизованно и вертикально: главная роль была отведена Совету по защите здоровья (при Совете обороны), ответственному перед президентом, премьер-министром и Советом министров¹³. Совет по защите здоровья вызывает критику французских политиков, так как состав органа определяется только решением президента, следовательно, в него не входит ни оппозиция, ни члены большинства партий, представленных в парламенте. Также в связи с тем, что этот орган создан при Совете обороны, детали заседаний и принцип принятия решений подлежит государственной тайне, вследствие чего населению неизвестно, принимает ли во внимание президент мнение экспертов или же он действует единолично. Однако, в рамках кризисного регулирования Совет по защите здоровья отмечается скоростью принятия решений, так как он может быть созван не в полном составе по решению Э. Макрона за кратчайшие сроки.

С середины августа количество новых выявленных случаев заражения в сутки стремительно падало до минимальной отметки в 4 тыс. человек 8 октября 2021 года, однако к началу ноября этот показатель вырос более чем в два раза и достиг 10 тыс. человек в сутки, после чего французские эксперты заговорили о начале пятой волны

10 Covid-19: le nouveau confinement annoncé par Emmanuel Macron critiqué par l'opposition // *Le Monde*, 2021. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2021/04/01/covid-19-les-nouvelles-mesures-annoncees-par-emmanuel-macron-debattues-au-parlement_6075189_823448.html.

11 Там же.

12 Le lourd coût humain d'un troisième confinement tardif en France // *Le Monde*, 2021. URL: https://www.lemonde.fr/planete/article/2021/06/18/le-lourd-cout-humain-d-un-troisieme-confinement-tardif-en-france_6084619_3244.html.

13 Le Conseil de défense sanitaire, cette instance de décision qui crispe jusque dans la majorité // *LCI*, 2021. URL: <https://www.lci.fr/politique/covid-19-coronavirus-pandemie-le-conseil-de-defense-sanitaire-cette-instance-de-decision-qui-crispe-jusque-dans-la-majorite-2177322.html>.

пандемии во Франции¹⁴. Впоследствии пятая волна с новым штаммом коронавируса стала самой масштабной по количеству случаев заражений в сутки из всех прошедших волн¹⁵, поэтому отмечается, что именно фактор пандемии заставляет Э. Макрона откладывать официальное объявление об участии в президентских выборах 2022 года. Проблема заключается в том, что к ноябрю 2021 года во Франции полностью было привито уже около 74% населения¹⁶, а также действовали строгие ограничительные меры, но эпидемиологическая ситуация ухудшалась. В таком случае, как представляется, сохраняется вероятность введения четвертого локдауна или же ужесточения карантинных мер, которые могут привести к ограничению деятельности общественных заведений, а значит, и к экономическим потерям. Обе меры непременно приведут к снижению рейтинга народной поддержки президента, что будет нежелательным следствием для него, так как до выборов осталось менее полугода. Как следствие, вероятно, Э. Макрон не объявляет о своем участии в выборах, ожидая изменений эпидемиологической ситуации для принятия дальнейшего решения по борьбе с пандемией.

Таким образом, можно заметить, что имеет место негативное влияние некоторых действий Э. Макрона по борьбе с коронавирусом на рейтинг его народной поддержки. Начало пандемии и связанные с ними муниципальные выборы в Париже снизили рейтинг Э. Макрона на 2 пункта (с 34% в январе 2019 года до 32% в марте 2021 года), а третий локдаун весны 2021 года – на 4 пункта (с 41% в марте до 37% в апреле)¹⁷. Последнее падение президентского рейтинга можно дополнить результатами общественного мнения от февраля 2020 года, проведенного частным исследовательским центром *Odoxa-Backbone Consulting*, расположенным в Париже: действия правительства по борьбе с коронавирусом вызывают недоверие 60% населения; 71% не считает, что правительство принимает правильные решения в правильное время; 73% не считает, что правительство говорит им правду; 81% не считает, что правительство знает, что делать¹⁸. Для сравнения: в результатах исследования от того же центра с мая по сентябрь 2021 года, когда третий локдаун был снят при сохранении ограничительных мер, доля французов, считающих действия Э. Макрона позитивными, увеличилась с 36 до 48%¹⁹. Следовательно, решение не вводить третий локдаун в январе-феврале 2020 года действительно значительно снизило рейтинг народной поддержки президента, а также отразилось на доверии населения к правительству.

Так, пандемия коронавируса, бесспорно, отразилась негативно на рейтинге президента, удерживая его на среднем уровне в 38% на протяжении полутора лет.

14 Informations Covid-19 // *Gouvernement.fr*, 2021. URL: <https://www.gouvernement.fr/info-coronavirus/carte-et-donnees>.

15 Там же.

16 Там же.

17 Baromètre des indices de popularité – mars 2022 // *Ifop*, 2021. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-mars-2022/>.

18 Covid-19: la gestion de la crise par l'exécutif ne convainc toujours pas les Français // *Le Figaro*, 2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/covid-19-la-gestion-de-la-crise-par-emmanuel-macron-ne-convainc-toujours-pas-les-francais-20210204>.

19 Crise sanitaire: le bilan d'Emmanuel Macron continue d'être revu à la hausse // *Odoxa*, 2021. URL: <http://www.odoxa.fr/sondage/crise-sanitaire-le-bilan-demmanuel-macron-continue-detre-revu-a-la-hausse/>.

В то же время, обратив внимание на рейтинг Э. Макрона за весь президентский мандат, можно заметить, что в мае 2017 года его поддерживало 62–64% населения, после чего его рейтинг резко упал в августе 2017 года до 40%, а в ноябре 2018 года он достиг рекордно низкой отметки в 23%²⁰. Первое падение в целом примечательно, так как зачастую рейтинг французских президентов растет в первые месяцы их правления, что было с Н. Саркози и даже с Ф. Олландом. Эксперты объясняют особенность сложившейся ситуации окончанием «медового месяца», а также рядом противоречивых в глазах французов решений Э. Макрона: в рамках программы по сокращению государственных расходов были осуществлены заморозка индексации зарплат госслужащих, усложнение процесса получения ими выплат во время больничного отпуска, сокращение оборонного бюджета и последующая отставка министра обороны генерала Пьера де Вилье, который пользовался огромной поддержкой армии; в то же время прошел пышный прием В. Путина в Париже²¹.

Второе падение, случившееся в ноябре 2018 года, было обусловлено движением «желтых жилетов». Движение «желтых жилетов» началось в 2018 году после повышения налога на дизельное топливо, но стремительно переросло в масштабное течение с собственным списком требований, касающихся большинства сфер жизни человека. В контексте его влияния на рейтинг Э. Макрона важно отметить, что, во-первых, «желтые жилеты», бесспорно, ударили по популярности президента – с тех пор как в экспертном сообществе, так и среди населения появились высказывания о том, что Э. Макрон – президент только для богатых, который мало обращает внимание на бедные слои, а также на сельскохозяйственный сектор. Ю. Рубинский отмечает, что подобное мнение о Э. Макроне сложилось из-за его экономических реформ в целом, а в особенности из-за отмены налога на крупные состояния, ограничения прав профсоюзов, ужесточения условий страхования от безработицы (11, с. 40). Также пандемия стала препятствием для проведения всех экономических реформ, запланированных президентом, в результате чего неоднозначные реформы Э. Макрона стали еще и непоследовательными, что определенно негативно сказалось на уровне доверия населения президенту (13, с. 473). Во-вторых, несмотря на карантинные меры, движение сбавило обороты, но не прекратилось – последние демонстрации «желтых жилетов» проходили во Франции в октябре 2021 года²². Пандемия стала также препятствием для проведения экономических реформ, инициатором которых был Э. Макрон.

Следовательно, можно заключить, что в сравнении с рядом решений Э. Макрона, принятых в 2017 году, а также с движением «желтых жилетов» пандемия коронавируса оказала не столь значительное влияние на рейтинг народной поддержки прези-

20 Baromètre des indices de popularité – mars 2022 // Ifop, 2021. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-mars-2022/>.

21 Macron: les raisons d'une chute de popularité quasi-inédite sous la ve // BFMTV, 2021. URL: https://www.bfmtv.com/politique/gouvernement/macron-les-raisons-d-une-chute-de-popularite-quasi-inedite-sous-la-ve_AV-201708040015.html.

22 Saint-Avold: les Gilets jaunes mobilisés ce week-end // Radio Mélodie, 2021. URL: <https://www.radiomelodie.com/a/16032-saint-avold-les-gilets-jaunes-mobilises-ce-week-end>.

дента, снизив его в среднем на несколько пунктов. В то же время доктор политических наук Н.Ю. Лапина отмечает возможности для использования президентом пандемии для укрепления своих позиций в случае успешного восстановления страны в постпандемийное время, так как Франция уже обогнала страны-члены ОЭСР по количеству финансовых средств в процентах от ВВП, затраченных на помощь населению в настоящее время (6, с. 19). Однако, как представляется, об окончании пандемии и восстановлении Франции говорить еще рано, поэтому это убеждение остается лишь предположением.

Соперничество Э. Макрона и М. Ле Пен на фоне пандемии

По состоянию на март 2022 года, по данным Французского института общественного мнения Ifop, рейтинг народной поддержки Э. Макрона выглядит следующим образом: 9% – «полностью довольны», 33% – «скорее довольны», 28% – «скорее недовольны», 28% – «полностью недовольны»²³. В свете предстоящих выборов важно отметить, что несмотря на пандемию и неоднозначные действия правительства, на протяжении долгого времени Э. Макрон лидирует в списке кандидатов, за которых французы предпочтут голосовать в первом туре. На протяжении всего 2021 года социологические опросы демонстрировали следующих наиболее популярных кандидатов для второго тура: Э. Макрон, М. Ле Пен, Э. Земмур, К. Бертран, В. Пекресс²⁴. При этом, по мнению большинства экспертов, дуэль Э. Макрона и М. Ле Пен – наиболее вероятный сценарий для второго тура выборов, в котором, практически несмотря ни на что, победителем станет действующий президент Франции. Подобная гипотеза вызывает особый интерес, так как в таком случае третий раз в истории Франции лидер партии «Национальное объединение» (называвшейся до 2018 года «Национальный фронт»), вероятно, проиграет выборы во втором туре. Как представляется, данная теория требует пояснений.

Политическая партия «Национальный фронт» была создана в 1972 году французским политиком Жан-Мари Ле Пенем. Впервые лидер данной партии, называвшейся в то время «Национальный фронт», вышел во второй тур президентских выборов в 2002 году – тогда Жан-Мари Ле Пен противостоял Жаку Шираку, баллотировавшемуся на второй срок. На момент начала выборов Ж. Ширака поддерживало около 55% населения, а также к тому времени ему уже приписывали связь с коррупционными махинациями, в связи с чем эксперты предполагали, что во втором туре он может рассчитывать лишь на 48% голосов²⁵. Результаты первого тура выборов

23 Baromètre des indices de popularité – mars 2022 // Ifop, 2021. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-mars-2022/>.

24 Présidentielle 2022: Éric Zemmour en baisse, selon un sondage // Le Point, 2021. URL: https://www.lepoint.fr/politique/presidentielle-2022-eric-zemmour-en-baisse-selon-un-sondage-11-11-2021-2451631_20.php.

25 Sondages: la cote de popularité de Jacques Chirac est en baisse // Le Monde, 2021. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/2001/07/12/sondages-la-cote-de-popularite-de-jacques-chirac-est-en-baisse_4203508_1819218.html.

оказались неожиданными: первое место занял Ж. Ширак, получив 19,8%, а второе место сенсационно занял Жан-Мари Ле Пен, обогнав социалиста Лионеля Жоспена лишь на 0,7%, получив 16,8% голосов²⁶. Данные результаты привели к резонансным последствиям: тогда «Национальный фронт» был явной ультраправой партией, пугавшей своими радикальными предложениями, поэтому практически все политические течения и СМИ начали агитировать население за Ж. Ширака, предлагая голосовать «за вора, но не фашиста». Так, действующий президент, будучи не самой привлекательной для французов кандидатурой, одержал победу и получил второй мандат. Вероятно, Ж. Ширак не выиграл бы выборы, если во втором туре столкнулся бы с Л. Жоспеном. События 21 апреля 2002 года впервые продемонстрировали, что правые и ультраправые идеи пользуются внушительной популярностью во французском обществе, после чего предрекали опасный рост этих идей, способный однажды привести на президентский пост кандидата от «Национального объединения».

Однако 15 лет спустя ситуация повторилась – в 2017 году Марин Ле Пен, нынешний лидер «Национального объединения», заняла второе место в первом туре президентских выборов, получив 21% голосов, а первое место занял Э. Макрон с 24% голосов²⁷. В отличие от выборов 2002 года выход во второй тур лидера «Национального объединения» не был неожиданностью, и опросы общественного мнения демонстрировали именно такой результат²⁸. В то же время прогноз об увеличении популярности этой партии оказался неверным, так как победу на выборах в 2017 году одержал все же Э. Макрон (66% голосов против 33% голосов за М. Ле Пен²⁹). Однако проведенные после выборов опросы общественного мнения выявили интересную картину. Во-первых, больше трети населения проголосовало за Э. Макрона, чтобы не выиграла М. Ле Пен: 43% проголосовало за «оппозицию Ле Пен», 33% – за обновления, которые предлагает Э. Макрон, лишь 16% – за его программу и 8% – за его личность (15). Как оказалось, этот результат обусловлен не только фактом приверженности М. Ле Пен правым или праворадикальным идеям, но также и ее провалом на дебатах с Э. Макроном, проходивших между двумя турами выборов 3 мая 2017 года. Эксперты отмечают, что в ходе значительной части дебатов лидер Национального объединения остро критиковала своего оппонента, путаясь при этом в фактах, в то время как лидер «Вперед, Республика!» вел себя уверенно. Также зачастую М. Ле Пен не могла отстоять свою позицию, особенно в тех вопросах, по которым ее мнение менялось за последнее время (к примеру, об отказе от евро или об отмене пенсионной реформы). В результате можно отметить, что после проведенных дебатов М. Ле Пен в глазах французов стала определенно не тем кандидатом, который должен возглавлять страну (15). Во-вторых,

26 Décision n° 2002-109 PDR du 24 avril 2002 // Conseil Constitutionnel, 2002. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2002/2002109PDR.htm>.

27 Décision n° 2017-169 PDR du 26 avril 2017 // Conseil Constitutionnel, 2017. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2017/2017169PDR.htm>.

28 Présidentielle 2017: les sondages ont vu plutôt juste // Le Monde, 2017. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/04/26/presidentielle-les-sondages-ont-vu-plutot-juste_5117718_4355770.html.

29 Décision n° 2017-171 PDR du 10 mai 2017 // Conseil Constitutionnel, 2017. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2017/2017171PDR.htm>.

президентские выборы 2017 года примечательны в двух статистических значениях за всю историю Пятой республики: 11,5% проголосовавших испортили бюллетень или же оставили его пустым (самый высокий показатель за все президентские выборы), а также еще 25% воздержались от голосования (второй по величине показатель за тот же период) (15). Так, 36% населения не сделали свой выбор, а 11,5% из них дали понять, что не хотят видеть президентом ни М. Ле Пен, ни Э. Макрона.

Что касается предстоящих выборов 2022 года, то в контексте политической ситуации во Франции в целом за период президентства Э. Макрона А. Чихачев отмечает интересную особенность: большинство традиционных партий и политических сил столкнулись с кризисом и рядом внутренних проблем после выборов 2017 года, в результате которых они так и не смогли восстановить утраченные позиции (14, с. 84). Так, голлисты пострадали от ухода с политической сцены Н. Саркози; а социалисты все еще испытывают недоверие населения после президентского срока Ф. Олланда, а также колоссальную нехватку финансовых средств для развития своей партии. Что касается другой традиционной французской партии, «Республиканцев», то, как отмечается, дела партии значительно осложнились вследствие коррупционного скандала вокруг Ф. Фийона (4, с. 81). В результате из популярных республиканцев остался только К. Бертран, но он выдвинулся на выборы в качестве беспартийного кандидата в связи с разногласиями внутри партии и лишь через какое-то время вернулся в партию.

Также А. Чихачев считает, что в период пандемии во Франции усилился разрыв между бедными и богатыми слоями населения, но ни одна политическая партия (кроме «Национального объединения») не смогла на фоне возросшего протестного настроения общества представить свежие и популярные идеи (14, с. 85). В то же время на сегодняшний день данная партия имеет 6 депутатских мандатов из 577 в нижней палате французского парламента³⁰, а также в партии состоит 20–25 тыс. человек³¹. Так, можно заметить, что «Национальное объединение» имеет достаточно скромное количество последователей и, следовательно, малое количество мест в парламенте. Поэтому с 2018 года после последних президентских выборов «Национальное объединение» проводит серию реформ с целью расширить свой электорат, стремясь стать универсальной партией для привлечения избирателей из разных социальных слоев с разными политическими взглядами. Теперь, к примеру, «Национальное объединение» отходит от острого евроскептицизма и призывов выйти из зоны евро (но сохраняет критику ЕС в целом), все также стоит на твердых позициях по отношению к иммигрантам, но помимо этих пунктов партия предлагает проекты и по защите прав граждан, борьбе с неравенством, защите окружающей среды и т.д.³². Вероятно, именно поэтому социологические опросы на протяжении длительного периода де-

30 Députés non-inscrits // Assemblée Nationale, 2021. URL: <https://www2.assemblee-nationale.fr/15/les-groupes-politiques/deputes-non-inscrits>.

31 Le Rassemblement national à la recherche des militants perdus // l'Opinion, 2021. URL: <https://www.lopinion.fr/politique/le-rassemblement-national-a-la-recherche-des-militants-perdus>.

32 Publications thématiques // Rassemblement National, 2022. URL: <https://rassemblementnational.fr/publications-thematiques/>.

монстрировали рост популярности М. Ле Пен. В то же время многие исследователи приходят к выводу о том, что реформы «Национального объединения» являются фадными – они меняют риторику партии, не меняя кардинально сути политической программы, которая теперь стала более завуалированной (5, с. 484). Так, кандидат политических наук А.С. Бадаева указывает, что реформы не изменили праворадикальную сущность партии, однако она стала более привлекательной для населения, но не для истеблишмента и политических институтов в целом (3, с. 2882). Такой же вывод справедлив и для самой М. Ле Пен – группа экспертов в области филологии из МГИМО провела исследование трансформации дискурса «Национального объединения», по результатам которого они описали М. Ле Пен как «типичного политика-популиста», который использует «прием непрозрачности», позволяющий давать «различную трактовку» ее высказываниям (Петрова, Огородов, Тарасова 2019, с. 93).

При этом в последний год положение М. Ле Пен усложнилось выходом на французскую политическую сцену ультраправого публициста Э. Земмура, чьи высказывания иногда потрясают Францию, вследствие чего наиболее радикальные последователи «Национального объединения» переходят в лагерь Э. Земмура. Руководитель Центра этнополитических исследований Института Европы РАН П.В. Осколков отмечает, что такая ситуация вынуждает М. Ле Пен расширять свой электорат в том числе и за пределами Франции через укрепление поддержки от других ультраправых европейских партий (9, с. 75).

Сегодня на фоне пандемии М. Ле Пен, безусловно, не теряет возможности повысить свою популярность, обвиняя Э. Макрона, французское правительство и президентскую партию «Вперед, Республика!» во всех проблемах, связанных с кризисным регулированием. Так, уже в июле 2020 года «Национальное объединение» опубликовало книгу на 168 страниц под названием «Черная книга коронавируса. От фиаско в бездну» (16), задача которой, как заявляется, заключается в осмыслении прожитого периода и поиске правды и лжи в тех или иных действиях исполнительной власти. Первая часть книги посвящена общему обзору ситуации через призму критики от «Национального объединения» и самой М. Ле Пен. К примеру, авторы книги считают, что Э. Макрон, описав начало пандемии фразой «Мы на войне», стремился создать себе образ «отца нации», благодаря которому Франция выйдет из кризиса, что подразумевало единоличность его действий и рост его личной популярности и авторитета (16). «Национальное объединение», в свою очередь, настаивает на том, что подобные кризисы требуют демократических решений, в процессе принятия которых будет участвовать все население, а не единственный Совет по защите здоровья во главе с Э. Макроном (16). Однако, как было указано ранее, одним из преимуществ Совета по защите здоровья является скорость принятия решений, которой не может похвастаться французский парламент и которая так необходима в столь острый период. Следовательно, заявление о большей эффективности парламента вызывает сомнения.

Во второй части доклада под названием «Управление пандемией COVID-19. Хронология фиаско» содержится хронология ключевых событий с цитатами испол-

нительной власти и различных чиновников по 11 сюжетам, которые «Национальное объединение» считает провалом кризисного регулирования Э. Макрона. Среди 11 сюжетов присутствует в том числе проведение первого тура муниципальных выборов в Париже в марте 2020 года, сомнения партии относительно эффективности ношения медицинских масок и применения некоторых методов лечения коронавируса, критика проведения ряда массовых мероприятий весной 2020 года и т.д. В контексте муниципальных выборов интересно добавить, что, как отмечает А.С. Бадаева, М. Ле Пен активно вела свою предвыборную кампанию в марте 2020 года, и лишь на следующий день после выборов она начала резко осуждать отказ от их переноса, а «Национальное объединение» начало распространять листовки с надписью «Коронавирус: правительство знало, но ничего не сделало!» (3, с. 99). В целом данная работа построена на главном убеждении партии и самой М. Ле Пен об эпидемиологическом кризисе: «Экономический кризис, с которым сталкивается Франция в течение длительного периода, берет свое начало в беспрецедентном кризисе в области здравоохранения, усугубленном глубоким политическим кризисом. Сочетание этих трех кризисов прежде всего выявило масштабы упадка Франции» (16).

М. Ле Пен также часто высказывается о некоторых конкретных действиях Э. Макрона в рамках кризисного регулирования пандемии. Одним из ярких примеров стала реакция лидера «Национального объединения» на кампанию вакцинации, которую она назвала «Ватерлоо Макрона»³³. В данном контексте М. Ле Пен считает провальными планы президента по вакцинации, так как Франции не удалось достичь планируемый процент вакцинированного населения к весне 2021 года. Стоит отметить, что М. Ле Пен также выступает против обязательной вакцинации, но не предлагает других вариантов для выработки коллективного иммунитета, который считался ключевым фактором, необходимым для окончания пандемии. Кроме того, Франции все же удалось выполнить план по вакцинации к октябрю 2021 года³⁴. Как представляется, учитывая регулярные демонстрации против санитарных пропусков и обязательной вакцинации, позиция М. Ле Пен явно идет на пользу ее популярности и расширению электората, так как против обязательной вакцинации выступают совершенно разные слои населения с различными политическими взглядами.

Также М. Ле Пен обвинила французское правительство в бездействии во время начала пандемии. Так, по ее словам, на месте президента республики она раздала бы каждому французу по защитной маске на государственные, а не на муниципальные средства (7 французское правительство должно было закупить или произвести более 60 млн масок на фоне их острой нехватки во всем ЕС. Еще одной актуальной темой для всех европейских правых популистов, как отмечает П.В. Осколков, стало связывание пандемии и проблемы иммиграции. П.В. Осколков со ссылкой на высказывание британского политолога М. Пальярелло («Если раньше врагом был мигрант,

³³ Marine Le Pen sur Twitter // Twitter, 2021. URL: https://twitter.com/mlp_officiel/status/1377331394351800321.

³⁴ Informations Covid-19 // Gouvernement.fr, 2021. URL: <https://www.gouvernement.fr/info-coronavirus/carte-et-donnees>.

то теперь враг – это мигрант, у которого коронавирус») выделяет такую же риторику и у М. Ле Пен (8, с. 2). Схожую позицию занимают и некоторые другие эксперты, которые приводят в пример предложение «Национального объединения» о временном снятии моратория на принудительное использование труда заключенных для производства масок (1, с. 25). В данном предложении партия осуждает решение правительства о временном очищении изоляторов временного содержания, в котором преимущественно находятся иммигранты, из-за возросшей угрозы заражения коронавирусом в подобных учреждениях. Действительно, как оказалось, ультраправые позиции партии относительно иммигрантов отлично вписываются и в пандемийное время, которое представляет новые поводы для антииммигрантских высказываний.

В целом позиция и предложения «Национального объединения» во главе с М. Ле Пен в значительной степени строятся на критике уже принятых решений, и партия не предлагает конкретной программы действий против пандемии, которые можно было бы принять уже сейчас или в ближайшем будущем для снижения заболеваемости населения и восстановления страны в постпандемийную эпоху. Подобная ситуация происходит и со многими другими политическими партиями во Франции; вероятно, именно поэтому, согласно опросу от 7 января 2022 года, 57% французов ответили, что никто из представленных кандидатов в президенты не справился бы с пандемией лучше Э. Макрона³⁵. Также можно добавить, что М. Ле Пен, будучи в острой оппозиции к Э. Макрону, удалось укрепить свои позиции и за счет других политических событий, о которых шла речь ранее. Так, М. Ле Пен открыто поддержала письмо генералов весной 2021 года, так как оно отлично иллюстрирует идеи «Национального объединения». Более того, Ю.И. Рубинский отмечает, что непопулярность социально-экономических реформ Э. Макрона и растущие на их фоне протестные настроения привели к увеличению избирательного круга М. Ле Пен за счет включения в него значительной части «народного» электората, который ранее голосовал за коммунистов или социалистов (12, с. 3).

Однако какова вероятность, что М. Ле Пен дойдет до второго тура – или же вместо нее будет другой кандидат? Французским законодательством обозначены достаточно строгие требования для допуска кандидата в первый тур выборов: кандидату необходимо получить 500 подписей от чиновников различного уровня с учетом географического разнообразия³⁶. Данное требование ставит своей целью значительно сократить количество кандидатов, допущенных к выборам. Поэтому из более чем 30 изначальных кандидатов до выборов было допущено лишь 12 человек, согласно финальному списку кандидатов, опубликованному 7 марта 2022 года Конституционным

35 Les Français et les opposants à Emmanuel Macron dans le cadre de l'élection présidentielle de 2022 // Ifop, 2022. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-francais-et-les-opposants-a-emmanuel-macron-dans-le-cadre-de-lelection-presidentielle-de-2022/>.

36 Élection présidentielle: les règles pour les parrainages des candidats // Vie publique, 2021. URL: <https://www.vie-publique.fr/eclairage/23872-parrainage-des-candidats-la-presidentielle-les-500-signatures>.

Советом Франции³⁷. На данный момент всех представленных кандидатов можно разделить на условные группы: правые и левые, и из левых отдельно выделяются «зеленые». Длительное время из числа правых кандидатов лидировали Ксавье Бертан, Валери Пекресс и Мишель Барнье³⁸. Впоследствии к гонке присоединился ультраправый публицист Эрик Земмур, и опросы стали демонстрировать разные результаты комбинации кандидатов для вторых-третьих мест первого тура: зачастую М. Ле Пен занимает второе место, однако в некоторых случаях отрыв от третьего места крайне незначительный. Так, в начале осени 2021 года Э. Земмур начал набирать популярность, в то время как к началу года о его участии в выборах не шло и речи. Также в декабре 2021 года В. Пекресс неожиданно победила на праймериз «Республиканцев», вследствие чего ее рейтинг резко взлетел, и она стала занимать второе место после Э. Макрона, обогнав М. Ле Пен³⁹. Тем не менее уже к середине января 2022 года М. Ле Пен смогла вернуть утраченные позиции и сравнялась с В. Пекресс. Некоторые французские политологи объясняют это тем, что В. Пекресс смогла объединить вокруг себя лишь правые силы, оставаясь непривлекательной кандидатурой для левых и центристов, в то время как за лидера «Национального объединения» отдают свои голоса люди с разными политическими взглядами⁴⁰. В результате на выборах правые будут представлены лишь В. Пекресс, а ультраправые – М. Ле Пен, Э. Земмуром и Н. Дюпо-Эняном, который выдвинул свою кандидатуру еще в сентябре 2020 года, но сегодня в первом туре выборов за него проголосовало бы лишь 2% французов⁴¹, поэтому его кандидатуру можно не рассматривать.

«Зеленые» провели свои праймериз в сентябре 2021 года, по результатам которых главным кандидатом от данной политической ветви был выбран Янник Жадо, член партии «Европа – Экология – Зеленые»⁴². В то же время Антуан Вехтер, еще один «зеленый» кандидат, принял решение участвовать в выборах, несмотря на результаты прошедших праймериз, вследствие чего он так и не смог собрать необходимое количество подписей и не был допущен до выборов. Тем не менее ситуация вокруг остальных левых оставалась неясной длительное время – политическое течение было представлено 9 кандидатами, а на «всенародных праймериз» победу одержала Кристиан Тоби-

37 Présidentielle 2022. Qui sont les candidats déclarés et pressentis // Le Monde, 2022. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2021/06/02/presidentielle-2022-qui-sont-les-candidats-declares-et-presentis_6082545_4355770.html.

38 Sondage Ifop : Pécresse, Bertrand, Barnier... duels dans l'opinion // Paris Match, 2021. URL: <https://www.parismatch.com/Actu/Politique/Sondage-Ifop-Pecresse-Bertrand-Barnier-duels-dans-l-opinion-1756762>.

39 Valérie Pécresse, première femme investie par la droite pour la présidentielle // Le Monde, 2021. URL: https://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2022/article/2021/12/04/election-presidentielle-2022-valerie-pecresse-premiere-femme-du-parti-les-republicains-candidate-a-elysee_6104724_6059010.html.

40 Valérie Pécresse peine à donner un second souffle à sa campagne // L'OBS, 2022. URL: <https://www.nouvelobs.com/election-presidentielle-2022/20220112.OBS53122/valerie-pecresse-peine-a-donner-un-second-souffle-a-sa-campagne.html>.

41 Présidentielle 2022. // Ifop, 2022. URL: <https://www.ifop.com/presidentielle-2022/>.

42 Présidentielle 2022. Qui sont les candidats déclarés et pressentis // Le Monde, 2022. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2021/06/02/presidentielle-2022-qui-sont-les-candidats-declares-et-presentis_6082545_4355770.html.

ра. Однако уже в марте она объявила о снятии своей кандидатуры в связи с невозможностью собрать 500 подписей⁴³. Тогда команда «всемирных праймериз» единолично, не обращая внимания на волю избирателей, объявила единым кандидатом от левых Жан-Люка Меланшона, члена ультралевой партии «Непокоренная Франция». Интересно отметить, что кандидатура Ж.-Л. Меланшона была столь же противоречивой, как и М. Ле Пен, так как оба кандидата представляли радикальные силы, зачастую характеризующиеся как полумистические. Как следствие, решение левых вызвало волну возмущения избирателей и, вероятно, еще больше раскололо данное политическое крыло. Левые представлены еще четырьмя кандидатами, тем не менее никто, кроме Ж.-Л. Меланшона, не может приблизиться к наиболее популярной тройке⁴⁴.

В контексте предвыборной ситуации важно отметить, как на события на Украине отреагировал действующий президент Франции и как это отразилось на его рейтинге. Э. Макрон с начала марта этого года занял достаточно активную позицию, стараясь стать медиатором между сторонами конфликта – французский президент крайне часто проводил телефонные звонки с лидерами различных государств по этому вопросу, а особенно с В. Путиным и В. Зеленским. В случае с предстоящими выборами внимание привлекает тот факт, что во время этих переговоров приглашается личный фотограф лидера Французской Республики, после чего в СМИ распространяются снимки, на которых Э. Макрон крайне раздосадован и взволнован всем происходящим. В результате может складываться впечатление, что цель этих действий – повышение рейтинга в преддверии выборов. Действительно, к середине марта за Э. Макрона в первом туре собирались голосовать уже более 31% населения, и эти цифры сравнимы лишь с допандемийным периодом⁴⁵. М. Ле Пен, в свою очередь, наоборот, потеряла более 10 пунктов⁴⁶, что может быть объяснено сотрудничеством «Национального объединения» с «Единой Россией» и призывами партии М. Ле Пен к нормализации отношений с Россией, которые были характерны для ее партии в течение длительного периода. Впоследствии появилась информация о том, что М. Ле Пен приказала местным отделениям своей партии уничтожить все копии ранее распространяемой предвыборной брошюры, на одной из страниц которых размещена фотография лидера «Национального объединения» и президента России В. Путина – однако М. Ле Пен эту информацию опровергла⁴⁷.

43 Présidentielle: la Primaire populaire “présente ses excuses” à ses “soutiens”, après son choix controversé de soutenir Jean-Luc Mélenchon // Franceinfo, 2022. URL: https://www.francetvinfo.fr/elections/presidentielle-la-primaire-populaire-presente-ses-excuses-a-ses-soutiens-apres-son-choix-controverse-de-soutenir-jean-luc-melenchon_5017421.html.

44 Sondage sur la présidentielle 2022: 1er tour, 2e tour... Le Pen peut battre Macron // Linternaute, 2022. URL: <https://www.linternaute.com/actualite/politique/2575740-sondages-sur-la-presidentielle-2022-1er-tour-2e-tour-dernier-sondage-et-compilation-des-enquetes-05-04/>.

45 Sondage présidentielle 2022: notre baromètre quotidien // Le Parisien, 2022. URL: <https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/sondage-presidentielle-2022-decouvrez-notre-barometre-quotidien-24-03-2022-NRS4DWMSJ5CIF13VTXIZ7SXZKU.php>.

46 Там же.

47 French far-right leader Marine Le Pen forced to defend Putin links // The Guardian, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/02/french-far-right-leader-marine-le-pen-forced-to-defend-putin-links>.

Тем не менее эффект от украинских событий оказался краткосрочным – как для Э. Макрона, так и для М. Ле Пен. Э. Макрон утратил пункты, полученные в результате его серии телефонных переговоров. Вероятно, это можно объяснить тем, что французское население начало чувствовать эффект от санкций против России, что особенно отразилось на повышении цен на топливо, которые и так были болезненной темой для общества Франции после движения «желтых жилетов». В результате наиболее популярной версией событий второго тура президентских выборов на момент начала апреля 2022 года все еще является противостояние Макрон – Ле Пен, так как, согласно исследованиям общественного мнения от 5 апреля 2022 года, в первом туре 26,5% проголосуют за действующего президента, 23% отдадут голос за М. Ле Пен, третье место займет Ж.-Л. Меланшон с 17% голосов, а Э. Зиммур делит четвертое место с В. Пекресс – по 9,5% голосов у каждого⁴⁸. В целом можно отметить, что Э. Макрон и М. Ле Пен на протяжении года лидируют в подобных опросах при постоянном изменении кандидатов на следующие места. Поэтому, вероятно, как бы ни развивались дальнейшие события и какие идеи ни предлагало бы «Национальное объединение», во втором туре президентских выборов 2022 года мы увидим повторение дуэли М. Ле Пен и Э. Макрона 2017 года. Также можно заметить еще один важный момент – после Э. Макрона лидируют два кандидата от радикальных партий, чего не было раньше и что может представлять определенную угрозу. Данный факт можно объяснить событиями, произошедшими за президентский мандат Э. Макрона: повышение цен на топливо в 2018 году и последующие карантинные ограничения ударили по работникам сферы сельского хозяйства и промышленности, а также по менее обеспеченному населению; на этом фоне проходили неоднозначные реформы, из-за которых действующего президента стали считать «президентом для богатых»; затем санкции против России еще раз привели к повышению цен на топливо, в чем данные категории населения видят вину президента; как следствие, не только крайне правые, но уже и крайне левые идеи набирают популярность во французском обществе.

Выводы

Таким образом, на основе проведенного анализа влияния действий по борьбе против коронавирусной пандемии на рейтинг Э. Макрона, а также противостояния Макрон – Ле Пен можно сделать следующие выводы. Во-первых, некоторые решения президента, а в особенности отказ от введения третьего локдауна в конце января 2021 года, действительно негативно отразились на его поддержке и степени доверия населения всему правительству. Э. Макрон все же объявил о своем участии в президентских выборах, но сделал это достаточно поздно; причины были связаны с началом пятой волны распространения коронавирусной инфекции, которая

48 Там же.

в несколько раз масштабнее предыдущих, и с желанием действующего президента дополнительно привлечь к себе внимание и выбрать «нужный момент». Во-вторых, в сравнении с движением «желтых жилетов» и событиями августа 2017 года влияние пандемии коронавируса на рейтинг Э. Макрона оказалось не столь существенным. М. Ле Пен, в свою очередь, не упускает возможности извлечь политическую выгоду из ошибок президента: она регулярно остро критикует его действия, выступает против обязательной вакцинации и поддерживает протесты на этой почве, не предлагая, однако, качественно новых вариантов борьбы с пандемией и выхода страны из кризиса. В-третьих, уже упомянутые факторы и последующие действия президента в этой области вряд ли сыграют ключевую роль в президентских выборах, учитывая, что М. Ле Пен и Э. Макрон, скорее всего, попадут во второй тур. В таком случае победа Э. Макрона будет обусловлена в значительной степени его противостоянием с М. Ле Пен. Хотя, согласно социологическим опросам, лидер правых практически не имеет шансов получить президентский мандат, так как в случае выхода во второй тур не Э. Макрона, а других кандидатов из пятерки наиболее популярных велика вероятность повторения сценария 2002 и 2017 годов. Следовательно, на сегодняшний день Э. Макрон имеет наибольшую вероятность одержать победу и переизбраться на второй президентский срок, несмотря на ряд неоднозначных решений, принятых им в период пандемии. В то же время для М. Ле Пен пандемия стала той темой, благодаря которой она смогла расширить свой электорат за счет включения различных слоев общества. Однако одной только критики президента в период пандемии все еще недостаточно для того, чтобы лидер «Национального объединения» имела большие шансы одержать победу на президентских выборах. Э. Макрон, в свою очередь, продолжает предпринимать попытки использовать военную ситуацию на Украине для повышения своих рейтингов, но пока положительный результат носит краткосрочный характер, а его разрыв с М. Ле Пен вновь уменьшился.

Список источников

1. Абрамов А.В. и др. (2020), Пандемия COVID-19: конец привычного мира? [Pandemia COVID-19: the End of the Familiar World?], Вестник Московского государственного областного университета, № 2, сс. 2-83.
2. Бадаева А.С. (2020), Пандемические стратегии западноевропейских ультраправых партий [The Pandemic Strategies of the Far-Right Parties in Western Europe], Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, Т. 13, № 5, сс. 94-113.
3. Бадаева А.С. (2021), Стеклоанный потолок Марин Ле Пен [Marine Le Pen and her Glass Ceiling], Вопросы политологии, 10 (74), Т. 11, сс. 2876-2885.
4. Василенко С.Б. (2021), Политические приоритеты французских граждан на современном этапе [Political Priorities of French Citizens at the Current Stage], Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, № 2, сс. 80-86. Захарова Е.А. (2020), От «Национального фронта» к «Национальному объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии [From Front National to Ressemblment National in France: Rebranding the Party Image], Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Политология, Т. 22, № 3, сс. 475-485.
5. Лапина Н.Ю. (2021), Франция в эпоху глобальных трансформаций [France in the Era of Global Transformations], Актуальные проблемы Европы, № 3 (111), сс. 7-27.
6. Наумова Н.Н., Фалалеев П.И. (2021), Пандемия Covid-19 и ее влияние на политическую ситуацию во Франции (весна-лето 2020 г.) [Covid-19 Pandemic and its Impact on the Political Situation in France (spring-summer 2020)], Французский ежегодник Учредители: Институт всеобщей истории РАН, Т. 54, сс. 181-212.
7. Осколков П. (2021), “Нормальная турбулентность” и потенциальные перемены: правый популизм и национализм в Европе (сентябрь-ноябрь 2021) [“Normal Turbulence” and Potential Change: Right-wing Populism and Nationalism in Europe (September-November 2021)], Европейский Союз: факты и комментарии, сс. 74-76.
8. Осколков П.В. (2020), Популизм и корона: как пандемия влияет на правопопулистские партии Европы [Populism and Coronavirus: How is the Pandemic Affecting Right-Wing Populist Parties in Europe?], Аналитическая записка, № 15.
9. Петрова М.Л., Огородов М.К., Тарасова М.В. (2019), От Национального фронта к Национальному объединению: основные направления трансформации дискурса партии Марин Ле Пен [From the National Front for National Union Party: the Basic Directions of Transformation of the Discourse of the Party of Marine Le Pen], Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, № 8-2, сс. 89-94.
10. Рубинский Ю. (2019), Франция: «второй акт» Э. Макрона [France: «the Second Act» of E. Macron], Аналитическая записка, № 32, сс. 1-7.
11. Рубинский Ю. и др. (2021), Франция: тени прошлого или призраки будущего? [France: Shadows of the Past or Ghosts of the Future?], Аналитические записки Института Европы РАН, № 14, сс. 1-5.
12. Таран Е.А. (2021), Накануне выборов во Франции [On the Eve of the Elections in France], Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма. Сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, сс. 471-475.
13. Чихачев А. (2021), Фактор пандемии и внутривнутриполитическая ситуация во Франции накануне выборов 2022 г. [The Covid-19 Pandemic and the Political Situation in France before 2022 Elections], Современная Европа, № 5, сс. 79-89.
14. Gérard Courtois (2017), 43% des électeurs de Macron ont voté pour exprimer leur opposition à Le Pen, Le Monde.
15. Le Pen M. (2020), Le livre noir du coronavirus. Du fiasco à l'abîme, Rassemblement National, 168 p.

Информация об авторах

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна. Доктор исторических наук. Доцент. Профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>. Адрес: 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, 36. ekhakhalkina@mail.ru.

КОТОВИЧ Ксения Анатольевна. Бакалавр 4 года обучения Национального исследовательского Томского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0001-9368-5202>. Адрес: 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, 36. xeniya.cat.ovich@gmail.com.

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в подготовку статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 апреля 2022. Одобрена после рецензирования:
10 апреля 2022. Принята к публикации: 15 апреля 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abramov A.V. and others (2010), Pandemia COVID-19: the End of the Familiar World?, Journal «Moscow Region State University», №. 2, pp. 2-83. (In Russian)
2. Badaeva A.S. (2021), Marine Le Pen and her Glass Ceiling, Political Science Issues, 10(74), V. 11, pp. 2876-2885. (In Russian)
3. Badaeva A.S. (2020), The Pandemic Strategies of the Far-Right Parties in Western Europe, Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 13, no 5, pp. 94–113. (In Russian)
4. Chikhachev A. (2021), The Covid-19 Pandemic and the Political Situation in France before 2022 Elections, Contemporary Europe. Social and political research journal, No 5(105), pp. 79-89. (In Russian)
5. Gérard Courtois (2017), 43 % des électeurs de Macron ont voté pour exprimer leur opposition à Le Pen, Le Monde.
6. Lapina N.Yu. (2021), France in the Era of Global Transformations, Current problems of Europe, №. 3 (111), pp. 7-27. (In Russian)
7. Le Pen M. (2020), Le livre noir du coronavirus. Du fiasco à l'abîme, Rassemblement National, 168 p.
8. Naumova N. N., Falaleev P. I. (2021), Covid-19 Pandemic and its Impact on the Political Situation in France (spring-summer 2020), Annual of French Studies, V. 54, pp. 181-212. (In Russian)
9. Oskolkov P. (2021), "Normal Turbulence" and Potential Change: Right-wing Populism and Nationalism in Europe (September-November 2021), European Union: facts and comments, pp. 74-77. (In Russian)
10. Oskolkov P. V. (2020), Populism and Coronavirus: How is the Pandemic Affecting Right-Wing Populist Parties in Europe?, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Analytic Note No. 15 (No. 198). (In Russian)
11. Petrova M., Ogorodov M., Tarasova (2019), From the National Front for National Union Party: the Basic Directions of Transformation of the Discourse of the Party of Marine Le Pen, Modern Science: actual problems of theory & practice». Series of "humanity", №. 8-2, pp. 89-94. (In Russian)
12. Rubinsky U. (2021), France: Shadows of the Past or Ghosts of the Future?, Analytic notes of Institute of Europe Russian Academy of Sciences, №. 14, pp. 1-5. (In Russian)
13. Rubinsky Y. (2019), France: «The Second Act» of E. Macron [Franciya: «vtoroj akt» E. Makrona], European Analytics, №. 32, pp. 1-7. (In Russian)
14. Taran E. A. (2021), On the Eve of the Elections in France, Heritage of V.G. Korolenko. Humanism strategies. Collection of materials of the Third All-Russian scientific-practical conference with international participation, pp. 471-475. (In Russian)
15. Vasilenko S. B. (2021), Political Priorities of French Citizens at the Current Stage, Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences, №. 2, pp. 80-86. (In Russian)
16. Zakharova E. A. (2020), From National Front to National Ressemblment in France: Rebranding the Party Image, RUDN Journal of Political Science, 22 (3), pp. 475–486. (In Russian)

About the authors

KHAKHALKINA Elena V. DSc (Hist.). Professore, Department of Modern, Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University. <https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>. Address: 36, prospect Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation, ekhakhalkina@mail.ru.
KOTOVICH Kseniya A. Student, National Research Tomsk State University. <https://orcid.org/0000-0001-9368-5202>. Address: 36, prospect Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation, xeniya.catovich@gmail.com.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: April 5, 2022. Approved after peer reviewing: April 10, 2021. Accepted for publication: April 15, 2021. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура,
социальные институты
и процессы

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social structure,
social institutions
and processes

RUSSIA & WORLD SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Существующие для нашей страны угрозы вполне преодолимы, если принять дополнительные меры в вопросах развития и внедрения отечественной высокотехнологичной продукции, оснащения Российской армии необходимыми средствами для отражения всех возможных видов атак в киберпространстве..., борьбы с фейковыми новостями и информацией, мониторинга социальных сетей на предмет размещения в них угрожающей суверенитету информации, обеспечения политики в области криптовалют и пропаганды безопасного использования Интернета среди граждан.

Грибин Н.П., Кохтюлина И.Н., Соболев И.И. Седунов Д.И.

Информационный суверенитет: материалы дискуссии

...Беларусь и поныне подвержена одновременно двум влияниям: западному с его открытым коммуникационным режимом и восточному, для которого характерны более закрытые страновые коммуникационные режимы. Вследствие диффузии институтов, в белорусском коммуникационном режиме сформировалось не одно, как обычно, а два ядра связанные с католической и православной церквями, вокруг которых группируются коммуникационные силы. Хоть они не равнозначны (католиков в стране 15%), тем не менее, в силу особенностей католической церкви, ее относительной независимости от государства, подобная особенность означает, что в Беларуси невозможно выстроить жесткую, абсолютно контролируемую властью иерархическую коммуникационную модель, поскольку определенная часть населения имеет возможность получать информацию из альтернативных источников.

**Комлева В.В., Барахвостов П.А., Калачева И.И., Межевич Н.М., Рогальский С.Г.,
Воротников В.В., Качура А.Г., Лазоркина О.И., Стоппе А.Г.**

Коммуникационный режим Беларуси: материалы научной дискуссии

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты
и процессы. Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social structure, social institutions
and processes

Научная статья

Социологические науки

УДК: 32.019.51; 316.77

[https://doi.org/ 10.53658/RW2022-2-2\(4\)-100-131](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-100-131)

Информационный суверенитет: материалы научной дискуссии

Николай Петрович Грибин^{1a}, Ирина Николаевна
Кохтюлина^{2b}, Денис Игоревич Седунов^{3c},
Егор Ильич Соболев^{4d}

¹ Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

² Национальный институт исследований глобальной безопасности,
Москва, Россия

³ Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

⁴ Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

^a n.gordin40@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9141-445>

^b expobroker@yandex.ru

^c DenisSedunov@list.ru

^d 1032193499@rudn.ru

Аннотация. Статья содержит наиболее значимые и интересные материалы научной дискуссии, проведенной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций по проблемам информационного суверенитета и информационной безопасности России. Авторами обозначены основные угрозы и риски устойчивости и стабильности Российской Федерации в эпоху цифровизации; рассмотрены подходы к определению понятия «информационный суверенитет», определены его критерии, выявлены проблемы обеспечения информационного суверенитета России, в частности, связанные с технологической зависимостью России от зарубежных

технологий и оборудования, слабой защищенностью российской информационной инфраструктуры. В ходе дискуссии были выработаны рекомендации: 1) значительно увеличить финансирование российской высокотехнологичной промышленности, поддерживать российские исследования в области компьютерных технологий, чтобы свести зависимость от иностранной продукции к минимальным значениям и повысить защищенность объектов критической инфраструктуры; 2) продолжать развитие отдельного направления в области кибербезопасности в Вооруженных Силах РФ, наращивать военный потенциал в области цифровых технологий; 3) проводить активную политику в информационной сфере, направленную на борьбу с ложными сообщениями; 4) отслеживать распространение противоправной информации в социальных сетях; 5) начать реализацию государственной политики в сфере просвещения населения по вопросам информационной безопасности, правилам безопасного взаимодействия граждан с цифровыми технологиями; 6) усилить контроль за противоправной деятельностью в Интернете.

Ключевые слова: государство, информационный суверенитет, информационная безопасность, угрозы информационному суверенитету

Для цитирования: Грибин Н.П., Кохтюлина И.Н., Соболев И.И., Седунов Д.И. Информационный суверенитет: материалы научной дискуссии // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 100-131. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-100-131](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-100-131)

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-100-131](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-100-131)

Information sovereignty: materials of scientific discussion

Nikolai P. Gribin^{1a}, Irina N. Kohtyulina^{2b}, Denis I. Sedunov^{3c},
Egor I. Sobolev^{4d}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign
Ministry, Moscow, Russia

² National Institute for Global Security Studies, Moscow, Russia

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

⁴ National Research Institute for the Development of Communications, Moscow,
Russia

^a n.gordin40@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9141-445>

^b expobroker@yandex.ru

^c DenisSedunov@list.ru

^d 1032193499@rudn.ru

Abstract. The article contains the most significant and interesting materials of the scientific discussion on the problems of information sovereignty and information security in Russia held by the National Research Institute for the Communications Development. The authors identify the main threats and risks to the stability of the Russian Federation in the era of digitalization. Approaches to the definition of the concept of «information sovereignty» are considered, its criteria are defined. Problems of ensuring the information sovereignty of Russia are identified, in particular, relating to Russia's technological dependence on foreign technologies and equipment, weak security of the Russian information infrastructure. During the discussion, recommendations were developed: 1) significantly increase the financing of the Russian high-tech industry, support Russian research in the field of computer technology in order to reduce dependence on foreign products to a minimum and increase the security of critical infrastructure facilities; 2) to continue the development of a special direction in the sphere of cybersecurity in the Russian Armed Forces, increase military potential in the sphere of digital technologies; 3) to pursue an active information policy aimed at combating false messages; 4) to monitor the dissemination of illegal information in social networks; 5) to begin the implementation of state policy in the field of public education on information security, rules for safe interaction with digital technologies; 6) to strengthen control over illegal activities on the Internet.

Keywords: state, information sovereignty, information security, threats to information sovereignty

For citation: Nikolai P. Gribin, Irina N. Kohtyulina, Denis I. Sedunov, Egor I. Sobolev. Information sovereignty: materials of scientific discussion. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 100-131. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-100-131](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-100-131)

Введение

Актуальность научной дискуссии о проблемах и критериях информационного суверенитета обусловлена рядом причин, связанных и с усилением международного информационного противоборства, ужесточением техники информационных войн, все более недружественной информационной политикой ряда зарубежных стран в отношении России. Несмотря на то, что не первый год ведется работа по созданию правовой базы, которая бы регулировала международное информационное пространство и место в нем государств, проблематика информационного суверенитета только обостряется. Цель нашей дискуссии – определить критерии информационного суверенитета, обозначить риски и угрозы информационному суверенитету России, рассмотреть опыт его обеспечения в других странах, определить возможные пути решения проблем информационного суверенитета.

Материалы и методы

Авторы научной дискуссии в своих исследованиях применяли системный, институциональный подходы, опирались на концепции политического реализма, использовали метод сравнительного анализа. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные, материалы аналитических отчетов, решения и нормативные правовые акты: международные доклады ООН (доклады группы правитель-

ственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2013¹ и 2015² годов), национальные стратегии и доктрины (Национальная стратегия безопасности КНР в киберпространстве³, Национальная киберстратегия США⁴, Киберстратегия Министерства обороны США⁵, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации⁶, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁷, Военная доктрина Российской Федерации⁸), законы, связанные с обеспечением информационного суверенитета.

Результаты исследования

Угрозы и риски устойчивости и стабильности Российской Федерации в эпоху цифровизации (Грибин Н.П.)

В современной обстановке турбулентных геополитических процессов, непредвиденных взрывоопасных событий и международных конфликтов, отражающих нарастание межгосударственных противоречий, противоборство глобальных и региональных стран-лидеров за гегемонию в установлении правил и принципов мироустройства, бескомпромиссное продвижение собственных национальных интересов, нередко в ущерб другим субъектам международного права, все более заметную роль играют передовые технологии. Наряду с раскрытием неограниченных возможностей для ускоренного развития человеческой цивилизации и быстрого решения множества сложнейших проблем в государственном управлении, экономике, бизнесе и социальной сфере технологический инструментарий становится ключевым средством достижения преимуществ в вооруженных столкновениях, экономической и торговой экспансии, информационно-психологическом противостоянии соперничающих государств и их коалиций.

Именно на эту сторону феномена происходящей в наши дни научно-технической революции обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин,

1 Доклад группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. A/68/98. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/68/98&referer=/english/&Lang=R.

2 Доклад группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. A/70/174. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/228/37/PDF/N1522837.pdf?OpenElement>.

3 Национальная стратегия безопасности в киберпространстве. URL: http://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm.

4 National Cyber Strategy of the United States of America. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>.

5 Department of Defense Cyber Strategy – 2018. URL: <https://www.cybercom.mil/About/Mission-and-Vision/>.

6 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>.

7 Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.

8 Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976). URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2940>.

заявивший в 2019 году на Петербургском международном экономическом форуме о «первой технологической войне, наступающей в цифровой эпохе». Глава российского государства выделил квинтэссенцию этой войны:

Попытки монополизировать новую технологическую волну, ограничить доступ к ее плодам выводят на совершенно новый, иной уровень проблемы глобального неравенства как между странами и регионами, так и внутри самих государств. Ну а это есть главный источник нестабильности в мире⁹.

Усиление геополитической напряженности и неопределенные перспективы ее смягчения обусловили потребность в отвечающей современным реалиям защите жизненно важных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних врагов, в том числе от недружественных действий иностранных государств. В результате была принята новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 2 июля 2021 года № 400.

В Стратегии указано, что главной «целью научно-технического развития Российской Федерации является обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны». Для достижения этой цели требуется разработка и внедрение перспективных высоких технологий, таких как нанотехнологии, робототехника, геномная инженерия, информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект, технологии обработки колоссальных массивов данных, создание новых материалов.

В Стратегии высказывается уверенность, что воплощение в жизнь намеченных амбициозных планов приведет к «укреплению обороноспособности, модернизации экономики и развитию промышленного потенциала, укреплению суверенной государственности России, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления».

Представляется, однако, что было бы поверхностно не замечать негативные сопутствующие проявления и недостатки в происходящем многообещающем, стремительно развивающемся технологическом рывке. По своей сути такие проявления и недостатки имеют очевидные признаки угроз и рисков в случае безоглядного внедрения во все сферы государства и общества цифровых технологий, идеи и достоинства которых сегодня преподносятся в массмедиа преимущественно в восторженных тонах. Нетрудно предположить, что уже сейчас просматривающиеся, пока еще не всегда явные угрозы и риски рано или поздно скажутся в той или иной мере на результативности применяемых технологических инноваций.

В этой связи полагаю полезным заострить внимание на некоторых очевидных угрозах и рисках эпохи цифровизации, которые в конечном счете могут негативно отразиться на устойчивости и стабильности государства в случае непринятия мер по

⁹ Петербургский международный экономический форум. С.-Петербург, 7 июня 2019 года. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-06-07/366537-vladimir_putin_vystupil_na_ekonomicheskom_forume_v_sankt_peterburge.

их нейтрализации, что напрямую затрагивает интересы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Угрозы и риски цифровизации, которая в научном обороте иногда заменяется термином «диджитализация» (от английского слова digitalization, digital, в качестве прилагательного оно переводится как «цифровой», а ization означает действие или процесс), условно можно подразделить на два разновеликих блока. Первый блок формируется на основании показателя масштабности применения цифровых технологий, порождающих угрозы и риски общего плана. Второй блок составляют угрозы и риски, возникающие в процессе использования цифровых технологий в конкретных сферах жизни государства и социума. С точки зрения внешнего проявления угрозы и риски могут быть реальными и потенциальными и проявляться в обоих блоках.

Главная угроза общего плана в осуществлении цифровой трансформации всей страны видится в том, что в сегментах электронного оборудования («железа») и программного обеспечения («софт») практически все потребности внутреннего российского рынка восполняются за счет импорта. Этот факт подтверждается в Стратегии развития информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденной Правительством Российской Федерации 1 ноября 2013 года (№ 2036-р). По оценкам специалистов в сфере информационных технологий, на сегодняшний день ситуация существенно не изменилась. Вследствие этого иностранные производители такого класса продукции по-прежнему занимают доминирующие позиции на отечественном IT-рынке, и это дает им возможность диктовать свои условия. Сложившаяся ситуация особенно опасна ввиду обострения внешних угроз России, наращивания санкций против нашей страны, противозаконного съема информации из телекоммуникационных систем, реальной возможности блокировки приобретенного импортного оборудования и деформации программного обеспечения, участившихся кибератак на государственные структуры, корпорации и частный бизнес. В таких условиях правомерен вопрос о способности страны обеспечить отечественную суверенную цифровизацию.

Для парирования воздействия реальной угрозы IT-зависимости России от стран Запада представляется целесообразным усилить регулируемую роль государства по образцу мероприятий в электронной промышленности в США, КНР и Южной Корее, которые благодаря такому решению резко продвинулись вперед в этой отрасли. В частности, было бы желательно:

- увеличить прямую бюджетную поддержку российских IT-компаний, создать для них льготный налоговый режим, обеспечить доступными долгосрочными кредитами;
- ограничить и в перспективе запретить использование в Российской Федерации иностранных IT-технологий;
- законодательно обязать государственные структуры, корпорации и бизнес осуществлять закупки отечественных IT-технологий, которые, по данным экспертов, не уступают по качеству зарубежным.

Другая угроза общего плана связана с искусственным интеллектом, за которым сегодня закрепилось определение «главная технология XXI века», представляющая собой сквозные научно-технологические направления. Спектр применения искусственного интеллекта и производной от него роботизации неограниченно широк. Это в первую очередь производство, социальная сфера, образование, наука и культура. Искусственный интеллект открывает уникальные возможности для быстрого анализа огромного объема данных, улучшения качества жизни человека, совершенствования образования и медицинского обслуживания, повышения радикальным образом производительности труда практически во всех отраслях экономики. С помощью таких инноваций люди освобождаются от рутинных, тяжелых, трудоемких и опасных процессов в производстве, совершается меньше ошибок в трудовой деятельности, минимизируются издержки в ходе изготовления продукции. Например, алгоритмы искусственного интеллекта облегчают врачам быстрое обнаружение опасных болезней, позволяют с высокой точностью анализировать результаты медицинских исследований, дают возможность значительно увеличивать качество диагностики, что особенно важно в период продолжающейся пандемии.

Вместе с тем нельзя игнорировать вполне оправданные опасения, что уникальные технологии искусственного интеллекта и роботизация повлекут утрату многих рабочих мест и специальностей как в нашей стране, так и за рубежом. Предполагается, что во всем мире потеряют работу около 85 млн человек. Люди, лишенные работы и средств к существованию, могут пополнить ряды протестующих, незаконных вооруженных формирований, террористов и экстремистов, а также увеличить потоки неконтролируемой миграции, в том числе исходящей из иностранных государств, в Российскую Федерацию. Вряд ли будет приветствоваться обществом идея установления тотального контроля за каждым шагом человека с помощью «умных» технических средств. Высказывается даже фантастическое предостережение о возможном «восстании» машин, что, конечно, едва ли вероятно, поскольку человек всегда будет держать машины под контролем. Минусы в использовании искусственного интеллекта и роботизации видятся также в высокой стоимости поддержания в рабочем состоянии высокотехнологичных и сложных механизмов, созданных на базе таких инноваций, и в больших затратах на их ремонт.

Немаловажное значение имеет риск утечки персональных данных каждого человека вследствие участия искусственного интеллекта в обработке всего массива информации о населении страны, становящейся открытой и доступной. Важным шагом купирования такого риска является Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», принятый 8 июня 2020 года (№ 168-ФЗ). В законе установлены критерии допуска только компетентных государственных органов к такого рода информации. В настоящее время прорабатывается вопрос создания и других нормативно-правовых, технических и организационных барьеров, препятствующих утечке персональных данных российских граждан и противоправному их использованию.

И еще одна мысль, связанная с цифровыми технологиями, касается распространения информации о российских достижениях в сфере военных технологий, создании ультрасовременных ударных боевых систем, сверхзвуковых (со многими махами) летательных аппаратов и ракет, аналогов которым на Западе нет. Конечно, испытываешь гордость за такие успехи наших ученых, конструкторов, специалистов и страны в целом. Однако, наверное, нельзя упускать из виду и другую сторону вопроса – невольную подпитку недругов России аргументацией о якобы существующей угрозе западной цивилизации со стороны нашей страны. Путем соответствующей интерпретации этой темы, которая постоянно присутствует в новостных сводках стран Запада, недружественные государства психологически обрабатывают свое население и негативно настраивают его против Российской Федерации и ее граждан. Фокусирование внимания на псевдоугрозе со стороны России расширяет мотивацию правящих кругов государств Запада ежегодно наращивать свои и так уже огромные военные бюджеты, в разы превышающие российские расходы на оборону. Одновременно фейк об агрессивности нашей страны используется для оправдания перед внешним миром демонстрации собственных «оборонных» мероприятий и войсковых учений в сопредельных России странах и вдоль границ Российской Федерации.

Второй блок угроз и рисков проявляется, как отмечалось, в процессе использования цифровых технологий в конкретных сферах социально-экономической деятельности, прежде всего в государственном управлении, экономике, энергетике, образовании, здравоохранении, городском хозяйстве, культуре, науке и статистике.

В кратком выступлении невозможно глубоко и всесторонне осветить особенности и нюансы угроз и рисков от внедрения цифровых технологий во все области жизнедеятельности государства и общества. Поэтому для иллюстрации позволю себе остановиться лишь на некоторых из названных сфер. В частности, рассмотрим положение дел в экономике и связанной с ней науке.

В сфере экономики, к сожалению, наблюдается медленное внедрение цифровых технологий. Это особенно бросается в глаза, если вспомнить, что Президент Российской Федерации В.В. Путин еще в декабре 2016 года подписал Указ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹⁰, где были предусмотрены меры по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития цифровой экономики в стране. Однако спустя более пяти лет цифровая экономика в России, по оценкам экспертов, составляет лишь 4% от ВВП, в то время как в США этот показатель равен 10%. Одной из причин такого положения является отсутствие стимулирующих механизмов, способствующих развитию инновационной деятельности субъектов хозяйствования, и это, в свою очередь, сохраняет в российской экономике крен на экспорт сырья.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 01 декабря 2016 года № 642. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>.

В этой связи перевод экономики страны на качественно новый уровень за счет цифровых технологий снова провозглашается приоритетом в политике освоения несырьевой модели развития. Но ограничиваться декларациями об ускоренном развитии цифровых технологий и быстром их внедрении в повседневную жизнь явно недостаточно, так как разработка, изготовление, апробация и популяризация в обществе и в деловых кругах преимуществ цифровых технологий требует усилий больших коллективов ученых и специалистов, а также современной дорогостоящей материально-технической базы. Приходится, однако, констатировать, что на сегодняшний день отечественная наука находится в положении, которое вряд ли можно назвать благополучным, и прежде всего по причине недофинансирования. Согласно сайту Счетной палаты Российской Федерации, расходы на науку в стране составляют в настоящее время около 1,1% ВВП. В США на науку выделяется 2,8% ВВП, в КНР – 2,2%, в Южной Корее – 4,8%¹¹. За счет последних научно-технологических достижений американцы снижают цену на сланцевую нефть, и наша нефтедобыча на Севере, особенно на шельфе северных морей, может скоро оказаться неконкурентоспособной.

Буквально несколько слов об угрозах и рисках при использовании цифровых технологий в образовании. Так, при дистанционной форме обучения отсутствует непосредственное общение между обучающимися и преподавателями, не вырабатываются навыки социальной коммуникабельности, исчезает взаимообогащающий знаниями диалог между ними, снижается восприятие информации и затрудняется понимание материала. Такая система обучения технически не в состоянии контролировать самостоятельность выполнения заданий и тестов. Фиксируются также физические отклонения в здоровье участников дистанционного обучения: ухудшение зрения, головная боль, бессонница, раздражительность.

Выводы

В заключение хотелось бы отметить, что в данной дискуссии мной обозначены лишь некоторые, наиболее значимые реальные и потенциальные угрозы и риски государству и обществу в эпоху цифровизации. Кстати, часть из них только с натяжкой можно квалифицировать как угрозы. Скорее это недостатки или издержки развития цифровой цивилизации, которые человечество способно нейтрализовать или хотя бы снизить их отрицательное воздействие при условии выявления, глубокого изучения и всестороннего научного осмысления цифровой составляющей нашей жизни, а также продуманной разработки и реализации комплекса эффективных и достаточных мер превентивного противодействия.

11 Результаты экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых.» URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/89d/89d7d756dab6d050a260ecc55d3d5869.pdf>.

Международная информационная безопасность в новых геополитических реалиях (Кохтюлина И.Н.)

Человечество вошло в зону тотальной ломки миропорядка. По мнению ряда экспертов, все большую подрывную роль в данном процессе и процессе десоверенизации национальных государств играют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и инфогенный нарратив в целом.

Одновременно планета охвачена беспрецедентной цифровой трансформацией. Мощный импульс к обострению геополитического противоборства придала и пандемия коронавируса. Человечество с каждым днем все больше осознает ее гигантские масштабы, ведущие эксперты сравнивают это с Великой депрессией и называют величайшим глобальным вызовом со времен Второй мировой войны.

Пандемия COVID-19 стала триггером как многих преимуществ, так и угроз цифрового мира. С учетом особой остроты данной проблемы Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш предложил 11 июня 2020 года Дорожную карту по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству¹². Ее драйвером стали интернет-технологии, которые вызвали и продолжают вызывать тектонические сдвиги в развитии цивилизации. По сути, человечество вступило в новый фазовый переход, сравнимый по значению, например, с созданием письменности. При этом на смену микроэлектронике пришел новый технологический уклад: нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии, а на основе принципов Industry IV стремительно развивается цифровая экономика, киберфизические системы, искусственный интеллект, квантовые вычисления, блокчейн, связь поколения 5G и иные, кардинально меняющие мир, технологии.

В этих условиях ведущие страны разрабатывают и реализуют разнообразные доктрины и стратегии по внедрению данных технологий с целью геополитического доминирования.

В силу этого неопределимое значение и стратегическую важность в создании безопасного глобального информационного пространства имеют утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 года № 213 «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности»¹³ (далее – Основы). Данный документ направлен на продвижение российских подходов к формированию системы обеспечения международной информационной безопасности и российских инициатив в этой сфере, на содействие созданию международно-правовых механизмов предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов в глобальном информационном пространстве и на организацию межведомственного взаимодействия.

12 Official Documents System of the United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/102/53/PDF/N2010253.pdf?OpenElement>.

13 «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности», утверждены Указом Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/46614>.

Среди угроз международной информационной безопасности в Основах выделены следующие:

- а) использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политической и иных сферах в целях подрыва (ущемления) суверенитета, нарушения территориальной целостности государств, осуществления в глобальном информационном пространстве иных действий, препятствующих поддержанию международного мира, безопасности и стабильности;
- б) использование информационно-коммуникационных технологий в террористических целях, в том числе для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;
- в) использование информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях, а также для вмешательства во внутренние дела суверенных государств;
- г) использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, в том числе для совершения преступлений в сфере компьютерной информации, а также для совершения различных видов мошенничества;
- д) использование информационно-коммуникационных технологий для проведения компьютерных атак на информационные ресурсы государств, в том числе на критическую информационную инфраструктуру;
- е) использование отдельными государствами технологического доминирования в глобальном информационном пространстве для монополизации рынка информационно-коммуникационных технологий, ограничения доступа других государств к передовым информационно-коммуникационным технологиям, а также для усиления их технологической зависимости от доминирующих в сфере информатизации государств и информационного неравенства.

В настоящее время США и их сателлитами против России развернута тотальная гибридная война. Это подтверждается, в частности, опубликованным 25 ноября 2020 года докладом «НАТО-2030»¹⁴, смысл которого – усиление гибридного воздействия на Россию и ее союзников: политико-дипломатического, экономического, военного и информационного характера. При этом ключевую роль в информационно-психологическом манипулировании массовым сознанием россиян играют центры НАТО в Риге, Таллине, Хельсинки.

Развитие когнитивной и ментальной войны в ИКТ-среде повышает риск возникновения конфликтов, способных нарушить международный мир.

Ментальная война – война, направленная на изменение мировоззрения не только населения противника, но и в собственных странах, в странах союзников и партнеров, носящая «поколенческий» масштаб, главная угроза которой заключается в том, что ее последствия сказываются не сразу, а через поколения¹⁵.

¹⁴ NATO-2030: Unaited for a New Era. 25 november 2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf

¹⁵ Ильницкий Андрей. Ментальная война за будущее России. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20214211636-jxgHZ.html>

В отличие от кибервойн и прямых информационных операций, ментальная война направлена и реализуется с учетом фактически формирующегося мира «постправды», когда людей «отучают» от критического мышления, от стремления к истине.

Сегодня уже активно ведется манипулирование общественным сознанием и на уровне смысла, и на уровне эмоций, и на уровне подсознания.

В этом контексте представляется актуальным проанализировать документы, касающиеся информационной работы Великобритании на территории бывшего СССР. Данный архив¹⁶, предположительно взломанный хакерской группировкой Anonymous, содержит бумаги с отсылками на внутренние документы внешнеполитического ведомства Великобритании, касающиеся его деятельности в Европе и Азии, при этом часть из них имеет прямое отношение к Украине и России.

Так, в документах отмечается, что британский МИД выпустил секретный формуляр, в котором говорится о запуске программы по противодействию информационного влияния России в странах Балтии, Белоруссии, Украины, Грузии и др.

Цель данной программы – ослабить влияние РФ на ее ближайших соседей, а ее макроцель – снизить уровень доверия населения к руководству России.

Задача взаимодействия, коммуникации между этническими русскими и местными сообществами, а также обучение, вовлечение в различные проекты новых участников была возложена на Британский совет, деятельность которого прекращена в России в 2018 году.

МИД Британии сосредоточился на поддержке независимых СМИ на постсоветском пространстве, особенно русскоязычных изданий. Как следует из документов, с 2018 года в Лондоне были готовы дискредитировать любую информацию, распространяемую российскими государственными СМИ, если она не соответствовала британским интересам.

Антироссийские публикации в СМИ сегодня – лишь часть той масштабной информационной операции, реализуемой Великобританией на всем постсоветском пространстве.

На реализацию плана информационной экспансии и связанные с ним гранты с марта 2019 года по март 2021 года Великобританией потрачено порядка £9 млн.

Примечательно, что с начала военной операции России на Украине тема информационного противостояния получила новое развитие: ключевым элементом информации становится именно ее «антироссийскость», вопрос подлинности или ложности оказывается вторичным.

Всего, по данным Лиги безопасного Интернета, с 24 февраля 2022 года в сети Интернет появилось порядка 6,5 млн фейковых сообщений о проведении специальной военной операции на Украине, а также о России. Сумма расходов информационной атаки на РФ достигла \$1,5 млрд¹⁷. Ежедневно на кампанию тратится

¹⁶ Ослабить влияние России»: как Британия готовила Украину к информационной войне. URL: <https://russian.rt.com/world/article/988503-britaniya-ukraina-finansirovanie-utechka-anonimus>

¹⁷ Лига безопасного интернета выявила порядка 6,5 млн фейков о спецоперации на Украине. URL: https://tass.ru/obschestvo/14463169?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

примерно \$25 млн, что составляет около 2 млрд рублей в сутки. Сообщения распространяются с территории Украины, Польши, Латвии, США, Великобритании и других стран.

При этом, как отметил в своем выступлении на пленарной сессии «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни» Международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения 2022» 14 апреля 2022 года министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, Запад, присвоив себе титул «светоча демократии», грубейшим образом нарушает взятые на себя международные обязательства по обеспечению свободы выражения мнений, равного доступа к информации, перекрывая доступ к ней из соответствующих источников. Тем самым Запад демонстрирует тоталитарную нетерпимость к альтернативным точкам зрения¹⁸.

Под «каток» западных репрессий попадают как отдельные пользователи социальных сетей, так и крупные СМИ со всей создававшейся годами инфраструктурой распространения новостей и оценок. Под действие нелегитимных санкций подводят руководителей отечественных медиаоператоров и рядовых сотрудников. Глобальные западные, в первую очередь американские, интернет-платформы веерно блокируют по всему миру российский информационный ресурс. Делают это демонстративно, не стесняясь.

Так, видеохостинг YouTube, принадлежащий американской ИТ-компании Google, ограничил доступ к брифингу официального представителя МИД России М.В. Захаровой 17 марта с.г.¹⁹ М. Захарова назвала случившееся очередным актом цензуры в отношении российских ресурсов, а также предположила, что блокировка может быть связана с данными о биологических лабораториях на Украине, о которых шла речь на брифинге и которые скрывают на Западе. Необоснованные рестрикции накладываются также на публикации МИД России и загранучреждений в сети «Твиттер» только за то, что в этих источниках публикуются правдивые сведения, подкрепленные фактами.

Блокировке без возможности восстановления подвергся и канал Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Дума ТВ», на который были подписаны более 145 тыс. человек, а число просмотров видеоконтента превышало 100 млн²⁰.

Под ограничениями видеохостинга YouTube находятся порядка 36 аккаунтов, в числе которых RT, «Россия 24», Sputnik, «Звезда», РБК, НТВ и др.

Роскомнадзор назвал Youtube одной из ключевых площадок для распространения «лживого контента» о специальной военной операции России на Украине. А ограничительные меры, введенные администрацией видеохостинга YouTube в от-

18 Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарной сессии «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни» международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения 2022», Москва, 14 апреля 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1809294/

19 В Google назвали причину блокировки записи брифинга Захаровой на YouTube. URL: <https://www.m24.ru/news/politika/07042022/448857>

20 Google заблокировал YouTube-канал «Дума ТВ». URL: <https://dumatv.ru/news/google-zablokiroval-youtube-kanal--duma-tv>

ношении российских СМИ, в корне нарушают ключевые принципы свободного распространения информации и беспрепятственного доступа к ней²¹.

Одновременно практически ежедневно серьезным кибератакам с применением новейших информационных технологий подвергаются российские государственные учреждения, СМИ, объекты критической информационной инфраструктуры, системы жизнеобеспечения. Все это – часть скоординированной информационной агрессии против России, которая требует особого внимания к задачам защиты информационных ресурсов органов государственной власти.

В этой связи Россия предпринимает конкретные законодательные и практические шаги по дальнейшему укреплению технологического цифрового суверенитета страны. 25 апреля 2022 года глава Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по обороне и безопасности Виктор Бондарев провел круглый стол на тему: «Ментальные войны: проблемы и способы противодействия»²². Участники круглого стола констатировали, что атаки Запада на нашу страну носят характер постоянно усиливающегося гибридного воздействия, антироссийские информационно-пропагандистские кампании осуществляют дискредитацию руководства государства и проводимой им внутренней и внешней политики, формируют предпосылки для дестабилизации общественно-политической обстановки, в экстремистскую и протестную деятельность вовлекают молодежь, в том числе несовершеннолетних детей.

Складывающаяся обстановка требует активности всех институтов гражданского общества и органов власти, подчеркнули участники круглого стола. Отмечено, что базовым принципом стратегии обеспечения безопасности в ментальной сфере следует считать действия на опережение, в рамках единой системы прогнозирования и предупреждения гибридных угроз и вызовов в информационной сфере.

Россия неизменно выступает за скорейшую разработку универсальных норм и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве, за разработку под эгидой ООН Конвенции по противодействию преступлениям в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, а также за интернационализацию управления сетью Интернет.

Информационный суверенитет государства: критерии и показатели (Соболев Е.И.)

Идея государственного суверенитета существует уже довольно давно. Без суверенитета сложно представить себе современное государство, успешно и активно действующее на мировой арене. Его основную суть можно свести к независимости и верховенству власти в принятии и исполнении решений как внутри страны, так и за ее пределами. Понятие информационного суверенитета долго отсутствовало

21 Роскомнадзор требует незамедлительно снять ограничения с youtube-каналов российских государственных СМИ. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74284.htm>

22 В Комитете Совета Федерации по обороне и безопасности обсудили способы противодействия ментальной войне. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/135291/

в мировой юридической практике. Первые шаги к выработке определения информационного суверенитета были предприняты лишь в последние десятилетия XX века. Это было связано в первую очередь с активным развитием и внедрением в жизни людей технологических инноваций, среди которых на замену традиционных и простых в использовании источников информации пришли более сложные – средства сотовой и спутниковой связи. Венцом развития этих технологий стала всемирная «паутина» – Интернет. Интернет предоставил человечеству новую площадку для взаимодействия – виртуальное пространство, в котором люди могли бы свободно общаться друг с другом независимо от расстояния, обмениваться и получать нужную им информацию. Юридические механизмы по регулированию деятельности участников этого пространства, равно как и находящиеся в нем объемы данных, выработать было довольно сложно. Тем не менее в этой области велась активная работа не только по созданию законодательных инициатив, но и по осмыслению государственного присутствия в виртуальном пространстве. А. Ефремов выделяет четыре основных этапа в формировании концепции информационного суверенитета (2).

Первый этап пришелся на 1980-е годы. В это время Интернет еще находился на стадии разработки и тестирования, поэтому исследования этих лет его не затронули. В связи с тем, что обмен информацией благодаря использованию спутников, телевидения и радио приобрел трансграничный характер, исследователями было решено рассмотреть соотношение национального суверенитета и права на свободу информации (8). После сравнения Всеобщей декларации прав человека (1948), Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) с государственными ограничениями потоков информации ими был сделан вывод о том, что в толковании аспектов государственного суверенитета у развитых и развивающихся стран есть различия (2, с. 205). Так, для первой категории стран неограниченный обмен информацией является компонентом, укрепляющим их суверенитет, в то время как для второй свобода в распространении данных представляет опасность для суверенитета (8, р. 267). Стоит отметить, что это различие прослеживается и в наши дни.

Второй этап связан с рассмотрением непосредственно самого Интернета в контексте угрозы суверенитету государства. Его бурное развитие в 1990-е годы позволило более детально проанализировать взаимосвязь этой международной сети и государства и опубликовать ряд работ по данной теме. Например, один из китайских исследователей В. Гонг выдвинул идею о двух компонентах информационного суверенитета: внешнем и внутреннем. Внешний включает в себя юридическое равенство государств и их независимость в создании и распространении информации. Внутренний отображает правовое верховенство в обеспечении информационного порядка и осуществлении информационной политики (9). Говорится о продолжении тенденции развивающихся государств охранять собственный суверенитет, а развитых – призывать к свободному обмену данными. Стоит также обратить внимание на взгляды американских исследователей касательно информационного суверенитета. В их работах не делается акцент на степени развитости государства, так как за основу берется уверенность в том, что подавляющая часть стран предпринимает активные

действия по защите и укреплению своего суверенитета. Более того, в их работах отмечается, что большинство граждан поддерживают данные инициативы (2).

В третий этап, который продолжается и в наше время, исследователи выделяют концепцию суверенитета данных. Согласно этой концепции, в ряде стран (Россия, Франция, Германия, Австралия) были приняты законодательные акты, которые обязывали хранить персональные данные граждан на серверах той страны, к которой они принадлежат (10). Отсюда можно сделать вывод о том, что взаимодействие с объемами данных в этих государствах стало подчинено юрисдикции государства, в котором находились эти данные. Современные исследователи считают желание государств по развитию суверенитета данных вполне объяснимым и разумным, поскольку оно направлено главным образом на сохранение конфиденциальности информации, защиту и охрану интересов государства в области обеспечения целостности и доступности данных. Стоит отметить, что развитие этой концепции получило свое распространение не только среди западных государств, но и в научных трудах Китая, Южной Кореи, Индонезии. Не осталась без внимания и работа в области создания технологии больших данных (big data), которая с начала 2010-х годов стала связываться с концепцией суверенитета данных.

Четвертый этап развития концепции информационного суверенитета находится на стадии исследования и пока не изучен научным миром достаточно глубоко. В первую очередь он связан не столько с регулированием потоков информации, сколько с контролем над информационно-коммуникационной инфраструктурой (ИКТ-инфраструктурой). Он нашел свое отражение в ряде международных исследований. Например, согласно докладу группы правительственных экспертов 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая была проведена в 2013 году, на любую деятельность государства в области ИКТ и ИКТ-инфраструктуры, включая их использование, распространяются государственный суверенитет и исходящие из него принципы и международные нормы²³. В дополнение к этому докладу двумя годами позже, на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, был выработан и предложен подход, который позволил бы на деле применять нормы международного права в вопросах использования информационно-коммуникационных технологий государством. В этом подходе было обозначено, что государство обладает юрисдикцией над той ИКТ-инфраструктурой, которая находится на его территории. Помимо этого, были подчеркнуты принципы невмешательства в дела других государств, суверенного равенства, государственного суверенитета и разрешения спорных вопросов при помощи мирных средств²⁴.

В работах исследователей используются различные термины информационного суверенитета: цифровой суверенитет, киберсуверенитет, суверенитет в информа-

23 Доклад группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. A/68/98. URL: // http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/68/98&referer=/english/&Lang=R.

24 Доклад группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. A/70/174. URL: // <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/228/37/PDF/N1522837.pdf?OpenElement>.

ционной сфере, Интернет суверенитета. Аналогично этому приводятся и разные его критерии. Например, Е. Зорина выделяет два аспекта информационного суверенитета – идеологический и технический. Идеологический аспект включает в себя разработанную национальную идею либо же национальную идеологию, достижение массовой культуры высокого уровня, наличие активной пропаганды и проработанного в информационной сфере законодательства. Технический аспект включает в себя существование национального программного обеспечения, собственных социальных сетей, поисковиков, национальную электронную платежную систему (4). В. Бухарин в своей работе дополняет технический аспект наличием микроэлектроники, сетевого оборудования, национальным сегментом в сети Интернет, криптографическими алгоритмами и протоколами, функционирующей навигационной системой и собственными средствами защиты (1).

В работе Е. Зориной можно выделить следующие критерии информационного суверенитета (3). Первый – высокая оснащенность государства компьютерными и коммуникационными системами. Именно они отвечают за создание и распространение информации. Без должного уровня обеспечения данными системами потенциал суверенитета в сетевом пространстве сильно ограничен. Следующий критерий – наличие средств для защиты указанных выше систем: антивирусов, фајрволлов и пр. Их отсутствие угрожает утечкой или кражей персональных данных пользователей и информации, составляющей государственную тайну. Отметим, что инструменты защиты данных должны быть созданы государством, иначе возникает риск зависимости от внешних поставщиков. Существование национальной интернет-инфраструктуры является важным показателем наличия у государства устойчивого информационного суверенитета, поскольку собственные поисковые системы и социальные сети открывают широкое поле для государственного контроля за процессами в киберпространстве. Одним из критериев также считается национальная платежная система, которая позволяет избежать рисков внешнего политического давления. В России такая платежная система уже существует и продолжает развиваться. Также государство должно обладать развитым механизмом пропаганды и развитой сетью СМИ, причем не только внутри страны, но и обладающей каналами внешней коммуникации для вещания в иностранных государствах. Основная цель этих каналов заключается в предоставлении собственной и зарубежной аудитории информации, отвечающей национальным интересам. Роль СМИ в вопросах формирования повестки дня – как через привычные формы вещания, так и посредством использования Интернета – сложно переоценить. Недаром СМИ многие называют четвертой властью. Стоит отметить, что, несмотря на нейтральную подачу основных новостей, они часто могут дать им собственную оценку, а про некоторые значительные происшествия, обладающие потенциально негативным эффектом на официальную линию, – умолчать. Поэтому именно СМИ находятся в авангарде пропагандистской политики (как наиболее зарекомендовавший себя политический инструмент).

Следующим критерием является создание и распространение продукции, имеющей отличительные культурные признаки государства. Например, ими могут об-

ладать продукты кинематографа или музыкальной индустрии. Популяризация этих продуктов может способствовать формированию положительного образа среди граждан иностранных государств. Сюда же можно отнести создание имиджа государства и его продвижение посредством привлечения массовой культуры и Интернета. Удачно сформированный имидж аналогично выпуску брендовой продукции позволяет развивать положительное впечатление у иностранных государств. Хорошими примерами служат зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году или чемпионат мира по футболу в 2018 году. Повышение привлекательности страны не только отвечает интересам информационной безопасности, но и позволяет привлекать дополнительный объем инвестиций, завести новых партнеров. В дипломатии формирование положительного образа государства вышеуказанными методами называется «мягкой силой». Еще одним критерием информационного суверенитета можно назвать активное использование интернет-пространства для распространения в нем отвечающих интересам государства идей. Они могут быть заложены в видеороликах и других публикациях. Их направленность заключается в дискредитации негативной информации и воздействию на массовое сознание людей. В качестве примера Е. Зорина приводит «Википедию», один из самых популярных источников информации в Интернете (3). Говоря о критериях, нельзя забывать о вопросах институционализации. Информационное поле требует от государства создания институтов, наделенных закрепленными за ними обязанностями, например министерств и ведомств. Для институционализации необходима правовая база – это следующий критерий. Юридические механизмы воздействия обеспечивают не только охранительные функции, но и позволяют государству предпринимать адекватные действия по обеспечению целостности своего информационного суверенитета.

Анализ опыта обеспечения информационного суверенитета в Китае, США и России показывает наличие ряда отличительных черт. КНР обладает рядом специфических признаков в отношении информационно-коммуникационных технологий. На сегодняшний день Китай является одним из лидеров в области использования киберпространства. Характерной особенностью китайского развития сетевого сегмента является активное заимствование иностранных технологий. Лишь в последнее десятилетие КНР перешла к разработке собственной продукции. Тем не менее тенденция по активному привлечению зарубежных инноваций сохраняется и по сей день. Интернет для китайского правительства – это не только часть суверенного пространства, но и средство для осуществления почти тотального контроля над собственными гражданами, активного культивирования онлайн-этики в духе конфуцианства и китайской модели социализма. Национальная стратегия безопасности в киберпространстве, утвержденная в 2017 году²⁵, выделяет как значительные возможности, так и угрозы, которые предоставляет эволюция информационных технологий. Согласно ей, безопасность является приоритетом в любых формах развития киберпространства: «безопасность является необходимым условием развития, и любое развитие,

²⁵ Национальная стратегия безопасности в киберпространстве. URL: http://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm.

которое происходит в ущерб безопасности, является неустойчивым. Развитие – это основа безопасности, а неспособность развиваться – это величайшая опасность». Вопросы обеспечения безопасности Китай занимается основательно с начала 2000-х годов. Потрясающие мир террористические акты 11 сентября 2001 года заставили многие страны, включая КНР, пересмотреть и ужесточить свою политику в информационной среде. Интернет в Китае находится под бдительным надзором соответствующих структур. Существует даже интернет-полиция, отслеживающая поступающий поток данных на сайты, форумы и социальные сети (5). Одним из самых известных китайских изобретений по охране информационного суверенитета является так называемый «Золотой Щит», известный больше на Западе как «Великий китайский файрволл». Данный проект, действующий с 2004 года, отвечает за фильтрацию контента в Интернете и блокировку опасных сайтов. Он состоит из трех технологических компонентов. Первый – технология накопления статистической информации, проверки и фильтрации сетевых пакетов по их содержанию. Второй – это его модернизация в виде слияния механизма фильтрации и прокси-сервера. Третий компонент – усовершенствованный механизм фильтрации данных, отличающийся более широким спектром анализа информации. Проект «Золотой Щит» успешно ведет борьбу с террористами, оперативно обнаруживая их ячейки в сети. О его эффективности говорит число террористических актов в Китае и соседних азиатских государствах (7).

Китайский Интернет блокирует иностранные сайты и социальные сети, такие как Wikipedia, Facebook, Twitter. Западные СМИ тоже недоступны для китайских пользователей. Более того, с 2017 года анонимность в Интернете была запрещена. Пользование его услугами становилось доступным только после регистрации с указанием своего реального имени и контактной информации. Анонимное комментирование, обсуждение или создание интернет-постов теперь стало невозможным. Более того, технологии для защиты информационного суверенитета активно используются для контроля за общественным поведением. В 2020 году на всей территории Китая была введена ранее экспериментальная система социальных кредитов, поощряющая или наказывающая граждан в зависимости от характера их активности как в жизни, так и в Интернете. Для ее исполнения по всей стране планируется установить несколько сотен миллионов камер нового поколения. В зависимости от высокого или низкого количества социальных кредитов человек будет получать льготы при использовании транспорта, покупок, путешествий по стране либо же ограничения в пользовании Интернетом, качественной медицины, приобретении дорогой недвижимости соответственно. Те, кто растеряет значительное число своих кредитов, рискует вовсе оказаться в изоляции, поскольку за общение с такими маргинализированными новой социальной системой лицами поощрения со стороны правительства явно не последует. Сами китайцы относятся к введению новой системы спокойно, так как они достаточно дисциплинированы в вопросах контроля за своей личной жизнью. Стоит отметить, что Китай использует не только средства защиты своего информационного суверенитета, но и пытается действовать на опережение за счет активных наступательных действий по предупреждению потенциальных угроз. В стране существуют

собственная армия интернет-троллей, состоящих из финансируемых правительством блогеров (всего их численность составляет от 300 тыс. до 2 млн человек), и отдельно от них – кибервойска. Первые отвечают за поддержание провластной линии в спорных вопросах в Интернете в непростые для страны времена, в периоды различных кризисов и потрясений. Интернет-тролли оставляют множество комментариев в поддержку руководящей партии, умело меняют тему обсуждения и никогда не атакуют оппонента напрямую. Более серьезно действуют в интернет-пространстве китайские кибервойска. Их деятельность часто освещается иностранными СМИ. Основной род деятельности этого вида вооруженных сил – кибершпионаж и хакерские атаки. Таким образом, Китай, несмотря на технологическое отставание от ведущих стран мира, обеспечил свой информационный суверенитет очень серьезной защитой, основанной на послушном обществе, находящемся под надзором государства, тотальной фильтрации информации в Интернете и упреждающих действиях силовых структур. Однако авторитарные методы этой страны подойдут далеко не для всех.

Соединенные Штаты, будучи одним из лидеров в технологиях и глобальном контроле за информационными потоками, на протяжении длительного времени занимались разработкой концепций по обеспечению собственного информационного суверенитета. Сегодня основным документом, отвечающим за практическое применение мер в его отношении, является Стратегия национальной кибербезопасности²⁶, принятая президентом Дональдом Трампом в 2018 году, и Стратегия Министерства обороны США в киберпространстве²⁷ того же года. Во главу угла эти документы ставят защиту американских демократических ценностей, поэтому отличительной особенностью информационного суверенитета США (согласно официальной правительственной линии) является открытость и доступность в получении и обмене информацией. Правительство США гарантирует свободный доступ к сети Интернет, другим каналам социальной коммуникации. Именно неограниченное движение данных, по мнению авторов стратегии, обеспечивает безопасность американского общества, его стабильное развитие, финансовое благополучие и технологическое превосходство. Основная роль по обеспечению информационного суверенитета возложена на федеральное правительство. В стратегии описаны перспективы дальнейшей централизации управления и контроля безопасности гражданского сектора в киберпространстве путем увеличения прозрачности в межведомственных делах, ликвидации дублирующих действий, усложняющих процедуру исполнения поставленных перед правительством задач в информационной среде. Стратегия наделяет равным уровнем ответственности правительство и частный сектор в вопросах обеспечения безопасности критически уязвимой инфраструктуры. Поставщики ИКТ играют важную роль в народном хозяйстве США, поэтому для поддержания их высокой производительности федеральное правительство обязывается активно сотрудничать с ними, совмест-

²⁶ National Cyber Strategy of the United States of America. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>.

²⁷ Department of Defense Cyber Strategy – 2018. URL: <https://www.cybercom.mil/About/Mission-and-Vision/>.

но противостоя хакерским атакам. Соединенные Штаты активно ведут работу по совершенствованию своего законодательства с целью наделения правоохранительных органов дополнительными возможностями для отслеживания неправомерных действий в Интернете. К ним относятся как преступная активность с использованием компьютерных систем внутри страны, так и хакерские атаки извне в виде взлома, кражи данных, организации утечек, атак на информационную инфраструктуру. Соединенные Штаты открыты к сотрудничеству для иностранных государств в вопросах обеспечения безопасности в киберпространстве. Путем кооперации, совместных проектов со своими партнерами, включая как целые страны, так и представителей отдельных отраслевых групп (промышленников, ученых), гражданского общества, Америка не только может укрепить свой цифровой суверенитет, но и распространить свое влияние, которое бы обеспечило США лидирующее место в области развития информационно-коммуникационных технологий. Правительство активно содействует развитию творческого потенциала в информационной сфере, занимаясь финансовой поддержкой таких проектов, как искусственный интеллект и квантовая информатика. Для повышения эффективности цифрового суверенитета планируется обновить существующую ИКТ-инфраструктуру, снабдив ее технологиями следующего поколения. Действия США по обеспечению информационного суверенитета должны совпадать с содержанием всех международных норм. Правительство будет поощрять соблюдение данных норм и на собственном примере доказывать необходимость их соблюдения. В случае нарушения этих норм, а также угрозы цифровому суверенитету Соединенные Штаты вправе использовать все имеющиеся у них инструменты для воздействия на тех, чья деятельность в киберпространстве является опасной: дипломатические, информационные, военные (кинетические и цифровые), финансовые, разведывательные, возможности правоохранительных органов. Таким образом, защита собственного информационного суверенитета в США тесно переплетена с принципами сдерживания потенциальных противников в информационном поле на глобальном уровне. Большую роль в достижении этих задач играет американская разведка, которая в онлайн-режиме выявляет источники информационных кампаний, дезинформации, хакерских атак и передает эти сведения федеральному правительству. Самым громким примером по действиям США в информационном пространстве в последнее время стала кампания по обвинению России во вмешательстве в американские выборы в 2016 году как прямое посягательство на суверенитет страны в киберпространстве. Таким образом, Соединенные Штаты создали одну из самых сложных систем по обеспечению своего информационного суверенитета. Серьезная технологическая база, мощный разведывательный аппарат и геополитическое положение лидера западного мира позволяет американскому правительству достаточно эффективно реализовывать поставленные в доктринальных документах задачи по защите государственных интересов в киберпространстве, навязывать свои правила игры более слабым участникам и расширять свое влияние. Акцент осуществляемых США действий в Интернете делается на тесном сотрудничестве со своими партнерами, открытости и соблюдении прав человека. Однако после событий 11 сен-

тября американское правительство значительно расширило полномочия силовых структур в вопросах контроля за информацией, что стало равнозначно контролю за действиями своих граждан. На этой почве периодически случаются скандалы, самые громкие из которых связаны с признаниями сбежавшего сотрудника американских спецслужб Эдварда Сноудена и австралийского журналиста Джулиана Ассанжа. Данные, которые были предоставлены ими широкой общественности, сильно ударили по имиджу США и пошатнули позиции этой страны как лидера свободного мира.

Российская Федерация активно ведет разработку концепции государственного суверенитета в цифровом пространстве. Тем не менее на сегодняшний день такой детализированной стратегии, какая имеется у США или Китая, у России нет. Однако говорить о том, что информационному суверенитету не уделяется должного внимания, нельзя. Наоборот, совершенствование безопасности в этой области является одним из приоритетов нашей страны. В 2016 году была принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации²⁸, в которой подробно излагаются меры по защите своего информационного суверенитета, а также по отстаиванию национальных интересов России в информационной сфере. К национальным интересам отнесены действия по охране конституционных прав и свобод граждан в области получения и использования информации; по обеспечению бесперебойной работы информационно-коммуникационной инфраструктуры, где приоритет отдается объектам критической инфраструктуры; по развитию наукоемких отраслей информационных технологий и электронной промышленности, совершенствованию текущей деятельности; по донесению до внутренней и внешней аудитории актуальной и достоверной информации о проводимой Россией политике и официальной позиции страны касательно значимых вопросов; по применению ИКТ-технологий для обеспечения национальной безопасности в области культуры; по сотрудничеству в области создания системы международной цифровой безопасности, укреплению равноправного стратегического партнерства в информационной сфере. Указанные меры нацелены на создание устойчивой и защищенной от любых форм воздействия информационной инфраструктуры, стабильное развитие страны, защиту прав и свобод граждан. Защита информационного суверенитета достигается через обеспечение информационной безопасности в следующих областях:

- в области обороны посредством предотвращения конфликтов с использованием цифровых технологий, обнаружения информационных угроз;
- в области государственной и общественной безопасности посредством борьбы с пропагандой экстремизма, призывов к подрыву суверенитета и изменению конституционного строя с использованием информационных технологий; противодействия деятельности иностранных спецслужб на территории страны; повышения защищенности критической информационной инфраструктуры, ее функционирования; совершенствования механизмов защиты информации и увеличения эффективности реализации информационной политики;

²⁸ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>.

- в области экономики путем ликвидации технологической зависимости отечественной промышленности от иностранных государств; повышения конкурентоспособности российской информационной сферы услуг; развития собственной электронной базы;
- в области науки, технологий и образования посредством развития научных исследований в создании перспективных информационных технологий; формирования опытных кадров в области цифровых технологий;
- в области стратегической стабильности и партнерства посредством проведения независимой политики, отвечающей реализации национальных интересов; содействие в формировании международно-правовых механизмов в области информационных технологий и системы международной информационной безопасности; освещение позиции России по вопросам цифровой безопасности; развития национального сегмента Интернета.

В доктрине указаны уязвимые стороны информационного суверенитета России. К ним относятся: слабая конкурентоспособность отечественных цифровых технологий, зависимость государства от иностранных инноваций, особенно электронно-вычислительной базы, низкий уровень образованности граждан в вопросах личной информационной безопасности, слабые темпы оснащения производства российскими информационно-технологическими компонентами, серьезная борьба лидирующих в информационной сфере государств за сохранение их доминирующего положения в мире. В своей статье, где дается оценка государственной политики в области информационной безопасности, Д. Литвинов дополняет список слабых сторон введенными Западом санкциями, отсутствием упорядоченной структуры в нормативно-правовой базе, нехваткой бюджетных средств для реализации заявленных действий (6). Доктрина цифровой безопасности является составляющей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 году. В ней кратко изложены вышеперечисленные меры по достижению безопасной информационной среды. Таким образом, можно сделать вывод, что Россия считает защиту информационного суверенитета одним из компонентов обеспечения национальной безопасности. Несмотря на имеющийся на сегодняшний день ряд проблем в практической реализации закрепленных в доктринальных документах мер по государственной охране своего суверенитета во всех областях, можно считать, что развитием информационного суверенитета в нашей стране активно занимаются.

Обеспечение информационного суверенитета государств (Седунов Д.И.)

Потребность в обеспечении информационного суверенитета особо явно выразилась в событиях, связанных со спецоперацией России на Украине. Для сравнения западного и российского подходов к обеспечению информационного суверенитета мы предлагаем три основных критерия по применяемым технологиям: скорость воз-

действия (как быстро использованная технология), стоимость воздействия (ресурсы, необходимые для применения технологии), долгосрочность влияния (продолжительность результата применяемой технологии).

В «западном» подходе обеспечения информационного суверенитета на примере текущего конфликта «коллективный Запад против России» возможно выделить три ключевые технологии обеспечения информационного суверенитета:

1) Жесткая цензура информации, блокирование любой информации, отличной от государственной информационной политики. Технологически это проявляется в запрете официальных СМИ, принадлежащих противоборствующей стороне (были закрыты RT, «Спутник», прочие каналы РФ); в жесткой цензуре социальных сетей (удаление и блокировка любой информации со стороны РФ из информационного поля в FB, YouTube, Twitter, Instagram); запрет на распространение в СМИ официальной информации со стороны РФ (блокировка интервью, трансляций, предоставление только выгодных для западных политиков трактовок в отрыве от контекста).

2) Создание заведомо ложного контента, направленного на дискредитацию России и ее союзников. Используются технологии фейков, публикаций сфабрикованной ложной аналитики и иной информации; активные провокации для формирования ложных сюжетов и инфоповодов в СМИ; ссылка на недостоверные и непроверенные источники, но содержащие информацию, необходимую для западных политиков, чтобы оправдать свои действия перед своими гражданами.

3) Эмоциональная подача информации: акцент на аффективной стороне вопроса, а не на рациональной, игнорирование логики и фактов.

Российский подход к обеспечению информационного суверенитета отличается от западного:

1. Детальное разоблачение и разбор фейков – как со стороны официальных органов государственной власти, так и со стороны патриотической блогосферы. В частности, речь идет о запуске каналов МИД РФ, Минобороны и других в «Телеграмм»; о максимальной подаче достоверной информации в виде сюжетов с мест событий и интервью с очевидцами, публикаций официальных документов зарубежных стран, подтверждающих враждебные намерения в отношении России и населения ДНР и ЛНР.

2. Россия блокирует враждебные действия, ограничивает работу антироссийских агрессивных СМИ и новых медиа. Мы видим блокировку социальных сетей, открыто проводящих агрессивную информационную политику в FB и Instagram; симметричные ответы на запрет российских СМИ за рубежом; расширение числа НКО и СМИ в группе иноагентов; принятие нормативно правовых актов, направленных на обеспечение информационного суверенитета России.

3. Активизация патриотически настроенной блогосферы.

Выводы

Сравнивая российский и западный подходы по ранее обозначенным критериям, можно сделать следующие выводы. Жесткая цензура информации работает очень быстро, до населения доводится только подготовленная точка зрения, и полностью исключаются альтернативные. При этом поддержание и обслуживание необходимой инфраструктуры требует существенных финансовых затрат. Нарушение информационной блокады в долгосрочном периоде приводит к нарушению информационного суверенитета (пример из истории – «железный занавес» СССР). Совместное использование технологий ложной информации с «эмоциональной мобилизацией» быстро приносит результат, но требует высоких финансовых затрат для подготовки и подачи информации. Аналогично, как и с жесткой цензурой информации, в долгосрочном периоде может приводить к нарушению собственного информационного суверенитета. Спецификой технологий, используемых в российском подходе, является работа на долгосрочный период при минимальных вложениях финансовых ресурсов. Данный подход позволяет в условиях финансовых ограничений выстраивать долгосрочную информационную политику и укреплять информационный суверенитет.

Обсуждение

Изучив подходы Китая, США и России к вопросу организации и защиты информационного суверенитета, можно определить актуальные на сегодняшний день тенденции. В первую очередь разработка различными странами комплекса мер по формированию устойчивой и безопасной информационной среды вызвана возросшей ролью информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни людей одновременно. Если тридцать лет назад о существовании такой разветвленной, многофункциональной и высокотехнологичной системы обмена данными, как Интернет, задумывался только узкий круг специалистов, то сегодня использование Интернета стало для нас неотъемлемой частью ежедневной рутины. Его возможности в современном мире явно превосходят все ожидания тех, кто занимался разработкой этой инновации на начальных этапах. Повсеместная цифровизация экономических, социальных, политических, культурных процессов подразумевает наличие правовых и технологических механизмов их осуществления, а также инструментов по защите преобразованной информации. Во-вторых, начавшаяся два года назад пандемия коронавируса в разы ускорила внедрение информационных технологий в жизни людей, особенно это коснулось организации рабочих условий. Усиление информационного компонента в государстве потребовало дополнительных расходов и дополнительных решений по формированию его устойчивой структуры. Сегодня, когда смертность от новых штаммов вируса упала, многие эксперты высказали мнение, что пандемия скоро кончится. Однако конец эпидемии вряд ли повлияет на желание мировой элиты лишить себя всех преимуществ, созданных информационно-коммуникационными технологиями за последние годы, так как они ста-

ли хорошей площадкой для дополнительного надзора за деятельностью собственных граждан. В-третьих, возросли случаи кибершпионажа, хакерских атак и использования возможностей социальных сетей по управлению социальным сознанием. Странам со слабо развитой ИКТ-инфраструктурой почти нечего противопоставить технологически развитым конкурентам.

Первое и, возможно, ключевое уязвимое место цифрового суверенитета России находится в технологической слабости перед внешними опасностями. В случае спланированной масштабной хакерской атаки объекты информационной инфраструктуры могут быть выведены из строя. Осложняет положение сильная зависимость государства от импорта высокотехнологичной продукции. В случае остановки этих каналов поставок не только дальнейшее совершенствование цифрового суверенитета, но и технологическое развитие страны в целом может существенно замедлиться и вызвать ряд проблем уже иного содержания. Потенциал производства отечественных аналогов западных компонентов электроники находится на весьма низком уровне. Не секрет, что в третьем десятилетии XXI века наиболее развитые страны активно ведут кибервойны по всему миру. Целями таких атак являются стратегически важные, уязвимые в цифровом пространстве объекты. Благодаря разработанным вредоносным программам, проникающим в устройства этих объектов, нарушается или вовсе останавливается их функционирование. Последствия могут затронуть сразу экономическую, политическую, энергетическую, оборонную сферы. Еще одной угрозой информационному суверенитету нашей страны можно считать информационную войну, которая на сегодняшний день активно ведется некоторыми иностранными государствами. Ее суть заключается в подтасовке фактов, манипулировании данными и формировании искаженной картины мира, где образ России выставляется в негативном ключе. Наглядным примером этой войны была пропаганда западных СМИ о скором начале крупномасштабной войны России против Украины. Назывались конкретные даты начала вторжения, однако в эти дни заявленного вторжения не произошло²⁹. Несмотря на этот весомый просчет, информационная война все же приносит свои плоды в виде нестабильного рынка, роста антироссийских настроений в Европе и эскалации ситуации вокруг Украины. В качестве источника угрозы для информационного суверенитета стоит отметить и использование социальных сетей как платформу для организации противозаконной деятельности. Одним из примеров является использование мессенджера Telegram для координации протестных движений на территории Белоруссии летом-осенью 2020 года. Высокий уровень анонимности, предоставляемый этим мессенджером, позволяет не только скрыть свою личность, но и обеспечить относительную безопасность и конфиденциальность в передаче информации, что и было использовано организаторами протестов. Самым известным каналом в Telegram в период беспорядков был NEXTA³⁰. Безусловно, даже хо-

29 Над Украиной безоблачное небо. Как Запад всю ночь ждал «вторжения» России. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/02/16/14541109.shtml>.

30 Как четыре человека создали главный Telegram-канал белорусского протеста с аудиторией 2 млн подписчиков. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/407119-kak-chetyre-cheloveka-sozdali-glavnyy-telegram-kanal-belorusskogo-protesta-s>.

рошую защиту Telegram можно обойти и определить реальных участников, но для этого требуются более высокие технологии и, главное, время. А в период политической нестабильности времени часто не хватает. Во время кризиса в Казахстане в январе этого года данный мессенджер тоже использовался, причем не только местными оппозиционными силами, но и зарубежными участниками, ведущими удаленный контроль за разгоравшимися беспорядками³¹. Проблема социальных сетей заключается не только в организации оппозиционных движений. Анонимностью также пользуются и террористические ячейки, торговцы запрещенными веществами; распространяется детская порнография и иной запрещенный контент³². Неконтролируемое обращение криптовалют является еще одной из угроз суверенитету России в киберпространстве. Одной из самых известных на сегодняшний день считается биткойн. Так как криптовалюта ничем не обеспечена, а значит, не способна управляться, то это создает определенный риск для экономики государства. Несмотря на снижение стоимости ключевых криптовалют, исходящая от них угроза никуда не исчезает, а их рынок требует оценки правового регулирования со стороны государства. Среди дополнительных угроз информационному суверенитету можно выделить мошенничество в Интернете, которое включает в себя разные по масштабу правонарушения и преступления. Киберпреступность продолжает развиваться, а убытки от нее расти.

Каждая из указанных выше угроз может быть либо решена, либо может быть снижен ее риск. Для этого было бы уместным принять следующие меры:

- значительно увеличить финансирование отечественной высокотехнологичной промышленности, а главное, поддержать российские исследования в области компьютерных технологий, чтобы свести зависимость от иностранной продукции к минимальным значениям; повысить защищенность объектов критической инфраструктуры;
- продолжать развитие отдельного направления в области кибербезопасности в Вооруженных Силах РФ, наращивать военный потенциал в области цифровых технологий, использовать опыт иностранных государств в аналогичных условиях и тем самым более успешно противостоять их атакам в киберпространстве;
- проводить активную политику в информационной сфере, направленную на борьбу с ложными сообщениями; формировать четко сформулированную официальную точку зрения по жизненно важным вопросам и своевременно доносить ее до широкой аудитории внутри страны и за ее пределами; опровергать провокационные заявления, взвешенно и аргументированно отстаивать свои интересы;
- внимательно относиться к публикациям в социальных сетях, которые могут угрожать информационному суверенитету; отслеживать в них противоправную и иную запрещенную законодательством деятельность;

31 По лекалам NEXTA: Кто стоит за телеграм-каналом из Киева, призывавшим к революции в Казахстане. URL: <https://life-ru.turbopages.org/life.ru/s/p/1462931>.

32 В России террористы активно используют Telegram для связи, заявили в ФСБ. URL: <https://ria.ru/20170626/1497271423.html>.

- обеспечить ясную и последовательную государственную политику в области оборота криптовалют;
- сформировать и приступить к реализации государственной политики в сфере просвещения населения по вопросам информационной безопасности, правилам безопасного взаимодействия граждан с цифровыми технологиями, умелого их использования (уделить особое внимание пожилым людям как группе, подверженной наибольшему риску интернет-мошенничества);
- усилить контроль за противоправной деятельностью в Интернете.

Выводы

Технологически-правовое осмысление концепции информационного суверенитета началось более 40 лет назад и продолжается по сей день. Ее развитие находится в тесной взаимосвязи с развитием технологий в целом – от сотовой и спутниковой связи до глобальной сети Интернет и технологии облачного хранения данных. Эта концепция затрагивает не только вопросы, связанные со всеми возможными видами информации, но и ее соотношение с международными нормами в области защиты прав человека, защиты и охраны государственного суверенитета, в вопросах использования информационно-коммуникационной инфраструктуры.

В XXI веке сложно представить себе страну, которая не позаботилась бы о своем информационном суверенитете и, в частности, о безопасности в киберпространстве. Несмотря на то, что на сегодняшний день информационному суверенитету пока еще не уделяется должного внимания ученых, участники научной дискуссии выражают уверенность, что в ближайшем будущем мы увидим новые, глубокие по содержанию исследования и научно аргументированные управленческие решения. Думается, что не обойдут стороной и морально-правовую сторону вопроса. Безусловно, суверенитет государства – неотъемлемая часть современного мира и залог безопасности общества. Однако в стремлении достичь этой безопасности важно не забывать про базовые права человека, закрепленные в десятках международных документов, и не пытаться обеспечить безопасность исключительно ради собственной односторонней выгоды.

Обобщая мнения участников дискуссии, сделаем ряд ВЫВОДОВ:

- Концепция информационного суверенитета развивалась на протяжении срока с лишним лет, преодолев четыре этапа своего становления – от технически-правового осмысления положения государства среди потоков данных до международных норм в области контроля за цифровой инфраструктурой.
- К критериям информационного суверенитета можно отнести наличие технологической базы и средств для ее защиты, существование национальной пла-

тежной системы, осуществление пропаганды и повышение имиджа страны в информационном пространстве, распространение в нем отвечающих интересам государства идей.

- Такие отличающиеся друг от друга страны, как Китай, США и Россия, предоставили для исследования различные подходы к организации своего информационного суверенитета. В Китае он достигается за счет тотального контроля за информацией, отсутствия полного доступа к иностранным источникам и мощной системы сетевой защиты. США пользуются своим лидирующим положением в сфере технологий, активно привлекают к сотрудничеству частный сектор и имеют оснащенные кибервойска для защиты информационного суверенитета. В России обеспечение государственного суверенитета в информационном пространстве достигается за счет Доктрины информационной безопасности и Стратегии национальной безопасности, в которых в качестве мер по его защите приводятся: развитие отечественного сегмента Интернета, повышение устойчивости стратегических объектов к хакерским атакам, развитие информационных технологий и международное сотрудничество с целью создания правовых документов, обеспечивающих справедливое и безопасное использование киберпространства.
- Среди тенденций, влияющих на развитие международным сообществом идей об информационном суверенитете государства, можно выделить: стремительный рост исследований в цифровой отрасли и создание высокотехнологичной продукции; пандемию коронавируса, вызвавшую скачок в использовании этой продукции в повседневной жизни, перемещение многих аспектов взаимодействия между людьми в онлайн-режим; использование киберпространства как площадки для ведения боевых действий в виде хакерских атак и шпионажа.
- Перед информационным суверенитетом России стоят такие серьезные вызовы, как технологическая зависимость, кибератаки, информационные войны, использование социальных сетей для обеспечения анонимности во время совершения противозаконных действий, нерегулируемые рынки криптовалют, интернет-мошенничество.
- Существующие для нашей страны угрозы вполне решаемы, если принять дополнительные меры в вопросах развития и внедрения отечественной высокотехнологичной продукции, оснащения Российской армии необходимыми средствами для отражения всех возможных видов атак в киберпространстве со стороны иностранных государств, борьбы с фейковыми новостями и информацией, мониторинга социальных сетей на предмет размещения в них угрожающей суверенитету информации, обеспечения политики в области криптовалют и пропаганды безопасного использования Интернета среди граждан.

Список источников

1. Бухарин В.В. (2016), Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности [Components of the Digital Sovereignty of the Russian Federation as a Technical Basis for Information Security], Вестник МГИМО-Университета. № 6. С. 76–91.

2. Ефремов А.А. (2017), Формирование концепции информационного суверенитета государства [Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State], Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 201–215.
3. Зорина Е.Г. (2017), Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения [Information Sovereignty of the Modern State and the Main Tools to Ensure It], Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 17, № 3. С. 345–348. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348.
4. Зорина Е.Г. (2017), Искажение значений и смыслов политико-исторических событий в разноязычных версиях статей «Википедии» [Distortion of the Meanings and Senses of Political and Historical Events in Multilingual Versions of Wikipedia Articles], Власть. Т. 25, № 3. С. 211–214.
5. Ибрагимов Г. (2013), Стратегия КНР в киберпространстве: вопросы управления интернетом и обеспечение информационной безопасности [China's Strategy in Cyberspace: Issues of Internet Governance and Information Security Ensuring], Индекс безопасности. № 1 (104). С. 169–184.
6. Литвинов Д.А. (2019), Оценка политики России в области кибербезопасности и возможные варианты ее совершенствования [Assessment of Russia's Cybersecurity Policy and Possible Options for its Improvement], Вестник науки и образования. № 19–2 (73). С. 76–82.
7. Чекунова Т.Г., Ершов Б.А., Трубицын С.Д., Остапенко А.А. (2020), Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты [China's Information Security Strategy: Political and Technical Aspects], Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. № 7 (9). С. 78–97.
8. Damon L. (1986), Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems, Fordham International Law Journal. Vol. 10. Issue 2. P. 262–287.
9. Gong W. (2005), Information Sovereignty Reviewed, Intercultural Communication Studies. Vol. XIV. Issue 1. P. 119–135.
10. De Filippi P., McCarthy S. (2012), Cloud Computing: Centralization and Data Sovereignty, European Journal of Law and Technology. URL: <http://ssrn.com/abstract=2167372>.

Информация об авторах

ГРИБИН Николай Петрович. Доктор юридических наук. Профессор. Ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного университета международных отношений (Университет) МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-9141-445>. Адрес: 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76. n.gordin40@gmail.com

КОХТЮЛИНА Ирина Николаевна. Кандидат политических наук. Ученый секретарь Научного совета Национального института исследований глобальной безопасности. Адрес: 127018, Российская Федерация, г. Москва, ул. Двинцев, 8, офис 1. exprobroker@yandex.ru.

СЕДУНОВ Денис Игоревич. Аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 82. DenisSedunov@list.ru.

СОБОЛЕВ Егор Ильич. Стажер Национального исследовательского института развития коммуникаций, студент Российского университета дружбы народов. Адрес: 119034, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. 1032193499@rudn.ru.

Вклад авторов

Грибин Н.П. Введение, материалы и методы, выводы совместные. Результаты исследования: Угрозы и риски устойчивости и стабильности Российской Федерации в эпоху цифровизации.

Кохтюлина И.Н. Введение, материалы и методы, выводы совместные. Результаты исследования: Международная информационная безопасность в новых геополитических реалиях.

Седунов Д.И. Введение, материалы и методы, выводы совместные. Результаты исследования: Информационный суверенитет государства: критерии и показатели.

Соболев Е.И. Введение, материалы и методы, выводы совместные. Результаты исследования: Обеспечение информационного суверенитета государств.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2022. Принята к публикации: 27 апреля 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Buharin V.V. (2016), Components of the Digital Sovereignty of the Russian Federation as a Technical Basis for Information Security, MGIMO Review of International relations. No. 6. p. 76–91. (in Russian)
2. Efremov A.A. (2017), Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State, Law. Journal of the Higher School of Economics. No. 1. P. 201-215. (in Russian)
3. Zorina E.G. (2017), Information Sovereignty of the Modern State and the Main Tools to Ensure It, Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Sociology. Politology. Vol. 17, No. 3. P. 345–348. Doi: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348. (in Russian)
4. Zorina E.G. (2017), Distortion of the Meanings and Senses of Political and Historical Events in Multilingual Versions of Wikipedia Articles, Vlast. Vol. 25, No. 3. P. 211-214. (in Russian)
5. Ibragimova G. (2013), China's Strategy in Cyberspace: Issues of Internet Governance and Information Security Ensuring, Security Index. No. 1 (104). P. 169-184. (in Russian)
6. Litvinov D. A. (2019), Assessment of Russia's Cybersecurity Policy and Possible Options for its Improvement, Vestnik nauki i obrazovaniya. No. 19-2 (73). P. 76-82. (in Russian)
7. Chekmenyova T.G., Ershov B.A., Trubitsyn S.D., Ostapenko A.A. (2020), China's Information Security Strategy: Political and Technical Aspects, Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. No. 7 (9). P. 78-97. (in Russian)
8. Damon L. (1986), Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems, Fordham International Law Journal. Vol. 10. Issue 2. p. 262–287.
9. Gong W. (2005), Information Sovereignty Reviewed, Intercultural Communication Studies. Vol. XIV. Issue 1. p. 119–135.
10. De Filippi P., McCarthy S. (2012), Cloud Computing: Centralization and Data Sovereignty, European Journal of Law and Technology. URL: <http://ssrn.com/abstract=2167372>.

About the authors

GRIBIN Nikolai P. DSc (Law). Professor. Leading Researcher, Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Foreign Ministry. <https://orcid.org/0000-0001-9141-445>. Address: 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation. n.gordin40@gmail.com.

KOKHTYULINA Irina N. CandSc (Polit). Scientific Secretary of the Scientific Council of the National Institute for Global Security Studies. Address: 8 Dvintsev str., office 1, Moscow, 127018. expobroker@yandex.ru.

SEDUNOV Denis I. Postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571. DenisSedunov@list.ru.

SOBOLEV Egor I. Intern of the National Research Institute for the Communications Development, student of the Peoples' Friendship University of Russia. Address: 119034, Moscow, korobeynikov lane, 22, p.1. 1032193499@rudn.ru.

Authors contributed

GRIBIN Nikolai P. DSc (Law). Professor. Leading Researcher, Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Foreign Ministry. <https://orcid.org/0000-0001-9141-445>. Address: 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation, n.gordin40@gmail.com.

KOKHTYULINA Irina N. CandSc (Polit). Scientific Secretary of the Scientific Council of the National Institute for Global Security Studies. Address: 8 Dvintsev str., office 1, Moscow, 127018, Russian Federation, expobroker@yandex.ru.

SEDUNOV Denis I. Postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation, DenisSedunov@list.ru.

SOBOLEV Egor I. Intern of the National Research Institute for the Communications Development, student of the Peoples' Friendship University of Russia. Address: 22, p.1, Korobeynikov lane, 119034, Moscow, Russian Federation, 1032193499@rudn.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: Mart 28, 2022. Approved after peer reviewing: April 5, 2022. Accepted for publication: April 27, 2022. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты
и процессы. Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social structure, social institutions
and processes

Научная статья

Социологические науки

УДК: 316.286

DOI: 10.53658/RW2022-2-2(4)-132-163

Коммуникационный режим Беларуси: устойчивость и факторы формирования

Валентина Вячеславовна Комлева^{1a}, Павел Александрович Барахвостов^{2b}, Ирина Ивановна Калачева^{3c}, Николай Маратович Межевич^{4d}, Станислав Геннадьевич Рогальский^{5e}, Владислав Владиславович Воротников^{6f}, Андрей Григорьевич Качура^{7g}, Ольга Игоревна Лазоркина^{8h}, Александр Георгиевич Стоппе⁹ⁱ

¹Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

²Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

³Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, Научный журнал «Современная молодежь и общество», Минск, Республика Беларусь

⁴Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия

⁵Минская духовная академия, Минск, Республика Беларусь, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, Международное общественное объединение

© Барахвостов П.А., Калачева И.И., Межевич Н.М., Рогальский С.Г., Воротников В.В., Качура А.Г., Лазоркина О.И., Стоппе А.Г., 2022
© Россия и мир: научный диалог/Russia & World: Scientific Dialogue. 2022

132 This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ISSN 2782-3067 (Print)

«Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла», Минск, Республика Беларусь

⁶Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Москва, Россия, Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия

⁷МИА «Россия сегодня» в Республике Беларусь, Минск, Республика Беларусь

⁸Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь

⁹Институт международных исследований Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России (Москва, Россия)

^akomleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^bbarakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

^cirakalachova@yandex.ru

^dmez13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>

^esviatoslavr@mail.ru

^fvorotnikov.vladislav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

^goffice@sputnik.by

^hlazorkina@tut.by

ⁱas.xxsg@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены материалы научной дискуссии, проведенной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций в апреле 2021 года. Проведена оценка управляемости и определен тип коммуникационного режима Беларуси. Проанализированы географические, исторические, геополитические факторы формирования белорусского коммуникационного режима в исторической ретроспективе и в актуальной ситуации. Показано, что его эволюция осуществлялась в условиях противодействия двух разнонаправленных тенденций: развитие системы вертикальных коммуникаций, характерных для стран с институциональной матрицей, где доминируют редистрибутивные институты, и системы горизонтальных коммуникаций, что характерно для стран с доминированием рыночных институтов в институциональной матрице. Следствием этого стало формирование двух ядер коммуникационного режима. Ряд участников дискуссии считают, что одно из ядер коммуникационного режима (связано с католической церковью) обуславливает невозможность выстраивания в Беларуси жесткой, абсолютно контролируемой властью иерархической коммуникационной модели.

Ключевые слова: коммуникационный режим, управляемость, политическое управление, политическая стабильность, Беларусь, социальная система, институциональная матрица, редистрибутивные институты, рыночные институты

Для цитирования: Комлева В.В., Барахвостов П.А., Калачева И.И., Межевич Н.М., Рогальский С.Г., Воротников В.В., Качура А.Г., Лазоркина О.И., Стоппе А.Г. Коммуникационный режим Беларуси: устойчивость и факторы формирования. Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 132-163. DOI: 10.53658/RW2022-2-2(4)-132-163

© Барахвостов П.А., Калачева И.И., Межевич Н.М., Рогальский С.Г., Воротников В.В., Качура А.Г., Лазоркина О.И., Стоппе А.Г., 2022
© Россия и мир: научный диалог/Russia & World: Scientific Dialogue. 2022

ISSN 2782-3067 (Print)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License 133

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-132-163](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-132-163)

The communication mode of Belarus: stability and formation factors

Valentina V. Komleva^{1a}, Pavel A. Barakhvostov^{2b}, Irina I. Kalacheva^{3c}, Nikolay M. Mezhevich^{4d}, Stanislav G. Rogalsky^{5e}, Vladislav V. Vorotnikov^{6f}, Andrey G. Kachura^{7g}, Olga I. Lazorkina^{8h}, Alexander G. Stoppe⁹ⁱ

¹ National Research Institute for Communications Development, Moscow, Russia), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

³ Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus
Scientific journal «Modern Youth and Society», Minsk, Republic of Belarus

⁴ Institute of Europe of the Russian Academy of Communication Sciences: Moscow, Russia

⁵ Minsk Theological Academy, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, International Public Association “Christian Educational Center named after Saints Methodius and Cyril”, Minsk, Republic of Belarus

⁶ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) MFA of Russia, Moscow, Russia, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁷ MIA “Russia Today” in the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

⁸ Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus

⁹ Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

^a komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^b barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

^c irakalachova@yandex.ru

^d mez13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>

^e sviatoslavr@mail.ru

^f vorotnikov.vladislav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

^g office@sputnik.by

^h lazorkina@tut.by

ⁱ as.xxsg@yandex.ru

Abstract. The article presents the materials of a scientific discussion held by the National Research Institute of Communications Development in April 2021. As the result of discussion the controllability assessment was carried out and the type of the communication mode of Belarus was determined. Geographical, historical, and geopolitical factors forming the Belarusian communication mode are analyzed from a historical point of view and in their current state. The evolution of communication mode was carried out under the influence of two multidirectional trends: the development of a system of vertical communications, typical for countries with an institutional matrix where redistributive institutions dominate, and horizontal communication systems, which is typical for countries with market-dominated institutions. As the result we see the formation of two cores in the communication mode. A number of participants of the discussion believe that one of the cores of the communication mode (connected with the Catholic Church) makes it impossible to build a rigid hierarchical communication model in Belarus, absolutely controlled by the authorities.

Keywords: communication mode, manageability, political management, political stability, Belarus, social system, institutional matrix, redistributive institutions, market institutions

For citation: Valentina V. Komleva, Pavel A. Barakhvostov, Irina I. Kalacheva, Nikolay M. Mezhevich, Stanislav G. Rogalsky, Vladislav V. Vorotnikov, Andrey G. Kachura, Olga I. Lazorkina. The Communication Mode of Belarus: Stability and Formation Factors. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 132-163. DOI: 10.53658/RW2022-2-2(4)-132-163

Введение

Сложный период геополитической турбулентности актуализировал проблему общественно-политической стабильности, эффективности общественных коммуникаций, каналов коммуникации и информирования, дружественности межстрановых взаимодействий, что обусловило возрастающий интерес к изучению коммуникационных режимов. Коммуникационные режимы стран, сочетающие «культурные традиции, правовые нормы, ситуационные обстоятельства, интересы центров принятия решений и центров влияния и коммуникативной активности негосударственных акторов» (5), становятся предметом пристального научного внимания и объектом технологического влияния. К числу значимых акторов страновых коммуникационных режимов относятся: политическая власть, гражданские институты, СМИ, церковь, армия, структуры безопасности, бизнес-структуры. Центры управления коммуникационными режимами, как правило, сосредоточены в институтах власти. Несмотря на структурную схожесть коммуникационных режимов разных стран, они обладают функциональной и содержательной уникальностью.

Одной из стран постсоветского пространства, привлекающей внимание многих политологов, социологов, историков, является Беларусь. Согласно исследованиям, проведенным НИИРК, белорусский коммуникационный режим отличается высоким уровнем государственного контроля коммуникаций, слабой открытостью каналов и фильтров политической мобильности, каналов и фильтров вхождения в центр управления, разработки и принятия решений в отношении норм и правил общественно-политической коммуникации в стране. Данная статья представляет собой изложение основных результатов исследования управляемости коммуникационного режима Беларуси и позиции российских и белорусских экспертов, приглашенных для научной дискуссии.

Материалы и методы

В основе исследований авторов лежат системный и неинституциональный подходы, в соответствии с которыми развитие общественной системы обеспечивается сложной структурой институтов, понимаемых как «правила игры», структурирующие социальное действие (5). В этой структуре можно выделить базовые институты, образующие институциональную матрицу. Особенности ее формирования и эволюции определяют сущностные черты странового коммуникационного режима. Авторами использовались методы контент-анализа, ивент-анализа, экспертного интервью, социологического опроса, метод ретроспективного анализа. Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые документы Республики Беларусь, заявления официальных лиц, материалы СМИ, новых медиа, материалы информационных и аналитических центров, конкретные практики реализации принятых решений.

Результаты исследования и обсуждение

Управляемость коммуникационного режима Республики Беларусь (В.В. Комлева)

Исследование коммуникационных режимов началось в 2020 году, когда НИИРК обозначил проблему, ввел в научный оборот понятие «коммуникационный режим», разработал методологию научного осмысления этого явления и методику его эмпирического исследования. В центре нашего внимания – в первую очередь страны постсоветского пространства. В 2021 году мы провели сравнительное исследование дружелюбности коммуникационных режимов и опубликовали первый рейтинг стран, составленный по степени их дружелюбности в отношении России. Беларусь практически поделила первое место с Казахстаном. Исследование дружелюбности и составление рейтинга планируется проводить ежегодно. В 2022 году мы начали сравнительные исследования управляемости страновых коммуникационных режимов.

Напомним, что мы рассматриваем коммуникационный режим как управляемую (с разной степенью управляемости), институционализированную (с разной степенью институционализации) систему норм, правил, принципов, обычаев, традиций, структур, акторов, регулирующих информационно-коммуникационные процессы. Режимное регулирование касается двух имманентных составляющих коммуникационного режима: информации (регулируются сообщения, сведения, передаваемые в процессе информирования); коммуникации (регулируется процесс и каналы установления двух- или многосторонних контактов, как следствие, контролируется результат коммуникации). В своей совокупности информация и коммуникация создают информационное пространство. Именно оно является целью коммуникационного режима.

Коммуникационный режим каждой страны имеет центр управления, который вырабатывает нормы и правила. Как правило, нормы и правила юридически закреп-

ляются институтами власти и формируются сообразно представлениям власти о желаемом общественном дискурсе, способах взаимодействия с обществом и своими представлениями о моделях каналов информирования (СМИ, новые медиа и др.). Сегодня мы видим, что эти представления о «правильном» коммуникационном режиме детерминированы национальными интересами стран, соображениями национальной безопасности (в частности, информационной безопасности) и стремлением обеспечить информационный суверенитет.

Но на систему коммуникации оказывают влияние не только принятые властью законы, но и неформальные практики, исторически возникшие, закрепившиеся как вполне результативные нормы коммуникации. Речь идет об обычаях, традициях, стереотипах, исторически сложившихся социокультурных институтах (например, старейшины, кланы, племена). В ряде стран они оказывают значимое влияние как на тех, кто юридически закрепляет правила коммуникации, так и на тех, кто должен их соблюдать.

В нашем исследовании мы анализировали две характеристики коммуникационных режимов: управляемость и дружелюбность. Материалы по дружелюбности были опубликованы нами ранее (3). Сосредоточусь на исследовании управляемости.

Управляемость коммуникационного режима Беларуси

Учитывая, что управляемость есть согласие общества с той мерой контроля и ограничения, которую накладывает управляющий центр на общественные коммуникации, в основу авторской методики анализа были положены три значимых параметра:

1. место нахождения центра управления коммуникационным режимом (внутри страны или за ее пределами);
2. степень конвенциональности центра управления коммуникационным режимом;
3. оценка показателей управляемости, основными критериями которой являются:
 - 3.1. способность и возможность центров управления коммуникационным режимом бесконфликтно перевести его из одного состояния в другое;
 - 3.2. способность достигать контролируемых параметров коммуникационного режима;
 - 3.3. способность использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления.

В период с января 2021 года по январь 2022 года было проведено исследование вышеназванных параметров управляемости коммуникационного режима в Республике Беларусь.

Критерий 1. Место нахождения (внутри страны или за пределами страны) центра принятия решений и управления коммуникационным режимом.

Центр управления находится внутри страны. Основные акторы в этом центре – президент республики и государственные институты, в функции которых входит регулирование, поддержка, контроль, санкционирование отклонения в сфере коммуникации. По сути, здесь задействованы и законодательные, и исполнительные, и судебные, правоохранительные органы власти.

С 2018 года в Беларуси наблюдалась активизация альтернативных центров управления коммуникационными режимами. Ключевые технологии их работы касались социализации и формирования гражданских сетей. Как правило, эти центры находились за пределами страны, но с опорой на НКО и проекты (образование, медиа, лидерство, права человека и др.) внутри страны. Эти проекты и НКО развивались в Беларуси при поддержке зарубежных инвесторов и технологов. В 2020 году они предприняли безуспешную попытку перехвата управления коммуникациями внутри страны. В настоящее время такие попытки коммуникационного влияния предпринимаются со стороны оппозиции, находящейся за рубежом.

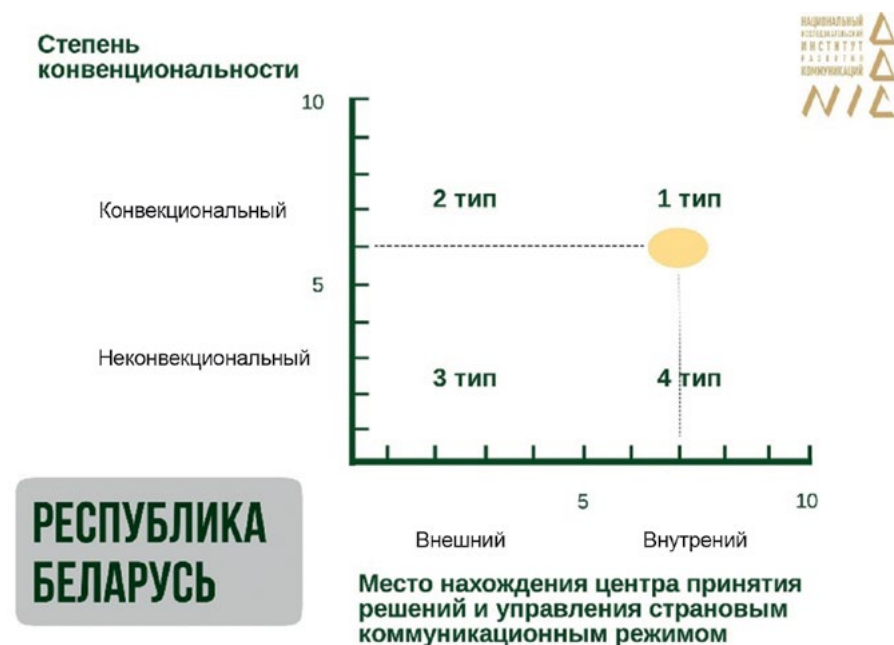
Учитывая интеграционные связи в рамках Союзного государства и СНГ, следует отметить, что центр управления коммуникационным режимом в Беларуси иногда корректирует свою информационную повестку в контексте российской повестки. Общественно-политический дискурс и контент СМИ также может корректироваться (в том числе путем распространения информации российскими СМИ и новыми медиа). Тем не менее вопросы правил и норм странового коммуникационного режима белорусская власть регулирует самостоятельно, как и несет самостоятельную ответственность за результативность этих норм и правил. При этом Беларусь ориентируется на принципы информационного суверенитета и цели национальной безопасности. С научной точки зрения интерпретация белорусского коммуникационного режима была бы более точной с точки зрения политического реализма. Совершенно очевидно, что Беларусь «отстаивает собственные национальные интересы в информационной сфере с использованием всех имеющихся сил и средств»¹.

Критерий 2. Степень конвенциональности центра принятия решений и управления коммуникационным режимом.

После выборов президента Беларуси у определенной части населения возникли сомнения в достоверности результатов, некоторые из них сомневаются в этом до сих пор, что поддерживается альтернативными каналами информации. Вызывают споры и решения, принятые в отношении ужесточения норм и правил коммуникации. По результатам экспертной оценки степень конвенциональности коммуникационного режима Беларуси получил оценку 6 (из 10 возможных), а по месту нахождения центра принятия решений и управления – 7 (из 10 возможных). Тип коммуникационного режима Беларуси характеризуется как конвенциональный с внутренним центром управления и представлен на Рисунке 2.

¹ Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019. № 1.

Рисунок 1. Тип коммуникационного режима Беларуси по степени управляемости и конвенциональности
Fig. 1. The type of communication mode of Belarus according to the level of controllability and conventionality

Критерий 3. Оценка показателей управляемости раскрывается тремя подкритериями.

3.1. Критерий управляемости: возможность центров управления коммуникационным режимом бесконфликтно перевести его из одного состояния в другое.

Белорусский кейс 2020–2021 годов демонстрирует управляемость странового коммуникационного режима путем сознательного обновления институтами власти норм и правил общественно-политической коммуникации. В результате коммуникационный режим остался подконтрольным конвенциональному центру управления – действующей власти. Хотя подтолкнули к таким изменениям противоречия, возникшие в ходе общественно-политического конфликта августа 2020 года.

Юридически гарантом свободы слова и информации в Беларуси является Конституция Республики Беларусь. Согласно статье 33 Конституции, «монополизация средств массовой информации государством, общественными объединениями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются»². Главным законом, контролирующим и регулирующим СМИ в Беларуси, является закон «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 года № 427-З. В мае 2021 года были приняты не-

² Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года).

которые поправки в данный закон³. В частности, усилились правовые механизмы контроля за СМИ, интернет-ресурсами, иностранными учредителями СМИ, главными редакторами СМИ, компаниями, проводящими опрос общественного мнения по общественно-политической тематике; введены ограничения на пропаганду экстремистской деятельности, призывы к такой деятельности, иную информацию, распространение которой способно нанести вред национальным интересам.

В мае 2021 года были внесены изменения и в закон о массовых мероприятиях, которые усилили контроль за мероприятиями и усилили ответственность их организаторов. В частности, вместо уведомительного введен разрешительный порядок проведения массовых мероприятий. В соответствии со ст. 8 Закона о массовых мероприятиях «до получения разрешения на проведение массового мероприятия его организатору (организаторам), а также иным организациям и гражданам запрещается публично призывать к организации и проведению массового мероприятия, в том числе объявлять в средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет или иных информационных сетях о дате, месте и времени его проведения, изготавливать и распространять в этих целях листовки, плакаты и иные материалы»⁴. Введен запрет на освещение в средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет или иных информационных сетях в режиме реального времени (в прямом эфире) массовых мероприятий, проводимых с нарушением установленного порядка их организации или проведения, в целях их популяризации или пропаганды. Журналистам при осуществлении своей деятельности запрещается выступать в качестве организаторов или участников массовых мероприятий.

Таким образом, мы видим, что центр управления коммуникационным режимом Беларуси способен и имеет возможность относительно бесконфликтно перевести режим из одного состояния в другое. Активная динамика наблюдается после августа 2020 года. Изменение целевых параметров коммуникационного режима и модернизация инструментов их достижения в большей степени было вынужденным и связано с попытками общественно-политической дестабилизации. Но последующие решения и действия показывают, что управленческий центр смог проанализировать проблемы и принять ряд важных решений, касающихся: 1) создания условий для повышения информационного суверенитета; 2) усиления контроля за содержанием информации, циркулирующей в информационном поле; 3) усиления требований и контроля за деятельностью институтов медиа и НКО; 4) создания новых институтов взаимодействия власти и общества.

3.2. Критерий управляемости: способность достигать целевых и контролируемых параметров коммуникационного режима

³ Об изменении законов по вопросам средств массовой информации: Закон Республики Беларусь от 24 мая 2021 года № 110-3 // URL: <https://president.gov.by/ru/events/podpisan-zakon-ostredstviah-massovoy-informacii>.

⁴ Об изменении Закона Республики Беларусь «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь»: Закон Республики Беларусь от 24 мая 2021 года № 108-3 // URL: <https://president.gov.by/ru/events/podpisan-zakon-o-massovyh-meropriyatiyah>.

В кибернетике, где был введен термин «управляемость», управляемость тесно связана с подконтрольностью. Кибернетически понятая управляемость означает способность системы достигнуть контролируемых параметров. Речь идет о широком спектре параметров, заданных коммуникационным режимом конкретной страны.

Судя по заявлениям Президента Беларуси, принятым стратегическим документам и нормативным правовым актам, ключевыми целевыми параметрами коммуникационного режима Беларуси являются:

1) создание институтов эффективных коммуникаций с властью (систем обратных связей и взаимодействий) с целью лучшего понимания общественных потребностей и настроений, с целью повышения уровня общественного доверия и поддержки тех норм и правил коммуникации, которые устанавливает власть. Иными словами, стоит задача повышения конвенциональности.

2) достижение информационного суверенитета. Под информационным суверенитетом понимается «неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность»⁵;

3) достижение информационного нейтралитета. Принцип информационного нейтралитета предусматривает «проведение миролюбивой внешней информационной политики, уважение общепризнанных и общепринятых прав любого государства в данной сфере, исключение инициативы вмешательства в информационную сферу других стран, направленного на дискредитацию или оспаривание их политических, экономических, социальных и духовных стандартов и приоритетов, а также нанесения вреда информационной инфраструктуре каких бы то ни было государств и участия в их информационном противостоянии»⁶. При этом Республика Беларусь отстаивает собственные национальные интересы в информационной сфере с использованием всех имеющихся сил и средств.

Инструменты достижения и контроля этих целевых параметров управляемости коммуникационного режима, по сути, сформулированы в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь. В главах 7 и 8 Концепции четко обозначена и готовность центра управления к жестким действиям в отношении внешнего вмешательства в коммуникационное поле Беларуси. Отмечено, что Беларусь проводит политику информационного сдерживания, выражающуюся в «демонстрации достоверной готовности к отражению деструктивных информационных воздействий, достаточной возможности технологического, организационного, правового противодействия угрозам в информационной сфере и выявления их источников»⁷.

⁵ Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019. № 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Таким образом, способность достигать целевых и контролируемых показателей выше среднего (7 баллов из 10). Самим центром управления признается, что полностью достигать целевых показателей не получается, поэтому принят ряд изменений в законодательство и стратегические документы.

3.3. Показатель управляемости – способность использовать механизмы самоорганизации объектов управления для регулирования коммуникационных режимов.

В современных условиях неравновесности, нелинейности, роста саморефлексии участников коммуникаций все сложнее сохранять управляемость коммуникационных режимов за счет контроля и подчинения. Автономность и самоорганизация социальных субъектов все чаще определяет их реакции на регулирующие воздействия власти (вплоть до конфронтации). В этой связи целесообразно использовать созидательную энергию самоорганизации для формирования коммуникационных режимов – вовлекать в коммуникацию с властью самоорганизующиеся коммуникационные сети и информационные каналы, особенно институт гражданской журналистики. Государственно-гражданские партнерства необходимы для своевременного получения информации за счет обратных связей власти и общества, для своевременной корректировки принятых решений и для повышения общественной поддержки норм и правил коммуникации и содержания распространяемой информации.

Эксперты невысоко (4 из 10) оценили способность центра управления в Беларуси использовать механизмы самоорганизации объектов управления для регулирования коммуникационных режимов. Риск заключается в слабой вовлеченности самоорганизующихся сообществ в отношения с властью, их слабой включенности в систему коммуникаций с властью. Ряд сообществ и не ставит таких целей, они изначально созданы для изменения параметров режима, а не для его поддержки. Коммуникации с ним выстраиваются по линии блокирования, ограничений, запретов. Это понятно и логично с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Но есть изначально сознательно и конструктивно настроенные самоорганизующиеся сообщества, вовлечение которых в системные отношения с властью было бы целесообразным для обеспечения управляемости коммуникационного режима и социального иммунитета против дестабилизирующих влияний.

Факторы влияния на формирование белорусского коммуникационного режима (Барахвостов П.А.)

Белорусская институциональная матрица формировалась и эволюционировала под воздействием как эндогенных, так и экзогенных факторов. Равнинный характер территории, сплошь покрытой лесами и сетью рек и водоемов, климат с коротким теплым периодом, необходимость отвоевывать пашню у леса не являлись особенно благоприятными для развития земледелия. Большую проблему составляли паводки, требующие организации работ по предотвращению и устранению их последствий. Кроме того, белорусские реки служили путями сообщений, выполняли важную роль

в осуществлении торговых контактов (в частности, здесь пролегал известный путь «из варяг в греки»), что требовало обеспечения их безопасного использования.

Следствием этого стало формирование и, вследствие «эффекта колени» (path dependence), самовоспроизводство важнейших институтов редистрибутивного типа: централизованной властной структуры для руководства сельскохозяйственными и антипаводковыми работами и коммунистического мировоззрения. Однако плотность гидравлического общества (термин введен К. Виттфогелем) на этих землях была значительно ниже, чем на Востоке, вследствие не столь развитой бюрократической системы из-за импульсного характера коллективных работ.

Геополитическое расположение белорусских земель явилось причиной и «тревожного» соседства. Вследствие захвата Ливонским орденом устья Западной Двины, а татарами – южных торговых путей в течение многих десятилетий Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ), куда вошли белорусские земли, оказалось отрезанным как от Запада, так и от Востока. Данная вынужденная самоизоляция, дополненная слабо развитой инфраструктурой, обусловила тот факт, что каждая из областей в ВКЛ представляла собой самостоятельное экономическое целое, а между областями выстраивалась горизонтальная коммуникация.

После заключения Кревской унии между ВКЛ и Польским королевством наблюдалась активная диффузия рыночных институтов из польской институциональной матрицы. Среди них – привнесенные католической церковью и проникшим на эти земли торговым капиталом институты субсидиарности, плюрализма мнений и идеологий, понятие свободы, распространение Магдебургского права и т.д. Укрепление рыночных институтов способствовало развитию горизонтальных коммуникационных связей. Однако их выстраивание натолкнулось на активное противодействие магнатов – владельцев крупных латифундий (позднее – ординаций, являвшихся аналогом западноевропейских майоратов), которые, с одной стороны, были порождением проникновения с Запада рыночных институтов, с другой – стремились выстроить в пределах своих владений и распространить вовне строго иерархическую систему управления и коммуникаций по принципу «сверху – вниз». Таким образом, эволюция коммуникационного режима на белорусских землях с далеких времен осуществлялась в условиях противодействия двух разнонаправленных тенденций: развитие системы вертикальных коммуникаций, характерных для стран с институциональной матрицей, где доминируют редистрибутивные институты, и системы горизонтальных коммуникаций, что характерно для стран с доминированием рыночных институтов в институциональной матрице.

Находящаяся на сформировавшемся еще в годы вхождения ВКЛ в Речь Посполитую цивилизационном разломе Беларусь и поныне подвержена одновременно двум влияниям: западному с его открытым коммуникационным режимом и восточному, для которого характерны более закрытые страновые коммуникационные режимы. Вследствие диффузии институтов в белорусском коммуникационном режиме сформировалось не одно, как обычно, а два ядра, связанные с католической и православной церквями, вокруг которых группируются коммуникационные силы. Хоть они не рав-

нозначны (католиков в стране 15%), тем не менее, в силу особенностей католической церкви, ее относительной независимости от государства, подобная особенность означает, что в Беларуси невозможно выстроить жесткую, абсолютно контролируемую властью иерархическую коммуникационную модель, поскольку определенная часть населения имеет возможность получать информацию из альтернативных источников.

Таким образом, белорусский коммуникационный режим формировался и эволюционировал в условиях противодействия двух разнонаправленных тенденций: развитие системы вертикальных коммуникаций, характерных для стран с институциональной матрицей, где доминируют редистрибутивные институты, и системы горизонтальных коммуникаций, что характерно для стран с доминированием рыночных институтов в институциональной матрице. Следствием этого стало формирование двух ядер коммуникационного режима, одно из которых связано с католической церковью, что обуславливает невозможность выстраивания в Беларуси жесткой, абсолютно контролируемой властью иерархической коммуникационной модели.

Коммуникация поколений: опыт исследования в белорусском обществе (Калачева И.И.)

К внутренним факторам динамики белорусской коммуникационной среды относятся факторы, касающиеся поколений и коммуникации поколений. К настоящему времени в экспертном сообществе сложилось мнение о том, что новые поколения, которые сегодня выступают активными агентами коммуникационного пространства и информационной среды, недостаточно исследованы. Тем самым такой показатель, как управляемость, в изучении коммуникационных стратегий любой страны становится затруднительным.

Важно подчеркнуть, что в условиях стремительного развития информационных технологий происходит «перезагрузка» ценностей, формирование новых представлений о социальных институтах, гражданском секторе, образовании, массмедиа и др. Преемственность как принцип коммуникации поколений подвергается изменениям наиболее существенно.

Многие исследователи отмечают, что изменились основные способы передачи знаний: если в прошлом знания передавались от старших к младшим, и эта норма оставалась неизменной, то в современных условиях наблюдается новая тенденция – знания передаются от младших к старшим. Этот когнитивный диссонанс определяет и другие стороны отношений между поколениями. Сдвиг в преемственности основной функции старших поколений по отношению к младшим оказывает влияние и на формирование нормативно-ценностной основы коммуникации.

В Беларуси данная исследовательская проблема востребована как никогда ранее. 2022 год объявлен в стране «Годом исторической памяти», что является знаковым событием на современном этапе развития государства. В БГУ выполняется НИР по теме: «Историческая память в системе базовых ценностей белорусского народа как фактор межпоколенной коммуникации и информационной безопасности» (научный

руководитель – И.И. Калачева). Цель данной работы – выявление и обоснование основных подходов и принципов развития исторической памяти белорусского народа в динамике современных коммуникативных процессов, культурно-цивилизационных практик и новых вызовов в информационной среде. Объектом выступают поколения жителей Беларуси, представители старших и младших поколений. Исследование темы проводится на уровне междисциплинарного подхода, с использованием как общенаучных, исторических, так и социологических методов исследования. Эмпирический материал собирается в процессе применения разных методов, так как происходит проверка выдвигаемых гипотез. К примеру, группой исследователей была выдвинута гипотеза-предположение о том, что включенность молодых поколений в интернет-коммуникацию затрудняет общение, способствует созданию коммуникационных барьеров со старшими поколениями. Респондентами стали представители разных поколений, жители белорусского общества. Это послевоенное поколение (1943–1963); советское (1963–1983); поколение перестройки (1983–2003); поколение постперестройки (2003–2023). Респонденты-участники опроса, представители разных поколений высказали свое представление по данному аспекту темы. Выявлено следующее: представители более старших поколений с большей уверенностью относят себя к советским людям, поколению перестройки или постперестроечному поколению, а представители более молодого возраста ассоциируют себя с цифровым обществом, называют себя «электронными людьми». Однако респондентами отмечается, что коренных изменений в отношениях между поколениями «из-за Интернета» не происходит. Отношения остаются помогающими, доверительными, доброжелательными, открытыми, хотя, конечно, появляются и причины для беспокойства, в особенности в отношении воспитания детей. Показательным здесь может быть ответ Анны, 22 года: Анна поясняет, что оказание посильной помощи своим родителям, бабушкам, дедушкам – это моральный долг молодого человека. Анна продолжает: Без них, моих близких, я бы не смогла построить свою жизнь такой, какая она есть сейчас. Я люблю своих родных и дорожу ими, помощь им не является для меня чем-то обременительным, скорее наоборот, я с удовольствием и радостью забочусь о своих близких.

Авторским коллективом, исполнителями НИР отмечается масштабность проблематики, ее значимость для исследования и разработки практических рекомендаций. Тема исторической памяти (в своем предметном поле) достаточно новая для белорусской гуманитарной науки. Поэтому исследователи видят большой потенциал в использовании научных методов в ее раскрытии как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Историческая память является созидающей в том случае, если она направлена в будущее, в перспективу. При этом необходимо учитывать мнение каждого человека как представителя конкретного поколения в этой перспективе.

Работа продолжается, и ее результаты постоянно проходят апробацию в студенческих аудиториях, на научно-практических конференциях в вузах Беларуси. В ближайшее время будет представлен доклад «Памятные места в преемственности традиций исторической памяти и патриотического воспитания молодежи», подготовленный авторами научного коллектива.

В научном журнале «Современная молодежь и общество» постоянно публикуются статьи по данной теме (главный редактор – И.И. Калачева). К примеру, в выпуске номер 10 за 2022 год вышла статья доктора ист. наук С.А. Пивоварчика «Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи». В статье рассматривается опыт использования историко-культурного наследия Гродненского региона (Понеманье) в формировании исторической памяти учащейся и студенческой молодежи. Автор приходит к выводу, что наиболее эффективным является участие молодежи в коммеморативных практиках, которые включают в себя учебно-воспитательные экскурсии, установку памятных знаков, посещение тематических музеев и выставок, участие в фестивалях, мастер-классах и военно-исторических реконструкциях. Участие молодежи в коммеморации с использованием историко-культурного наследия позволяет выделить характерные черты, влияющие на формирование исторической памяти: коллективность, эмоциональность, сакральность, направленность на прошлое.

Обсуждение (Межевич Н.М.)

Трудно оценить, какая из теоретических категорий масштабнее по содержанию: политический или коммуникационный режим. Думаю, что здесь есть какая-то сфера пересечения. Понятно, что и то, и другое базируется на весьма интересной экономической, текущей политической и исторической основе. Понятно, что такие исследования очень нужны и важны, особенно для Республики Беларусь. Потому что сейчас в Республике с социологией, скажем прямо, не идеально. Может, раньше было тоже не идеально, но сейчас совсем не идеально. Но я в данном случае не стал бы сосредотачиваться на критике тех исследований, которые ведут академические коллективы и органы власти в Республике. Я бы очень кратко упомянул о том, что та «социология», которая привносится на территорию Республики Беларусь из-за рубежа, и прежде всего из Варшавы, – это демонстративное надругательство и над теорией, и над методологией, и над практикой. Поэтому, конечно, нужны прямые и косвенные методы исследования, которые позволяли бы нам получить возможность представления о том, что происходит в стране.

Вопросы коммуникации политического режима с властью должны быть в центре внимания. Коммуникационный режим и политический режим – это не абстрактные академические категории, а отражение той ситуации, в которой живет государство: в данном случае – Республика Беларусь. Это ситуация абсолютно феноменального внешнего давления. И в этих условиях иной раз возникает необходимость выбора между знаменитым китайским лозунгом «Пусть расцветают сто цветов!» и суровой практикой государственной безопасности. Сейчас приоритет отдан безопасности государства и общества. Думаю, что это правильно и своевременно: те действия, которые предпринял Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко,

являлись неким сборником по результатам лучших практик, которые, к сожалению, нам придется проходить у себя в Российской Федерации.

Я бы хотел отметить следующее. Беларусь находится на цивилизационном рубеже. Масштаб западных влияний всегда был очень велик. Более того, не следует к ним относиться всегда критически. Мне непонятна позиция многих российских экспертов, которые чуть ли не предлагают выключить период ВКЛ из белорусской истории. Давайте вот известный ордынский период из российской истории выкинем сразу: будем от Киевской Руси к Петру. Это наследие очень разное, оно противоречивое.

И здесь я, обосновывая свою мысль, коснулся вопросов католической веры. В Республике 8–11% людей, исповедующих католическую версию христианства. Могу сказать, как человек, который много лет работал в Польской Республике и, соответственно, находился в католической среде: это другие католики. Отношение к вере, очень отдаленно напоминающее, скажем, сегодняшнее отношение к вере. И акцептирование на религиозной морали в жизнь, которая есть, например, в Баварии или в Северной Италии. Можно иногда зайти на службу, но жизнь и церковь идут параллельными потоками. Чего не скажешь о Польше. И я бы этот фактор не то чтобы не ставил во главу угла, а вообще бы провел определенную его переоценку. Общаясь с белорусскими католиками, я спрашивал их и о характере восприятия информации из Польши, и об отношении к режиму, и о знании польского языка. Я не претендую на статус лингвиста, но в ответах был не совсем польский язык. И представления о догматах тоже было неидеальным. Это промежуточный вариант, который может адаптироваться и к классическому католицизму Польши, если человек переедет в Люблин, и к смоленскому православию, и к львовскому униатству. Но это не классическая католическая вера и, соответственно, влияние на человека другое.

Что же касается информационных потоков: у меня сложилось ощущение, что доверие к светской власти у католиков, у православных, и у абсолютного большинства людей, которые лишь по родителям свою веру видят, в целом достаточно высокое. А различия связаны не с верой, а с другими сюжетами. Например, в городах суперправославные, как они считают, люди гораздо чаще находятся в оппозиции к режиму. Католики в основном живут на селе. В силу этого у нас гораздо больше оснований говорить о лояльности (не поддержке, так как лояльность и поддержка – вещи разные) к власти, даже при определенных внутренних несогласиях. Барьер лежит чаще не между католиками и православными, а между людьми, которые переехали из сельской местности в город в первом (иногда во втором поколении) и теми, кто продолжает жить в сельской местности. Вот этот барьер виден практически невооруженным взглядом. И его тоже надо учитывать. Здесь есть известные методики проведения социологических опросов (как это делать с учетом уровня урбанизации).

Есть еще один момент, связанный с событиями 2020–2021 годов и с реакцией священника в католической православной церкви. Оппозицию поддержали и представители православных, и представители католиков, а не поддержали – представители православной иерархии и католической. Все очень по-разному. Это действительно выбор человеческий. Здесь не вопрос религиозных институтов, здесь вопрос

общего понимания ситуации в стране каждым человеком, независимо от религиозной принадлежности.

Обсуждение (Рогальский С.Г.)

Для меня было неожиданностью, что религиозный фактор звучал в предыдущих выступлениях достаточно ярко и отчетливо; это потому, что без этого у нас в Беларуси никак невозможно охарактеризовать ситуацию. Здесь действительно очень многое завязано на именно эту религиозную принадлежность человека. Несмотря на то, что с точки зрения социологии уровень религиозности белорусов все-таки оценивается как «умеренный» (50–60% верующего населения) и от них считается конфессиональная / религиозная принадлежность, к которой человек себя относит.

Статистически 82% белорусов – православные, 12% – католики, остальные 6% приходятся на другие вероисповедания. Это рассчитывается от того процента людей, которые себя идентифицируют с той или иной конфессией. При этом обычно католики следуют за православными по количеству и численности. Интересным является тот факт, что по количеству зарегистрированных общин в Беларуси на втором месте находятся христиане веры евангельской церкви (524 общины), то есть у них больше общин, чем у римско-католической церкви (499 общин). При этом у православной церкви сегодня абсолютное большинство: 1714 общин зарегистрировано в Беларуси.

Помимо этого, хотелось бы обозначить следующее: у нас в Конституции закреплено понятие традиционных конфессий. Это уникальный момент, когда значимость конфессии в Беларуси обуславливается тем влиянием, которое она оказала на историческое, духовное и культурное развитие белорусского народа. К таким конфессиям относятся христианство, иудаизм и ислам. Это важный фактор, который мы должны учитывать при оценке влияния религиозного компонента на коммуникационный режим.

Второй момент: этноконфессиональный оттенок. В обществе распространено мнение: если ты православный, то ты русский. А если ты католик, то ты поляк. Это бытательский подход, отражающий тенденции, сформировавшиеся в белорусском конфессиональном сообществе. Я согласен с тем, что белорусские католики – это не польские католики. В целом религиозность в Беларуси зависит от региона. Особенно это стало ощущаться в постсоветское время, потому что религиозность Западной и Южной Беларуси (как православных, так и иных конфессий) объективно более высокая, чем на севере и востоке страны. Так сложилось еще во времена советской власти, когда была идея о том, чтобы сделать Беларусь первой атеистической республикой, сделать буфер между очень верующей Польшей и СССР. И это некоторым образом отразилось на конфессиональном балансе нашей страны.

С точки зрения поддержки действующей власти были люди, которые были за и против и с той, и с другой стороны конфессии. В этом отношении нельзя сказать, что

все католики были против, все православные были за. Были и там, и там люди, которые придерживались определенных политических взглядов, поэтому хотелось бы, чтобы не происходило огульных обобщений о том, какая церковь что поддерживает. Все зависит от человека, от его взглядов, а не от той конфессии, которую он исповедует. Хотя культурные и внешние оказывают свое влияние.

Третий важный момент касается государственных СМИ (тех, которые контролируются действующей властью) и тех, которые считают себя независимыми. Сегодня происходит обращение к современным средствам коммуникации: мессенджеры, каналы, социальные сети. Особенно у молодежи это объективный процесс. Нынешнее молодое поколение безапелляционно утверждает, что телевидение уже умерло и радио тоже уже почти умерло. Всю необходимую информацию человек будет черпать из Интернета, из социальных сетей и различных каналов. Возникает другая проблема: официальные СМИ транслируют официальную позицию государства. Верификация достоверности иных каналов и информации, которая предлагается, весьма затруднительна. Не является ли информация постановочной или ложной? Человек воспринимает на эмоциях, и у него запускается дальше обсуждение. Да, раньше было более понятно: то, что напечатано в газете или сообщается по телевизору, является фактом. Альтернатива создает сдвиг и размытость понятий. Мы осознаем очень четко.

Дело в том, что касается специфических средств массовой информации, которыми располагают конфессии, у нас, к сожалению, в отличие от России, пока еще нет (собственного телевидения, таких каналов, как «Спас»). Тем не менее у нас есть бюро, которые сотрудничают, транслируют эти каналы. Они пользуются достаточной популярностью и доверием среди верующих. Остальные информационные каналы в основном освещают жизнь конфессий и церквей в Беларуси. Это касается православной, католической церкви и других конфессий, которые, как правило, фиксируют происходящее.

В этом отношении они являются продолжением уже устоявшейся традиции, самым главным средством массовой информации. До революции были «церковные ведомости», которые очень подробно и точно фиксировали происходящее в жизни церкви. Благодаря им сегодня мы имеем большую информацию о том, как все было до революции в прошлые века. Нынешние церковные СМИ тоже унаследовали эту традицию в контексте общей жизни церкви. Они повествуют о различных вероучительных, нравственных и других аспектах, то есть устанавливают подобный характер коммуникации.

Подводя итог, хотел бы сказать следующее. Недавно у нас была конференция с представителями Евангелической церкви, коллеги выступали в нашем Христианском образовательном центре. Мы общались, и очень приятно, что все-таки есть диалог, который сейчас объективно затруднен с учетом реалий. На политическом уровне, на уровне даже бизнеса он затруднен, на человеческом уровне он не всегда происходит. А вот с точки зрения конфессиональной этот коммуникационный канал еще работает. В ходе общения с нашими немецкими коллегами мы увидели, что действительно есть люди, которые понимают, что информация о современной

ситуации преподается однобоко с обеих сторон. Они понимают, что им необходимо услышать позицию людей, которые здесь живут и которые тоже являются христианами. У нас получился обстоятельный диалог, где мы откровенно сказали о своем мироощущении. И это было воспринято понятно. Они сказали о своем. И каждый получил то необходимое, что, к сожалению, современные СМИ не доносят. То есть коммуникация на нашем официальном уровне сейчас является одной из наиболее возможных и конструктивных. Таковы конфессиональные аспекты в осуществлении коммуникации.

Обсуждение (Воротников В.В.)

В продолжение начатого обсуждения о соотношении понятий политического и коммуникационного режимов хотелось бы отметить их разницу. Если политический режим описывает процесс осуществления и перераспределения власти как иерархического феномена, то коммуникационный режим характеризует разнонаправленные взаимодействия внутри социума: власть – общество, общество – власть, горизонтальные связи внутри общества. Таким образом, коммуникационный режим является более объемным, системным понятием и, следовательно, больше подходит для комплексной характеристики общественно-политических взаимодействий в государстве. Кроме того, с одной стороны, коммуникационный режим – это политико-правовая рамка и инструмент регулирования процессов ограничения, продвижения или навязывания (а в кризисных условиях – пропаганды) определенных смыслов, норм и принципов. С другой стороны, это важная исследовательская категория, позволяющая анализировать роль, место, характер и содержательные особенности коммуникации между разными институтами и социальными группами.

Перейдем к предмету сегодняшней дискуссии. Моя исследовательская и преподавательская специализация – история прибалтийских государств. Говоря о Литве до XIX века, я неизбежно достаточно подробно касаюсь истории ВКЛ и Речи Посполитой, а следовательно, и территорий, входящих в состав современной Белоруссии. В российских школьных и вузовских учебниках (в силу, вероятно, советского наследия) история ВКЛ – как до, так и тем более после Люблинской унии – до сих пор практически не освещается. Ей посвящены от силы несколько страниц в контексте существования альтернативного центра собирания русских земель в Средние века и причин его поражения в этой борьбе. Действительно, в советские годы на уровне союзного центра истории национальных республик (как прибалтийских, так и Белоруссии, Украины и т.д.), по сути, не изучались – это был отдано на откуп республиканским академиям наук. Соответственно, к моменту распада СССР в Москве не было не только пула историков, но и собственного системного видения истории возникших на постсоветском пространстве государств. Это, в свою очередь, привело не только к исследовательскому вакууму, но и к тому, что в национальных исторических дискурсах

стали доминировать выразительно националистические и антироссийские нарративы. Например, научная и образовательная литература, образовательные программы в Белоруссии в 1990-е годы стали содержательно наполняться в духе идеологии Белорусской Народной Республики, белорусской эмиграции и, к сожалению, даже Белорусской центральной рады.

Распад СССР, поражение идеологического конструкта советского интернационализма вернули в пространство ЦВЕ множество противоречий постверсальской природы, включая территориальные и межэтнические споры. В основе их лежит, без сомнения, проблема различий в исторической памяти, национальных исторических нарративов. Уточню: формирование национального исторического нарратива является объективным явлением в процессе становления государства и нациестроительства. Проблемным он становится только в том случае, когда в его основу ложится резкое, агрессивное противопоставление национальным нарративам других стран (а следовательно, его идеологизация).

Каковы же исходные точки исторического нарратива Белоруссии? Насколько он является дружественным по отношению к России?

Общим местом польской, литовской и белорусской исторических традиций является, к примеру, битва под Оршей 1514 года, которая рассматривается как исторически значимая победа в противостоянии с Москвой и сдерживании ее агрессивной политики. Вот как охарактеризовано ее значение в недавно подготовленной Институтом истории НАН Республики Беларусь «Истории белорусской государственности»:

Дальнейшее продвижение московитов на запад удалось остановить благодаря разгрому московского войска в Оршанской битве 8 сентября 1514 г. Это было важное достижение, показавшее, что захват новых земель для московитов сопряжен со значительными трудностями. Свою роль в этом сыграла и позиция местного населения, которое было более плотно интегрировано в структуры ВКЛ. (4)

Вряд ли приведенная цитата требует специальных пояснений.

Еще серию примеров хотелось бы привести из области так называемого «банального национализма» (то есть постоянного, повседневного напоминания об идентичности, например, посредством демонстрации государственных символов, фотографий узнаваемых достопримечательностей, природных пейзажей, характерных для данной страны представителей флоры и фауны и даже простого написания или произнесения названия страны и т.д.). Взглянем на денежные знаки Белоруссии. К примеру, если Дворец Румянцевых-Паскевичей, построенный в Гомеле и ассоциирующийся с периодом Российской империи, изображен на белорусской 20-рублевой денежной купюре, то Несвижский замок, резиденция Радзивиллов, – на 100-рублевой купюре. Учитывая хорошо известную любому белорусскому школьнику роль этого аристократического рода в истории ВКЛ, подобная выраженная в номиналах денежных купюр иерархия значимости указанных символов может подсознательно интерпретироваться в пользу несомненного приоритета национальной, «краевой» истории.

Еще один пример. Если проанализировать массив почтовых марок, выпускаемых Беларуссией, то бросается в глаза, что имеющая хорошо известные националистические исторические и политические коннотации бело-красно-белая цветовая гамма регулярно используется как при отображении номинала, так и при написании названия страны «Беларусь». Издание почтовых марок – институционально сложный, многоэтапный процесс, в который вовлечено значительное количество чиновников, представителей научного сообщества и заинтересованной общественности, а значит, он отражает определенный общественный консенсус. Безусловно, использование соответствующей цветовой гаммы, прямо ассоциирующейся с наследием БНР, не может не вызывать вопросов. Отмечу также вышедшие буквально недавно блок и марку, посвященные «30-летию первой белорусской почтовой марке». На ней был изображен крест Евфросинии Полоцкой, символически значимый для белорусского национализма; это же изображение, естественно, появилось и на выпуске 2022 года.

В целом в современном историческом дискурсе Беларуссии вполне гармонично сосуществуют обе точки зрения на развитие белорусской государственности – как самостоятельного восточноевропейского национального проекта (краевость) и как части большого русского проекта (западнорусизм). Для пограничного пространства, на протяжении столетий неоднократно испытывавшего воздействие как с Запада, так и с Востока, подобное балансирование и эклектика являются вполне естественными. Однако вопрос приоритизации того или иного нарратива остается вопросом политической воли элит. Именно поэтому наличие упомянутых и аналогичных им смысловых «закладок», имеющих конфликтный потенциал и угрожающих содержательной, концептуальной целостности интеграционного проекта России и Беларуссии, требует постоянного внимания со стороны политического класса, академического и экспертного сообществ двух стран.

Обсуждение (Качура А.Г.)

Белорусское общество на современном этапе является гораздо более сложным, чем те коммуникации, которые в нем присутствуют. К сожалению, можно констатировать, что у нас не хватает не только качественных вещей, но и количественных. Не зря появилась в программах Союзного государства проблема союзных медиа: у нас просто не хватает возможностей доставки наших идей до аудитории. Не хватает детских и юношеских изданий, программ. Сейчас наше влияние сосредоточено на тех вещах, которые имеют прямую, быструю отдачу в аудитории, а на перспективу мы практически не работаем.

Если посмотреть рынок СМИ, то количество наших идеологических противников по количеству изданий, по количеству каналов в разы больше. Если суммировать все союзные СМИ, они не охватывают 1/3 от аудитории, которую охватывают наши противники. Причем на сегодняшний момент не хотелось бы использовать понятие «независимые СМИ», так как после 24 февраля независимых СМИ практически не

осталось. То, что сейчас происходит в политике, экономике, в идеологии и информационном пространстве, – это, с одной стороны, процесс негативизации, который запустили в отношении России и ее союзников, а с другой стороны, это полное отсутствие каких-то правил и нравственности. Поэтому мы сейчас находимся уже не в периоде «турбулентности», а в самом центре бури. Мы сейчас пытаемся найти какие-то резервные точки, какие-то материалы, за которые можно было бы ухватиться и сказать: «Давайте сейчас строить новые отношения с чистого листа». К сожалению, не успеваем и не можем сделать, и такие точки все сложнее находить.

Еще один важный аспект: русский язык. На сегодняшний день русский язык стал не просто инструментом коммуникации, он стал главной проблемной зоной, по которой проходит разделение на «своих» и «чужих». Мы сейчас делаем выводы о социальной, культурной принадлежности и образе мышления человека, даже его политической принадлежности по языку. С другой стороны, наши идеологические противники, когда ведут свою работу с массовой аудиторией, переходят на русский язык. Они не стесняются использовать его против нас. Это парадокс. Даже в Латвии людям, которым недавно запрещали устраиваться на работу, не сдав тест на латышский язык (да мигрантам из Украины), отменяют тест на латвийский язык и разрешают работать, пользоваться русским языком. При анализе содержательной стороны коммуникационных режимов важно учитывать, что язык на сегодняшний день становится главным маркером направленности режима.

Еще одно важное примечание: в наше время практически все крупные СМИ (классические, сетевые, телевизионные) не имеют географической обусловленности. Они могут собирать свою часть аудитории во всем мире. Этот аспект будет все сильнее характеризовать современные СМИ и все острее проявляться в коммуникационных режимах, что в итоге повысит значимость страновых коммуникационных режимов в формировании межстрановой, региональной (а возможно, и глобальной) повестки дня.

Обсуждение (Лазоркина О.И.)

Трансграничный характер коммуникационного режима в Беларуси определяет не только специфику и степень влияния внешних факторов на его становление и развитие. Данная характеристика имеет важное значение при разработке программ совершенствования коммуникационного режима с учетом динамики внутренних и внешних процессов. Необходимо обратить внимание на степень уязвимости белорусского общества, которое в течение нескольких столетий находилось под влиянием внешнего воздействия и выработало определенный уровень информационного «иммунитета» и стрессоустойчивости. В этой связи представляется важным комбинирование современных подходов и запросов самого общества на те или иные форматы взаимодействия.

Очевидно, что данная характеристика оказывает влияние на интерпретацию таких категорий, как доверие и общественный договор. В кризисных условиях тра-

диционные критерии замеров уровня доверия не в полном объеме отражают состояние общества. В условиях трансграничности существенное влияние оказывают такие параметры, как понимание внутреннего пространства страны, готовность защищать его и вывести в приоритет перед необходимостью изменения общественного договора.

В отношении специфики коммуникационного режима в Беларуси можно говорить о необходимости использования редуцированного анализа, который предполагает разделение целого на составные части и выявление тонких настроек стрессоустойчивого общества.

Обсуждение (Стоппе А.Г.)

Начну с прозвучавшего сегодня тезиса о том, что в Союзном государстве «нет единого информационного пространства, а есть общее». Если мы обратимся к Договору о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года, то статья 18 гласит, что к совместному ведению Союзного государства и государств-участников относится формирование общего информационного пространства. При этом в Программе действий по реализации этого Договора говорится об обеспечении единого информационного пространства. Конкретные мероприятия по решению этих задач определены Приоритетными направлениями Союзного государства на 2018–2022 годы, утвержденными Высшим Государственным Советом Союзного государства.

Дело не в терминах, а в сути. Суть же заключается в том, что общее информационное пространство России и Беларуси как равноправное и суверенное объединение информационных пространств двух государств реально существует. Его важнейшим фундаментом является социально-культурная общность: близость культур и истории, единство в восприятии мира, религия, система образования. Немалую роль играют средства массовой коммуникации и информации, формирование сходного общественного мнения по политическим, экономическим и социальным вопросам. При этом с учетом принятия 28 Союзных программ, открывающих новый исторический этап экономической интеграции Беларуси и России, необходимо ускорить работу по формированию единого информационного пространства при обеспечении его безопасности от внешнего разрушительного воздействия в условиях гибридной войны, начатой коллективным Западом против наших стран.

Откровенный обстоятельный разговор о дальнейших шагах по развитию взаимодополняющего единого коммуникационного пространства России и Беларуси состоялся в ноябре 2021 года в рамках белорусско-российского экспертно-медийного форума «Союзное государство: информационное пространство в цифровую эпоху».

Интернет сегодня стал такой же неотъемлемой частью современной комфортной жизни, как электричество и горячая вода, что особенно показала пандемия ко-

ронавируса. Доступность Интернета, беспрецедентный рост его аудитории, востребованность социальных сетей определяют новую реальность для традиционных СМИ в информационном пространстве. Необходимо учитывать, что Интернет все больше начинает напоминать «липкую паутину» за счет фейкового и токсичного контента.

Современная информация, как и дезинформация – трансграничны, поэтому создание единого информационного поля, в не меньшей степени, чем оборонного или экономического, имеет стратегическую и политическую важность для России и Беларуси, для Союзного государства.

Именно в этих целях Государственным секретарем Союзного государства Д.Ф. Мезенцевым было предложено создание медиахолдинга. Он должен позволить предоставлять объективную, доверительную и взаимодополняющую информацию, цементировать единое информационное пространство.

В Союзном государстве есть общие СМИ – это газеты «Союзное вече» и «Союз. Беларусь – Россия», журнал «Союзное государство», портал Союзного государства и телерадиовещательная организация Союзного государства «БелРос». У них имеются и свои плюсы, и свои минусы, накоплена колоссальная база – архивная и информационная.

Создание медиахолдинга позволит усилить плюсы и избавиться от многих минусов, например, вывести технологическую базу на новый современный уровень. Кроме того, он должен продвигать союзную повестку в жестких условиях гибридной и информационной войны.

При этом вместо приукрашенного, зачастую скучного, пассивного формата подачи информации об успехах и проблемах союзного строительства необходима активная, наступательная позиция, причем не только в формате Союзного государства, но и Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств.

Еще один тезис, обсуждавшийся сегодня, на котором я хотел бы акцентировать внимание – это тезис о «сохраняющейся простоте управления при усложняющемся обществе», что приводит якобы к потере эффективности этого управления.

Не могу согласиться с таким подходом. Например, симфонический оркестр – что может быть сложнее с точки зрения полифонии, настроек, согласованности музыкантов? А выходит дирижер – только с простой палочкой – и звучит музыка с множеством тем, акцентов, акупунктур. Значит дело не в простоте управления, а в его эффективности, профессионализме, взаимопонимании и доверии. Чтобы этого добиться, нужны в том числе коммуникационные связи, объединяющие общество, власть, государство в единый организм.

Нет более сильной, объединяющей народы силы, чем язык. Борьба на Украине с русским языком – ярчайшее доказательство этого тезиса «от противного».

Представляется, что эта тема важна и для коммуникации в области православной религии, объединяющей россиян и белорусов. На каком языке в Беларуси ксендзы ведут службу в своих костелах? Не только на латинском или польском, но и на белорусском, а сегодня – зачастую и на русском.

Старославянский язык лежит в основе всех трех восточнославянских языков, но сегодня он труден для восприятия, особенно для молодежи. Приходит молодой человек в церковь, начинает слушать службу и мало что понимает. Разворачивается и уходит. Это тоже вопрос коммуникационного режима, причем в духовной области, объединяющей народы Беларуси и России.

Накануне Дня единения народов Беларуси и России 31 марта 2022 года состоялся экспертно-медийный форум «Союзное государство: экономическая интеграция – задачи развития». Одна из его секций была полностью посвящена молодежи. Она так и называлась: «Роль молодежи в сохранении исторического наследия».

Один из основных выводов секции – не надо относиться к молодежи только как к будущему, она – наше настоящее, она – здесь и сейчас. Для нее информационное пространство стало естественной средой обитания, а коммуникации – основным средством общения, причем как со знаком плюс, так и минус. Особенно это характерно для поколения, родившегося в начале века – так называемого поколения Z.

В этой связи коммуникационный режим страны должен анализироваться, формироваться, корректироваться с учетом молодежного фактора. Особенно это важно сейчас, когда внешние – можно уже с определенностью говорить – враждебные России и Беларуси силы делают все, чтобы продвигать свои ценности, включая дискредитацию патриотизма, приоритет личных выгод и комфорта собственной жизни над интересами своей Отчизны и ее суверенитетом. При этом активно используются современные виртуальные технологии, технологические преимущества, многолетний опыт проведения рекламных кампаний и т.д.

Надо активно этому противостоять, тем более возможности и время еще не упущены.

Выступая на экспертно-медийном форуме Союзного государства, спецпредставитель МИД России Мария Захарова привела слова святителя Тихона Задонского: «Как маленькое деревце, к какой стороне наклонено будет, так и до конца будет расти, так и молодой отрок чему сначала наставлен будет, к тому и до кончины своей жизни склонность будет иметь».

Уверен, что эти слова имеют прямое отношение не только к молодежи, но и к формированию коммуникационной среды, которая оказывает колоссальное влияние на устойчивое развитие государства. Поэтому анализ и исследование тенденций изменения коммуникационных режимов – не только предмет научных исследований, но и важнейшая политическая и прикладная задача.

Выводы

Анализ соотношения политического и коммуникационного режимов показывает, что коммуникационный режим является более широким системным понятием

и позволяет более комплексно охарактеризовать общественно-политические взаимодействия в государстве. Как исследовательская категория коммуникационный режим позволяет анализировать роль, значение, характер и содержательные особенности коммуникации между разными институтами и социальными группами. В практическом плане коммуникационный режим представляет собой политико-правовую рамку и инструмент регулирования процессов ограничения, продвижения (а в кризисных условиях – пропаганды) определенных смыслов, норм и принципов.

Управляемость коммуникационного режима, по своей сути, – это мера контроля со стороны управляющего центра (субъектов управления, принимающих решения в отношении правил и институтов коммуникации) при добровольном согласии объектов управления со степенью своей автономности и подчиненности. В основу методики анализа положен ряд значимых параметров управляемости: 1) место нахождения центра управления коммуникационным режимом; 2) степень конвенциональности центра управления коммуникационным режимом; 3) способность и возможность центров управления коммуникационным режимом бесконфликтно перевести его из одного состояния в другое; способность достигать контролируемых параметров коммуникационного режима; способность использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления. Результаты исследования параметров управляемости на примере коммуникационного режима Беларуси позволили сделать следующие выводы:

- центр управления коммуникационным режимом Беларуси находится внутри страны и концентрируется в системе высшего руководства страны. Правила и нормы законодательно закреплены. Неформальные нормы не играют такой существенной роли, как, например, в странах Центральной Азии. Для поддержки коммуникационного режима создана система массмедиа, а также органы контроля и минимизаций отклонений режима от заданных параметров;
- целевые параметры коммуникационного режима Беларуси обозначены в стратегических государственных документах и в целом сводятся к обеспечению информационного суверенитета, информационного нейтралитета, оптимизации системы взаимодействия власти и общества;
- несмотря на высокую концентрацию управления коммуникациями в системе высшего руководства, центр управления координирует свою политику в информационной сфере с российской стороной, что обусловлено интеграционными процессами и необходимостью координации усилий по противодействию внешним влияниям;
- создание альтернативных центров управления коммуникационными режимами и их попытки перехватить управление и доминировать в системе коммуникаций и информации оказались безуспешными. Тем не менее они продолжают существовать (с локацией за рубежом);
- в настоящее время центр управления белорусским коммуникационным режимом способен относительно бесконфликтно переводить режим из одного

состояния в другое, изменять целевые параметры коммуникационного режима и модернизировать инструменты их достижения;

- наиболее уязвимым параметром коммуникационного режима являются механизмы коммуникации власти и общества, а именно – недостаточность вовлечения в коммуникацию с властью самоорганизующихся сообществ и коммуникационных сетей (которые нередко нормативно не институционализированы и, следовательно, трудно поддаются контролю и регулированию). Речь идет о гражданских самоорганизациях, собравшихся в том числе на основе неполитических интересов.

Коммуникационный режим, как и политический режим, является отражением той ситуации, в которой живет государство и общество. Тенденции к усилению регулирования коммуникационного режима, концентрации управления в высших политических кругах, изменению целевых параметров (доминанта информационного суверенитета), выявленные НИИРК, обусловлены реальностью, в которой находится Беларусь. А именно – в условиях сильного внешнего давления приоритет отдан безопасности государства и общества.

Существенной характеристикой коммуникационного режима Беларуси является трансграничность, которая исторически предопределила степень уязвимости белорусского общества и выработала некий уровень информационного «иммунитета» и информационной стрессоустойчивости. Трансграничность предопределяет некоторую специфику оценок общественного доверия: в условиях кризиса традиционные критерии оценки уровня доверия неточно отражают реальное состояние общества. В условиях трансграничности существенное влияние оказывают такие параметры, как готовность защищать внутреннее пространство страны.

Особенности коммуникационного режима Беларуси имеют историческую обусловленность. Особенности климата, почвы, хозяйственной жизни, географического расположения Беларуси предопределили то, что эволюция коммуникационного режима осуществлялась в условиях противоречий двух тенденций: 1) развитие системы вертикальных коммуникаций, характерных для стран с институциональной матрицей, где доминируют редистрибутивные институты, и 2) системы горизонтальных коммуникаций, что характерно для стран с доминированием рыночных институтов в институциональной матрице. Как следствие, сформировались два ядра коммуникационного режима, одно из которых связано с католической церковью, что обуславливает невозможность выстраивания в Беларуси жесткой, абсолютно контролируемой властью иерархической коммуникационной модели.

В формировании коммуникационных режимов ряда стран существенную роль играет религиозный фактор. Уникальность Беларуси состоит в том, что в Конституции Республики закреплено понятие традиционных конфессий. То есть значимость конфессии обусловлена ее влиянием на историческое, духовное и культурное развитие белорусского народа. К таким конфессиям относится христианство, иудаизм и ислам. По мнению ряда участников дискуссии, этот фактор важно учитывать при исследовании коммуникационного режима. По мнению других ученых несмотря на

то, что территория нынешней Беларуси всегда находилась и находится на цивилизационном рубеже и исторически она испытывала влияние западного католичества, все же не стоит переоценивать влияние религиозного фактора. К тому же конфессии не располагают своими собственными СМИ на таком уровне, как «Спас» в России. В современном обществе значительно более значимый раскол в оценках норм и правил коммуникации наблюдается среди городского и сельского населения (а не среди людей разных конфессий). Именно это требует серьезного социологического исследования и осмысления.

Содержательная сторона коммуникационного режима тесно связана с вопросами исторической памяти. В Беларуси, исторически испытывающей воздействие как с Запада, так и с Востока, выделяются две основные точки, оказывающие влияние на развитие белорусской государственности: 1) самостоятельный восточноевропейский национальный проект (краевость); 2) Беларусь – часть большого русского проекта (западнорусизм). Доминирование той или иной точки зрения определяется политическими элитами и нередко зависит от конкретного исторического контекста. Иногда актуализируются некоторые смысловые «закладки», имеющие не только интеграционный, но и конфликтный потенциал. В таких ситуациях возникают угрозы концептуальной целостности интеграционного проекта России и Белоруссии. Поэтому вопросы исторической памяти требуют постоянного внимания со стороны политического, академического и экспертного сообщества двух стран.

Вопросы исторической памяти находятся в зоне научных интересов Белорусского государственного университета. Их исследования показывают, что в современных условиях происходит «перезагрузка» ценностей, формирование новых представлений о социальных институтах, гражданском секторе, образовании, массмедиа и др. Наиболее значимым изменениям подвергается принцип преемственности коммуникации поколений. Наблюдаются различия между послевоенным поколением (1943–1963); советским (1963–1983); поколением перестройки (1983–2003); поколением постперестройки (2003–2023). Для установления преемственности поколений наиболее результативны, по мнению исследователей, является участие молодежи в коммеморативных практиках с использованием историко-культурного наследия. Это позволяет выделить характерные черты, влияющие на формирование исторической памяти: коллективность, эмоциональность, сакральность, направленность на прошлое.

В поддержке и одновременно в формировании странового коммуникационного режима большую роль играют СМИ и новые медиа. Обобщая мнения участников дискуссии, обозначим ключевые проблемы Беларуси в этом сегменте: 1) недостаточность СМИ, работающих «на перспективу» и социализирующие детей и подростков (в Республике практически нет качественных детских и юношеских СМИ); 2) в открытом информационном пространстве количественно преобладают СМИ и проекты новых медиа идеологических противников действующего коммуникационного режима Беларуси (все союзные СМИ не охватывают и 1/3 от аудитории, которую охватывают наши противники); 3) низкая популярность союзных СМИ. За годы союзной

интеграции сложилось общее информационное пространство России и Беларуси как равноправное и суверенное объединение информационных пространств двух государств. Ключевое значение в его развитии играют союзные СМИ (газеты «Союзное вече» и «Союз. Беларусь – Россия», журнал «Союзное государство», портал Союзного государства и телерадиовещательная организация Союзного государства «БелРос»), которые накопили большие архивы информации. Однако эти СМИ не являются рейтинговыми; 4) неразвитость системы национальных белорусских СМИ; 5) трудность верификации достоверности информации, поступающей в общество по каналам новых медиа и социальных сетей.

Для развития дружественного коммуникационного режима существенную роль играет сохранение русского языка как языка коммуникации и сохранение социально-культурной общности России и Беларуси.

Список источников

1. Кирдина, С.Г. (2014), Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory], СПб.: Нестор История.
2. Комлева, В.В. (2021), «Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен» [Country Communication Mode as a Socio-political Phenomenon]. Россия и мир: научный диалог, т. 1, No 1, с. 13-26.
3. Комлева, В.В., Шевелева, Ю.П. (2022), «Рейтинг дружественности страновых коммуникационных режимов – 2021» [«Rating of Friendliness of Country Communication Modes – 2021»]. Россия и мир: научный диалог, No 1 (3), с. 216-223.
4. История белорусской государственности : в 5 т. (2020) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; [редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2018–2020. – 5 т.
5. Gasumyanov, V.I., Komleva, V.V. (2020), «Communication Modes as a New Scientific Category». Communicology, vol. 8, no. 3, pp. 43-50.
6. North, D.C. (1991), «Institutions». Journal of Economic Perspectives, vol. 5, no. 1, pp. 97-112.

Информация об авторах

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru.

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: 220070, Республика Беларусь, г. Минск, Партизанский пр., 26. barakhvostov@yandex.by.

КАЛАЧЕВА Ирина Ивановна. Доктор исторических наук. Профессор. Профессор Белорусского государственного университета. Главный редактор научного журнала «Современная молодежь и общество». Адрес: 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4. irakalachova@yandex.ru.

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович. Доктор экономических наук. Профессор. Руководитель Центра белорусских исследований Института Европы Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>. Адрес: 125009, Российская Федерация, Москва, Моховая ул., 11, стр. 3В. mez13@mail.ru.

РОГАЛЬСКИЙ Станислав Геннадьевич (Священник Святослав Рогальский). Кандидат богословия. Доцент кафедры библеистики и богословия Минской духовной академии, преподаватель Института теологии Белорусского государственного университета, председатель

Международного общественного объединения «Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла». Адрес: 220002, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Киселева, 38, к. 317. sviatoslavr@mail.ru.

ВОРОТНИКОВ Владислав Владиславович. Кандидат исторических наук. Директор Центра европейских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России. Руководитель Центра прибалтийских исследований Института Европы Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>. Адрес: 119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76. vorotnikov.vladislav@gmail.com.

КАЧУРА Андрей Григорьевич. Руководитель корпоративного центра МИА «Россия сегодня» в Республике Беларусь. Адрес: 220002, Республика Беларусь, Минск, ул. Коммунистическая, 86. office@sputnik.by.

ЛАЗОРКИНА Ольга Игоревна. Кандидат исторических наук. Доцент. Аналитик Белорусского института стратегических исследований. Адрес: 220004, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Победителей, 7. lazorкина@tut.by.

СТОПЕ Александр Георгиевич. Советник Государственного секретаря Союзного государства. Профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. Член Межакадемического совета по вопросам развития Союзного государства. Адрес: 119034, Российская Федерация, г. Москва, Еропкинский пер., 5, стр. 1. As.xxsg@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в подготовку статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 апреля 2022. Одобрена после рецензирования: 3 мая 2022. Принята к публикации: 29 мая 2022. Опубликована: 27.06.2022

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Kirdina, S.G. (2014), Institutional Matrices and the Development of Russia: An Introduction to X-Y theory. St. Petersburg: Nestor Istoriya. (In Russian)
2. Komleva, V.V. (2021), Country Communication Mode as a Socio-political Phenomenon. Russia and the World; scientific Dialogue, vol.1, No. 1, pp.13-26. (In Russian)
3. Komleva V.V., Sheveleva Y.R. (2022), Rating of Friendliness of Country Communication Modes – 2021. Russia and the World: Scientific Dialogue, No. 1(3), pp. 216-223. (In Russian)
4. The history of the Belarusian statehood : in 5 volumes (2020) / National Academy of Sciences of Belarus, Institute of History; [editor: A. A. Kovalenya (Chief Editor), etc.]. – Minsk : Belarus. navuka, 2018-2020. – 5 t.
5. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. (2020), Modes of communication as a new scientific category. Communicology, volume 8, No. 3, pp. 43-50. (In Russian)
6. North, DC (1991), «Institutes». Journal of Economic Perspectives, Volume 5, No. 1, pp. 97-112.

About the authors

Valentina V. KOMLEVA. DSc(Soc.) . Deputy director on scientific work of the National Research Institute of Communication Development; Chief of the Department of foreign regional studies and international cooperation of the Russian academy of national economy and public administration under the President of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: 22/1, Korobeinikov per, Moscow, 119571, Russian Federation, komleva@nicrus.ru.

Pavel A. BARAKHVOSTOV. DSc (Hist.). Docent. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State University of Economics. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26 Partizansky Ave., Minsk, 220070, Republic of Belarus. barakhvostov@yandex.by.

Irina I. KALACHEVA. DSc (Hist.). Professor. Professor, Belarusian State University. Editor-in-chief of the scientific journal «Modern Youth and Society». Address: 4, Independence Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus, irakalachova@yandex.ru.

Nikolay M. MEZHEVICH. DSc (Econ.). Professor. Head of the Center of Belarusian Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>. Address: 11 Mokhovaya str., p. 3B, Moscow, 125009, Russian Federation, mez13@mail.ru.

Stanislav G. ROGALSKY (Priest Svyatoslav Rogalsky). CandSc (Theology). Associate Professor, Department of Biblical Studies and Theology of the Minsk Theological Academy, lecturer at the Institute of Theology of the Belarusian State University, Chairman of the International Public Association «Christian Educational Center named after Saints Methodius and Cyril». Address: room 317, 38, Kiseleva str., Minsk, Republic of Belarus, 220002, sviatoslavr@mail.ru.

Vladislav V. VOROTNIKOV. CandSc (Hist.). Director of the Center for European Studies of the Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russian Foreign Ministry. Head of the Center for Baltic Studies of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>. Address: 76, Vernadsky ave., Moscow, 119454, Russian Federation, vorotnikov.vladislav@gmail.com.

Andrey G. KACHURA. Head of the MIA «Russia Today» office in the Republic of Belarus. Address: office@sputnik, 86 Kommunisticheskaya str., Minsk, 220002, Republic of Belarus. office@sputnik.by.

Olga I. LAZORKINA. CandSc (Hist.) Docent. Analyst at the Belarusian Institute for Strategic Studies. Address: 7 Pobediteley Ave., Minsk, 220004, Republic of Belarus. lazorkina@tut.by.

Alexander G. STOPPE. Councilor of the State Secretary of the Union State. Professor, Department of International Relations and Russia Foreign Policy, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Member of the Interacademic Council for the Development of the Union State. Address: 5, p. 1, Eropkinsky lane, Moscow, 119034, Russian Federation, as.xxsg@yandex.ru.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: April 18, 2022. Approved after peer reviewing: May 3, 2022. Accepted for publication: May 29, 2022. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных
отношений и внешней
политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of
international relations
and foreign policy

...Беларусь и поныне подвержена одновременно двум влияниям: западному с его открытым коммуникационным режимом и восточному, для которого характерны более закрытые страновые коммуникационные режимы. Вследствие диффузии институтов в белорусском коммуникационном режиме сформировалось не одно, как обычно, а два ядра, связанные с католической и православной церквями...

Барахвостов П.А.

Формирование и эволюция русских фронтиров

Энергетический переход и создание необходимой для него инфраструктуры, вероятно, требует больше времени, чем заложено в предполагаемых целях ООН. Форсирование процесса, в особенности в развивающихся государствах, может привести к новым внутренним кризисам энергии, как случилось в Китае в 2021 году.

Дорохина К.М.

Влияние газового кризиса 2021–2022 годов на энергетическую устойчивость и реализацию климатических обязательств крупнейшими эмитентами углекислого газа

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Формирование и эволюция русских фронтиров

Павел Александрович Барахвостов✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь,
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация: Показано, что формирование русских фронтиров было обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечения безопасности своих рубежей. Выделены и охарактеризованы периоды в их эволюции. Установлено, что первая стадия (формирование военного фронта) связана с постройкой укрепленных линий и переселением на огороженные ими земли казаков и крестьян. Вторая стадия – оформление юридического статуса фронтирных территорий и установление особых военизированных форм управления. Третья стадия характеризуется, наряду с трансплантацией на новые земли институтов редиистрибутивного типа, доминировавших в институциональной матрице России, возникновением и распространением здесь рыночных институтов, что обусловило пространственную неоднородность российской институциональной матрицы. Заключительная стадия – дефронтиризация, для достижения которой задействовались различные инструменты: совершенствование материально-технологической среды приобретенных территорий, встраивание их в общеимперское правовое поле, распространение православия и сферы применения русского языка, экономическое стимулирование государством русской колонизации, социализация местных элит и их привлечение к процессу управления новыми землями. На всех стадиях эволюция фронтирных территорий управлялась российским государством, причем проводимая политика выстраивалась на принципах диалога с автохтонным населением. Наличие фронтиров тормозило переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, переориентировало империю на самодостаточный вариант развития, обусловило особый, российский путь модернизации.

Ключевые слова: фронт, колонизация, институциональная среда, институциональная матрица, Российская империя

Для цитирования: Барахвостов П.А. Формирование и эволюция русских фронтиров // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 166-177, [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)

Formation and evolution of russian frontiers

Pavel A. Barakhvostov✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus,
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. It is shown in the article that the formation of Russian Frontiers was carried out primarily due to the need to ensure the security of the borders. Periods in their evolution are identified and characterized here. It is established that the first stage (the formation of a military frontier) is associated with the construction of fortified lines and the relocation of Cossacks and peasants to the lands fenced by them. The second stage is the registration of the legal status of frontier territories and the establishment of special paramilitary forms of the government. The third stage is characterized, along with the transplantation of redistributive-type institutions that dominated the institutional matrix of Russia to new lands, by the emergence and spread of market institutions here, that caused the spatial heterogeneity of the Russian institutional matrix. The final stage is defrontization, various tools were used to achieve it: improvement of the material and technological environment of acquired territories, embedding them in the general imperial legal field, spreading Orthodoxy and Russian language, economic stimulation of Russian colonization by the state, socialization of local elites and their involvement in the process of managing new lands. At all stages, the evolution of frontier territories was governed by the Russian state, and the policy was based on the principles of dialogue with the autochthonous population. The presence of frontiers hindered the transition from extensive to intensive methods of space exploration, reoriented the empire to a self-sufficient development option, and determined a special, Russian path of modernization.

Keywords: frontier, colonization, institutional environment, institutional matrix, Russian Empire

For citation: Pavel A. Barakhvostov. Formation and evolution of Russian frontiers // Russia & World: Scientific Dialogue. 2022. No. 2(4). pp. 166-177, [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)

Введение

Геополитические и геоэкономические трансформации последних десятилетий актуализировали проблему исследования фронтиров и их роли в генезисе социальных систем. Существует множество определений данного концепта. В соответствии с классическими работами Ф. Тернера (27), фронт – это особый вид границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение. Р. Биллингтон трактует фронт как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» (21). И. Я. Левяш отмечает, что «фронт – это взаимопр-

никновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» (7, с. 194). В отличие от межгосударственной, четко выраженной границы, это «размытая область переменной ширины» (26), характеризующая культурной мозаичностью, «неустойчивым равновесием» (4, с. 82), особыми социальными условиями. Фронтир является одновременно историческим процессом и определенным пространством, то есть обладает пространственно-временными характеристиками (19).

Наличие подобной «области неопределенности» на территории, занимаемой социумом, оказывает значительное влияние на траекторию его развития. На протяжении столетий Россия существовала в условиях продолжавшегося расширения страны, присоединения новых земель и их освоения (17; 5; 15; 13; 9; 18; 22). Это определило характер российской модернизации, которую И.В. Побережников охарактеризовал как «фронтирную» (12).

Однако, несмотря на повышенный интерес к данной проблематике, ряд вопросов остается слабо изученным. Среди них – проблема эволюционирования этой «зоны неопределенности», выявления общего и особенного в данном процессе для конкретных кейсов. Ее решению и посвящена настоящая работа, в которой анализируется феномен русского фронтира.

Материалы и методы

Методологической основой настоящей работы является исторический неинституционализм, в соответствии с которым общество представляет собой целостное интегрированное образование взаимосвязанных и взаимозависимых равнозначных подсистем: экономической, политической, социокультурной (11). Вся структура регулируется сложной системой институтов, понимаемых как «правила игры», структурирующие социальное действие (24, р. 97), в которой можно выделить базовые институты, образующие институциональную матрицу (6). В ней одновременно присутствуют два основных типа институтов, взаимодействующих между собой по принципу «доминантность – компенсаторность» (25, р. XIX): редистрибутивные и рыночные. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный / служебный труд, жалобы в виде обратной связи, унитарный политический строй и элементы коммунитарной идеологии (2). Модель рынка – это отношения купли-продажи, частная / личная собственность, наемный труд, прибыль как институт обратной связи, федеративные начала государственного устройства, превалирование элементов субсидиарного мировоззрения. Институциональная матрица не является застывшим конструктом: в ней происходят перманентные изменения, обусловленные, в частности, воздействием другой социальной системы при непосредственном слиянии социумов (20). Процесс эволюции фронтирных территорий связан со встраиванием их в институциональную матрицу социума-реципиента, что и будет проанализировано в данной работе.

Результаты исследования

Можно выделить различные виды фронтира. Одни из них (I типа) образовались как зона пространственного контакта «центров» силы, другие (II типа) – как «открытый» фронтир (23), пределами пространственного расширения которого являются естественные природные факторы.

Пример фронтиров I типа – размытая граница между Османской империей, с одной стороны, и Московским государством – с другой. Данные территории были пригодны для земледелия, скотоводства, промыслов и привлекали колонистов еще в эпоху Киевской Руси. Однако набеги степных кочевников превратили эти земли в практически безлюдную и плохо контролируемую территорию. Необходимость ее заселения была обусловлена в первую очередь соображениями безопасности.

К XVI веку форпостами Московии на этих территориях являлись засечные линии; в авангарде управляемой государством колонизации шли «вольные люди», привлекаемые выдачей денежных средств на переселение и строительство жилья, возможностью изменить свой социальный статус (вплоть до записи в категорию «детей боярских»). С целью наступления на необжитые земли в 1630–1650-х годах была построена линия укреплений – Белгородская черта, вблизи которой возводились города, ставшие опорой дальнейшей колонизации. После 1647 года расселение южнее черты было запрещено (8), однако значительные земли за линией укреплений сдавались местными воеводами в оброк в качестве бортных, рыбных и пушных угодий.

Среди переселенцев преобладали служилые мелкопоместные и беспоместные люди. Вотчинных владений на территории фронтира было чрезвычайно мало, причем почти до конца XVII века существовала система «заповедных городов» с запретом на дворянское землевладение.

Переселенцы выполняли две основные задачи: хозяйственное освоение новых земель и охрана южных рубежей. В результате на этих территориях возникло особое словие, состоявшее из военизированных землевладельцев, – однодворцы. Однодворцы имели право владения землей и крепостными крестьянами, были освобождены от телесных наказаний, как дворяне, однако, в отличие от них, платили налоги, в том числе на содержание ландмилиции (пограничного поселенного войска), где обязаны были нести службу. Селились однодворцы в слободах, во главе которых был назначаемый военным ведомством управитель. Особенности общественного строя однодворцев являлись: круговая порука, предполагавшая коллективную ответственность за уплату налогов, соблюдение строгой очередности при выборе низшего звена в управлении делами поселения; изолированность от других сословий.

Южный фронтир простирался с запада на восток, причем особое место занимал Дон – родина казачества. Первые казачьи поселения на фронтирных донских землях появились в XV веке. Первоначально казачье сообщество жило главным образом за счет охоты, рыболовства и разбоя, земледелие было запрещено. Тем не менее с самого начала оно зарекомендовало себя как сила, способная противостоять татаро-османской экспансии, что побудило царские власти активно использовать казаков для охраны южных рубежей.

Социум на Дону (Войско Донское) создавался на основе внесловных принципов: формирование элит осуществлялось по военным и политическим заслугам. Здесь мирно сосуществовали люди разных религиозных убеждений: мусульмане (донские татары, происходящие из ногайцев), православные. Войско Донское имело собственные, не подчиняющиеся Москве, выборные центральные и местные органы власти, проводило самостоятельную внешнюю политику. Московское государство осуществляло взаимодействие с донскими казаками через Посольский приказ, как с иностранными гражданами. Политика Москвы была двойственной. С одной стороны, она стремилась ограничить независимость донцев, прибегая к санкциям (в частности, блокированию Дона в середине 1660-х годов, введению в первой половине XVII века запрета казакам въезжать в крупные русские города (14; 1)). С другой стороны, она была заинтересована в казачестве как в мощной военной силе, следствием чего явилось установление жалования за оказание военных услуг.

Фронтирное положение сообщества, необходимость одновременного противостояния двум «центрам» силы (Османской империи и России) требовали сделать выбор дальнейшего пути развития. В 1671 году донское казачество присягнуло на верность российским государям. Процесс встраивания Войска Донского в институциональную матрицу империи включал: передачу Екатериной II всех донских земель Войску Донскому и превращение казачества в держателя земли на правах коллективного помещика, предоставление права беспошлинной торговли, исключительного права на рыбную ловлю, добычу соли на реке Маныч, освобождение от государственных податей и повинностей, подчинение военному ведомству (с 1721 года – Военной коллегии, с 1832 года – Департаменту военных поселений), переход от выборной к назначаемой системе управления и, наконец, превращение казачества Положением об управлении Войском Донским (1835) в «касту воинов» для защиты самодержавия.

В 1770–1780-е годы южный фронт сместился в Предкавказье и далее – к Большому Кавказскому хребту вплоть до столкновения с фронтами Турции, Персии и Крыма. Теперь соседями авангарда российской колонизации оказались не кочевники, а горские сообщества с развитой земледельческой культурой, но иной верой. Их нормы и традиции значительно отличались от русских, что обусловило ряд проблем при встраивании этих территорий в институциональную матрицу России.

Так же как и ранее, очагами российского влияния становились крепости (Кизляр, Моздок), служившие опорными точками для строительства целой военно-гражданской инфраструктуры, например, Азово-Моздокской укрепленной линии. Особенности колонизации Кавказа являлись: первичность административной колонизации над хозяйственным освоением (указами назначалось место расположения будущих административных центров); государственное регулирование колонизационных процессов, для чего использовался механизм стимулирующей обусловленности – выплаты и льготы переселенцам; центральная фигура русской колонизации – казак; сепарация колонистов и автохтонного населения (миграция горцев в предгорья Кавказа); высокий конфликтный потенциал колонизируемых территорий (набеги горцев), что обусловило особый тип администрирования (с 1822 года во главе администрации Кавказской области (прим. – административная единица на Кавказе) – командир войск Кавказской линии).

Особенности освоения обусловили рождение нового типа управления – военно-народного, в соответствии с которым территория делилась на округа, во главе которых стояли офицеры русской армии, однако в сельских обществах администрация опиралась на выборных старшин. Для закрепления на данных землях российские власти использовали ряд механизмов: социализация (изменение системы воспитания и образования горцев, обучение сыновей местных аристократов в русских военных училищах), оказание давления на автохтонное население путем введения монополии на торговлю солью.

К середине XIX века на Кавказе было учреждено наместничество, что отражало стремление самодержавия к централизации управления (административная система этих земель была подчинена непосредственно императору). Однако предоставленные кавказскому наместнику огромные права и полномочия превратили его из местного звена бюрократического имперского аппарата в самостоятельный центр власти. В 1882 году наместничества ликвидировались, и был взят курс на форсированную интеграцию Кавказского края с внутренними губерниями империи в рамках унифицированного административно-правового поля, что предполагало ограничение особых полномочий, предоставленных местным властным структурам, в пользу общеимперских государственных институтов. Ускоренная интеграция без учета специфики региона обусловила формирование и развитие на Кавказе антирусских настроений и ряда национальных движений.

Другим типом «зоны неопределенности» является восточный фронт. Начиная со второй половины XVII века власти Московского государства вкладывали огромные средства в постройку укрепленных линий (форпостов) на восточных рубежах. Это, в свою очередь, привело к переселению на земли, «огороженные» укреплениями, казаков и крестьян. Зона фронта оказалась областью соприкосновения различных жизненных укладов – оседлого (земледельческого) и кочевого (скотоводческого), что неизменно порождало конфликты. Однако это не приводило к «тотальной зачистке» местного населения российскими властями, которые стремились решить проблемы не военным, а экономическим путем. Объявив себя сувереном и собственником земли, Москва вместе с тем стремилась не нарушать традиционных форм землепользования, обеспечивая этим выполнение автохтонным населением их основной обязанности – уплаты ясака (налога) пушниной, причем его размер не превышал такового в «дороссийские» времена. Особенностью российского подхода было постепенное превращение форпостов военного назначения в административные центры с целью утверждения позиций империи в регионе.

Центральными фигурами колонизации на Востоке стали казак, крестьянин и ссыльный. При этом, в отличие от американского фронта, данным процессом руководили не частные фирмы, а государство, которое регулировало укомплектование штатов административных учреждений, размещение русских населенных пунктов (как правило, отделенных от мест проживания местного населения и расположенных в стратегически важных местах – вдоль трактов и пограничных линий), создавало для русских переселенцев защитную инфраструктуру. Здесь не было крепостного права. Законы колонизации требовали от ее участников предприимчивости, личной инициативы, способствуя тем самым появлению и распространению элементов субсидиарного мировоззрения – рыночных социокультурных институтов.

Административно-территориальное деление новых земель изменялось в соответствии с движением фронта на восток: вначале был освоен Урал, затем произошло разделение Сибири на Западную и Восточную, позднее выделился Дальний Восток. Изменялся и стиль администрирования. Примечательно, что в 1764 году Екатерина II велела именовать Сибирь Сибирским царством, подчеркивая происхождение этих территорий от татарского ханства и преемственность российского управления этими землями и традиции прежних правителей. Однако уже в 1782–1783 годах в регионе было введено наместничество, что свидетельствовало о начале применения к данным территориям общеимперских управленческих практик. В то же время удаленность фронтальных территорий обуславливала необходимость установления особых форм управления, предполагающих значительно большую самостоятельность в решении местных вопросов, чем разрешалось в Центральной России.

Для хозяйственного освоения фронтальных территорий была необходима развитая инфраструктура (в первую очередь за счет строительства железных дорог). Примечательно, что Россия, в отличие от Америки, делала упор на их линейную протяженность, а не на разветвленность. Административные пункты располагались, как правило, вдоль железнодорожных путей. Кроме того, их строительство (особенно Транссибирской магистрали) создало возможности для организации широкомасштабного экспорта сельхозпродукции. Наиболее высокими темпами в регионе росло производство животного масла, 80–90% которого вывозилось за границу. В 1909–1913 годах 16% мирового экспорта данного продукта и 60% российского были из Сибири (3, с. 161-162), чему способствовало государство, установившее льготные железнодорожные тарифы для перевозки этого товара.

Наряду с сельским хозяйством развивалась промышленность, особенно на Урале. Некоторые из земель, пожалованных грамотами XVI века (как, например, строгановские) и находившиеся первоначально на поместном, потом на вотчинном праве, в XIX веке приобрели статус майоратных (нераздельных), что свидетельствует о диффузии западноевропейских институтов. Пермское майоратное имение включало горнозаводские комплексы, обеспечивающие весь металлургический цикл, и давало их хозяевам огромную экономическую и политическую власть в регионе, относительную независимость от центральных властей.

Тем не менее, несмотря на продвижение фронта на восток вплоть до границ континента, новые территории были мало заселенными, что требовало более активного задействования механизма стимулирующей обусловленности. В качестве его инструментов П.А. Столыпинным было предложено распространить в Сибири права собственности на землю (закрепление рыночного института). Однако данное предложение, которое в случае его реализации обусловило бы значительную трансформацию редиистрибутивной институциональной матрицы с доминированием идеи общественного интереса над личным, было отвергнуто, поскольку такое землеустройство «прикрепит старожилы к месту и тем лишит его возможности выполнять свою культурную задачу» (10, с. 44) по освоению новых территорий.

И все-таки рыночные институты на этих землях формировались. С 1908 года сибирским переселенцам начинают отводить земельные участки не только для общинного владения, но под хутора. В общинах с уравнительным переделом начинаются размежевание земель и передача их в индивидуальное владение. Отметим, что процесс разложения общинного землевладения в Сибири проходил значительно быстрее, чем в России.

Обсуждение

Необходимым условием формирования фронта является возникновение «вакуума», отсутствие четких границ, что обуславливает возможность расширения занятого социальной системой пространства. Южные и восточные рубежи Московского государства в период его становления не были четко очерчены вследствие соседства с ним племенных группировок кочевых и полукочевых народов. Московия не могла защититься от постоянных набегов кочевников. Вследствие этого формирование русского фронта было обусловлено не столько возможностью экспансии, сколько необходимостью обеспечения безопасности своих рубежей.

Несмотря на несинхронность фронтальных процессов (различные времена формирования и скорости изменения), в эволюции русских фронтиров можно выделить несколько их стадий. Первая из них – формирование военного фронта, постройка укрепленных линий (форпостов) на южных и восточных рубежах, переселение на земли, «огороженные» укреплениями, казаков и крестьян. Особенность русского подхода – вступление в договорные отношения с автохтонным населением, встраивание российских институтов в их нормы и традиции. При этом укрепленные линии вместе с созданной для их функционирования инфраструктурой имели не только военное, но и политико-культурное назначение, являясь опорными пунктами для утверждения позиций империи в регионе.

Вторая стадия – переходный период, суть которого в оформлении юридического статуса фронтальных территорий и установлении особых форм управления. На фронтальных территориях предусматривалось нахождение постоянных и иррегулярных войск, а их глава (как правило, военный) наделялся гражданскими, военными и дипломатическими полномочиями (в круг его задач были включены: проведение пограничных линий, организация внутренних административных единиц и их разграничение и т.д.).

На землях русского фронта формировался стиль управления, отличный от такового в Центральной России: здесь чиновникам разрешалась значительно большая самостоятельность в решении местных вопросов. Отметим, что особенностью имперского управления являлось отсутствие единого центрального органа для управления всеми фронтальными территориями (16).

Третья стадия – трансплантация на новые земли экономических и социокультурных институтов редиистрибутивного типа, доминировавших в институциональной матрице России.

Вместе с тем в силу удаленности фронтальных территорий от центра и их выраженной экономической специализации на новых землях имело место укрепление рыночных

институтов, в частности, введение на Урале майората, хуторизация деревни, распространение элементов субсидиарного мировоззрения и т.д. Это обусловило возникновение пространственной неоднородности российской институциональной матрицы.

Заключительная стадия – дефронтризация (окончательное встраивание новых земель в институциональную матрицу империи). Для достижения этой цели задействовались различные механизмы и инструменты: совершенствование материально-технологической среды приобретенных территорий (создание развитой инфраструктуры, в первую очередь за счет строительства железных дорог), встраивание их в общеимперское правовое поле (унификация законодательства), распространение православия и сферы применения русского языка, экономическое стимулирование государством русской колонизации, социализация местных элит и их привлечение к процессу управления новыми землями, предоставление значительно больших прав местному самоуправлению, чем в центральных российских губерниях.

На всех стадиях эволюция фронтальных территорий управлялась российским государством, причем проводимая политика выстраивалась на принципах диалога с автохтонным населением. Тем не менее процесс дефронтризации был достаточно сложным. В случае фронта I типа его скорость определялась влиянием экзогенных (граничащих «центров силы») и эндогенных факторов (необходимостью встраивания институтов горских сообществ в российскую институциональную матрицу). Для открытого фронта главной проблемой стала малая заселенность и, как следствие, слабое хозяйственное освоение.

Выводы

Наличие обширных, богатых ресурсами (и, следовательно, экономически перспективных) фронтальных территорий в России, где развивались и укреплялись рыночные институты, обусловило наличие к началу XX века пространственной неоднородности российской институциональной матрицы. Дефронтризация требовала решительных действий (в частности, изменения принципов и форм землевладения, учета национальных особенностей и традиций (неформальных институтов) автохтонного населения), что еще более усугубило бы указанную неоднородность и могло привести к кризису. Это обусловило непоследовательную политику самодержавия и, как следствие, вялотекущую дефронтризацию.

В заключение отметим, что наличие южного и восточного фронтиров оказало колоссальное влияние на исторический путь России. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологические уклады в центре страны и транслировала их на периферию, переориентировала империю на самодостаточный вариант развития. Расширение вглубь евразийского континента, все дальше от моря и перекрестков западноевропейской цивилизации, привело к слабой вовлеченности России в международное разделение труда, слабому трансферу передовых западных технологий и в конечном итоге особому, российскому типу модернизации.

Список источников

1. Астапенко, М.П. (1992), Донские казаки: 1550–1920 [Don Cossacks: 1550 – 1920]. Ростов-на-Дону: Логос.
2. Барахвостов, П.А. (2021a), “Институциональный анализ интеграции земель Речи Посполитой в Российскую и Австрийскую империи” [Institutional Analysis of the Integration of Rzeczpospolita Lands into Russian and Austrian Empires]. Вестник МГИМО–университета, Т. 14, № 4, с. 51-69.
3. Горюшкин, Л.М. (1967), Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. [Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries. Late XIX – early XX Century]. Новосибирск: Наука.
4. Замятина, Н.Ю. (1998), “Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах” [The Development Zone (frontier) and its Image in American and Russian Cultures]. Общественные науки и современность, № 2, с. 75-88.
5. Зуев, А.С. (1999), “Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии” [The Specifics of the Annexation of Siberia in the Latest Russian Historiography]. Евразия: культурное наследие древних цивилизаций, Вып. 1, с. 124-136.
6. Кирдина, С.Г. (2014), Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory, СПб.: Нестор История.
7. Леваш, И.Я. (2016), “Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты” [Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges]. Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А.В. Данильченко. Минск: РИВШ, с. 193-196.
8. Мизис, Ю.А. (2012), Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе [Governor of the Moscow Kingdom R.F. Boborykin in the State Service]. Тамбов: Мичуринск, с. 219-220.
9. Мизис, Ю.А., Скобелкин, О.В., Папков, А.И. (2015), “Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII века” [The Theory of the Frontier and the South of Russia in the 16th – first half of the 18th Centuries]. Вестник Тамбовского университета, серия «Гуманитарные науки», Т. 20, № 10, с. 7-15.
10. Островский, И.В. (1991), Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма [The Agrarian Policy of Tsarism in Siberia During the Period of Imperialism]. Новосибирск: изд-во НГУ.
11. Парсонс, Т. (1996), “Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества” [Action Coordinate System and General Theory of Action Systems. Functional Theory of Change. The Concept of Society]. Американская социологическая мысль. Москва: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, с. 462-525.
12. Побережников, И.В. (2013), “Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен” [Frontier Modernization as a Russian Civilizational Phenomenon]. Россия реформирующаяся, Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф, с. 246-274.
13. Романова, А.П., Топчиев, М.С., Саракаева, Е.А. (2013), “Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронта (сравнительный анализ)” [Intercultural Communications on the Frontier and beyond the Frontier (Comparative Analysis)]. Каспийский регион: политика, экономика, культура, № 3, с. 298-303.
14. Тулаева, С.А. (2010), “Донское казачество в XVI–XVII вв. как автономная охранная организация” [Don Cossacks in the XVI–XVII Centuries as an Autonomous Security Organization]. Политика, № 2 (57), с. 66-74.
15. Тычинских, З.А., Буканова, Р.Г., Муратова, С.Р. (2018), “Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв.” [Peculiarities of Frontier in Ural and Western Siberia in 16th–18th Centuries]. Уральский исторический вестник, № 4, с. 89-95.
16. Сандерленд, В. (2010), “Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство” [Ministry of Asian Russia: Never Existed, but had every Chance for this Colonial Department]. Imperium inter pares: Роль трансфертов в Российской империи / под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. Москва: НЛО, с. 21-39.
17. Скобелев, С. (2002), “Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра” [Demography as politics. The Indigenous Population of Siberia as Part of the Russian Empire and the USSR: Population Dynamics as a Reflection of the Policy of the Center]. Ab Imperio, № 2, с. 149-190.
18. Хайдов, И.М. (2020), “Русский фронт на Тереке: фронтальная идентичность терских казаков в первой половине XIX в.” [Russian Frontier on the Terek: Frontier Identity of the Terek Cossacks in the First Half of the 19th Century]. Гуманитарные и социально-экономические науки, № 3, с. 54-58.
19. Якушенков, С.Н. (2016), “На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят” [On the Border, the Clouds Go Gloomy, the Ridge is Stern Silence Embraced], Journal of Frontier Studies, № 4,

с. 7-32.

20. Barakhvostov, P.A. (2021b), "The Remaking of Geopolitical Space and Institutional Transformations: The Case of The Baltic Region," *Baltic region*, Vol. 13, No. 3, pp. 42-57.
21. Billington, R.A. (1975), *America's Frontier Heritage*. University of New Mexico Press.
22. Khodarkovsky, M. (2002), *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
23. Ledonne, J. (1992), "The Frontier in Modern Russian History," *Russian History*, Vol. 19, No. 1/4, pp. 143-154.
24. North, D.C. (1991), "Institutions," *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 5, No. 1, pp. 97-112.
25. Polanyi, K. (1977), *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press.
26. Semple, E.C. (2015), *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>.
27. Turner, F.J. (1932), *The Significance of Sections in American History*. URL: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук, доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: 220070, Республика Беларусь, г. Минск, Партизанский пр., 26, barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 31 марта 2022. Принята к публикации: 1 апреля 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Astapenko, M.P. (1992), *Don Cossacks: 1550-1920*. Rostov-on-Don: Logos (in Russian).
2. Barakhvostov, P.A. (2021a), "Institutional Analysis of the Integration of Rzeczpospolita Lands in-to the Russian and Austrian Empires". *MGIMO Reviewer of International Relations*, Vol. 14, No. 4, pp. 51-69 (in Russian).
3. Barakhvostov, P.A. (2021b), "The Remaking of Geopolitical Space and Institutional Transformations: The Case of The Baltic Region," *Baltic region*, Vol. 13, No. 3, pp. 42-57. (in Russian).
4. Billington, R.A. (1975), *America's Frontier Heritage*. University of New Mexico Press.
5. Goryushkin, L.M. (1967), *Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries. Late XIX - early XX century*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
6. Khaidov, I.M. (2020), "Russian Frontier on the Terek: Frontier Identity of the Terek Cossacks in the First Half of the 19th Century". *The Humanities and Social-Economic Sciences*, No. 3, pp. 54-58 (in Russian).
7. Khodarkovsky, M. (2002), *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
8. Kirdina, S.G. (2014), *Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory*, Saint-Petersburg: Nestor Istoriya (in Russian).
9. Ledonne, J. (1992), "The Frontier in Modern Russian History," *Russian History*, Vol. 19, No. 1/4, pp. 143-154.
10. Levyash, I.Ya. (2016), "Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges". *Dialog kul'tur v jepohu global'nyh riskov* / by editor A.V. Danil'chenko. Minsk: RIVSh, pp. 193-196 (in Russian).
11. Mizis, Yu.A. (2012), *Governor of the Moscow Kingdom R.F. Boborykin in the State Service*. Tambov: Michurinsk, pp. 219-220 (in Russian).
12. Mizis, Yu.A., Skobelkin, O.V., Papkov, A.I. (2015), "The Theory of the Frontier and the South of Russia in the 16th - first half of the 18th Centuries". *Tambov University Review. Series Humanities*, Vol. 20, No. 10, pp. 7-15 (in Russian).

13. North, D.C. (1991), "Institutions," *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 5, No. 1, pp. 97-112.
14. Ostrovskiy, I.V. (1991), *The Agrarian Policy of Tsarism in Siberia During the Period of Imperialism*. Novosibirsk: izdatel'stvo NGU (in Russian).
15. Parsons, T. (1996), "Action Coordinate System and General Theory of Action Systems. Functional Theory of Change. The concept of Society". *Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'*. Moscow: Izd. Mezhdunarodnogo un-ta biznesa i upravlenija, pp. 462-525 (in Russian).
16. Poberezhnikov, I.V. (2013), "Frontier Modernization as a Russian Civilizational Phenomenon". *Rossija Reformirujushhajasja*, Issue 12 / by ed. M.K. Gorshkov. Moscow: Novyj hronograf, pp. 246-274 (in Russian).
17. Polanyi, K. (1977), *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press.
18. Romanova, A.P., Topchiev, M.S., Sarakaeva, E.A. (2013), "Intercultural Communications on the Frontier and Beyond the Frontier (Comparative Analysis)". *Caspian Region: Policy, Economics, Culture*, No. 3, pp. 298-303 (in Russian).
19. Sanderlend, V. (2010), *Ministry of Asian Russia: Never Existed, but had every Chance for this Colonial Department. Imperium inter Pares: Rol' transfertov v Rossijskoj imperii* / by ed. M. Aust, R. Vilpius, A. Miller. Moscow: NLO, pp. 21-39 (in Russian).
20. Semple, E.C. (2015), *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>.
21. Skobelev, S. (2002), "Demography as Politics. The Indigenous Population of Siberia as Part of the Russian Empire and the USSR: Population Dynamics as a Reflection of the Policy of the Center". *Ab Imperio*, No. 2, pp. 149-190 (in Russian).
22. Tulaeva, S.A. (2010), "Don Cossacks in the XVI-XVII Centuries. as an Autonomous Security Organization". *Politeia*, No. 2 (57), pp. 66-74 (in Russian).
23. Turner, F.J. (1932), *The Significance of Sections in American History*. URL: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>.
24. Tychinskikh, Z.A., Bukanova, R.G., Muratova, S.R. (2018), *Peculiarities of Frontier in Ural and Western Siberia in 16th-18th Centuries*. *Ural Historical Journal*, No. 4, pp. 89-95 (in Russian).
25. Yakushenkov, S.N. (2016), "On the Border, the Clouds Go Gloomy, the Edge is Stern Silence Embraced". *Journal of Frontier Studies*, No. 4, pp. 7-32 (in Russian).
26. Zamyatina, N.Yu. (1998), *The development zone (frontier) and its image in American and Russian. Social Sciences and Contemporary World*, No. 2, pp. 75-88 (in Russian).
27. Zuev, A.S. (1999), "The Specifics of the Annexation of Siberia in the Latest Russian Historiography". *Evrzija: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij*, Issue 1, pp. 124-136.

About the author

BARAKHVOSTOV Pavel Aleksandrovich. PhD (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26 Partizanskiy Avenue, 220070 Minsk, Belarus, barakhvostov@yandex.by.

Contribution of the author

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: March 28, 2022. Approved after peer reviewing: March 31, 2022. Accepted for publication: March 1, 2022. Published: 27.06.2022.
The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
История международных отношений и внешней политики
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья
УДК 620.9:551.583

Исторические науки

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-178-201](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-178-201)

Влияние газового кризиса 2021–2022 годов на энергетическую устойчивость и реализацию климатических обязательств крупнейшими эмитентами углекислого газа

Ксения Михайловна Дорохина ✉

Журнал «Вестник международных организаций», Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»
kseniadorokhina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4270-4236>

Аннотация. В соответствии с Парижским соглашением по климату, 193 государства взяли на себя обязательства по сокращению выбросов углекислого газа и адаптации к изменению климата. Почти половина из них к настоящему моменту приняла программы по достижению углеродной нейтральности. В прошлом году, к проведению 26-й Конференции ООН по климату в Глазго, многие ведущие эмитенты CO₂ значительно усилили свои климатические цели. Однако стремление ко все большему сокращению ископаемой и атомной энергетики в пользу «чистых» источников столкнулось в 2021 году со всемирным энергетическим кризисом, поставившим под вопрос устойчивость энергосистем, заточенных под достижение климатических задач. Целью настоящего исследования является выявление взаимосвязи стремительного роста цен на природный газ с реализацией климатических обязательств и национальных планов государств, зависимых от импорта природного газа. Автор анализирует отражение энергокризиса на ценах на газ, а затем на примере развитых и развивающихся государств из числа крупнейших эмитентов углекислого газа отслеживает влияние данного роста цен на реализацию ими климатических обязательств. Автор на основе статистических данных изучает энергобаланс Китая, Японии, Индии и Германии, его уязвимость перед газовыми

ценами, реакцию энергосистем на кризис и последующие меры государств по его смягчению с точки зрения следования климатическим парадигмам (в частности, отказа от угля). В результате исследования автор приходит к выводу, что государства-эмитенты в условиях кризисов вынуждены частично отступить от своих прежних климатических мер, соответственно, реализация ими своих амбициозных климатических обязательств, не учитывающих подобные риски, оказывается под вопросом.

Ключевые слова: климатические обязательства, ОНУВ, энергетическая безопасность, природный газ, возобновляемая энергетика, импортозависимость

Для цитирования: Дорохина К.М. Влияние газового кризиса 2021–2022 годов на энергетическую устойчивость и реализацию климатических обязательств крупнейшими эмитентами углекислого газа // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 178–201. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-178-201](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-178-201)

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-178-201](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-178-201)

The impact of the gas crisis of 2021–2022 on energy sustainability and the implementation of climate commitments by the largest emitters of carbon dioxide

Ksenia M. Dorokhina ✉

Journal «Bulletin of International Organizations», National Research University
«Higher School of Economics»
kseniadorokhina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4270-4236>

Abstract. Under the Paris Climate Agreement, 193 states have committed themselves to reducing carbon emissions and adapting to climate change. Almost half of them have now adopted programs to achieve carbon neutrality. Last year, leading up to the 26th UN Climate Conference in Glasgow, many of the leading CO₂ emitters stepped up their climate targets significantly. However, the desire to increasingly reduce fossil and nuclear energy in favor of «clean» sources has collided in 2021 with a global energy crisis that has called into question the sustainability of energy systems tailored to achieve climate goals. The purpose of this study is to identify the relationship between the rapid growth in natural gas prices and the implementation of climate commitments and national plans of states dependent on natural gas imports. The author analyzes the impact of the energy crisis on gas prices, and then, using the example of developed and developing countries among the largest emitters of carbon dioxide, monitors the impact of this price increase on the implementation of their climate obligations. Based on statistical data, the author studies the energy balance of China, Japan, India and Germany, its vulnerability to gas prices, the

reaction of energy systems to the crisis and the subsequent measures of states to mitigate it in terms of following climate paradigms, in particular, abandoning coal. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the issuing states in times of crises are forced to partially deviate from their previous climate measures, respectively, the implementation of their ambitious climate commitments that do not take into account such risks is in question.

Keywords: climate commitments, NDC, energy security, natural gas, renewable energy, import dependence

For citation: Ksenia M. Dorokhina. The Impact of the Gas Crisis of 2021–2022 on Energy Sustainability and the Implementation of Climate Commitments by the Largest Emitters of Carbon Dioxide. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 178–201. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-178-201](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-178-201)

Введение

С момента вступления в силу Парижского соглашения по климату коренным образом изменилось понимание роли, которую возложенные государствами-участниками обязательства могут оказать на мировую экономику.

Парижское соглашение подписали 193 государства, 194 страны (включая Эритрею, не являющуюся участником Парижского соглашения¹) представили определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ) – планы действий по сокращению выбросов и адаптации к изменению климата². К концу Конференции ООН по изменению климата в Глазго (COP26) 151 страна представила обновленные климатические планы (на март 2022 года их количество выросло до 156 государств)³.

И.А. Степанов, Н.Д. Агикян и Е.Э. Музыченко выделяют следующие факторы, влияющие на климатическую амбициозность государств (4):

- уязвимость к глобальному изменению климата;
- уровень социально-экономического развития;
- энергетическая политика (например, импортоориентируемость в энерго-снабжении);
- проблема загрязнения воздуха;
- специализация стран на добыче и экспорте ископаемого топлива.

Авторы выделяют следующие кластеры государств по степени амбициозности климатических обязательств:

1. Кластер «Очень богатые и энергодефицитные» (например, Австрия, Германия, Дания, Ирландия).

2. Кластер «Обеспеченные и крайне энергодефицитные» (например, Греция, Испания, Италия, Кипр, Литва).

3. Кластер «Среднеобеспеченные и энергоизбыточные» (например, Азербайджан, Россия, Индонезия, Казахстан).

4. Кластер «Бедные и энергообеспеченные» (например, Ботсвана, Гватемала, Белоруссия, Узбекистан).

Результаты анализа авторов свидетельствуют о том, что наиболее амбициозные цели по сокращению выбросов у развитых стран. В свою очередь, страны четвертого кластера имеют довольно скромные показатели амбициозности климатической политики, в то же время именно в странах четвертого кластера наблюдаются крайне высокие значения показателей локального загрязнения воздуха и подверженности климатическим изменениям, что, как предполагают авторы, объясняется их высокой отрицательной корреляцией с уровнем экономического развития. Кроме того, результаты указывают на то, что энергоизбыточные страны, как правило, проводят климатическую политику менее активно (4).

По данным Net Zero Tracker, по состоянию на март 2022 года 83 страны, являющиеся эмитентами 74,2% выбросов парниковых газов (ПГ), поставили перед собой цель по достижению углеродной нейтральности, обозначив ее в национальных стратегических документах или политических обязательствах, однако амбициозность этих целей, изначально отличающаяся в зависимости от обозначенных выше факторов, может оказаться под сомнением в случае глобальных экономических потрясений.

Экономики, в значительной степени зависимые от ископаемых видов топлива, оказываются в наибольшей степени уязвимыми перед различными потрясениями энергетического рынка, прежде всего в связи с волатильностью цен на энергоресурсы.

Энергетический кризис, начавшийся в 2021 году, создает риски вынужденного замедления климатических проектов или даже временного отказа от ряда обязательств с целью сохранения экономической и энергетической стабильности. Особенно это касается государств, зависимых от импорта природного газа, а также тех, где газ занимает значительную долю в энергобалансе страны или осуществляющих политику перехода на использование газа взамен других источников с более высокой эмиссией CO₂.

Таким образом, целью настоящего исследования является выявление взаимосвязи стремительного роста цен на природный газ с реализацией климатических обязательств и национальных планов государств, зависимых от импорта природного газа.

Материалы и методы

В исследовании использованы базы данных Международного энергетического агентства (МЭА) о динамике цен на газ в 2020–2022 годах (2022), базы данных МЭА об энергобалансах исследуемых стран (n.d.), доклад BP Statistical Review of World Energy

1 NDC Registry. UNFCCC. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/Pages/Home.aspx>.

2 Все об ОНУВ. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/all-about-ndcs>.

3 NDC Enhancement Tracker. Climate Watch. URL: <https://www.climatewatchdata.org/2020-ndc-tracker>.

(2021), доклад «Мировой рынок газа». Мониторинг (январь 2021 года) Московской школы управления «Сколково» (2021), а также статистические данные и специализированные доклады государственных органов Китая, Индии, Японии, Германии и Республики Корея. Кроме того, автор использует информационные и аналитические сообщения российских и зарубежных СМИ и экспертные комментарии в СМИ для приведения актуальных данных на 2022 год.

Результаты исследования

Причины газового кризиса и его динамика

В конце 2020 года цена на газ на спотовых рынках начала расти (Рисунок 1), выходя на максимум с начала года. Скачок роста в январе 2021 года был зафиксирован на азиатском спотовом рынке, он был связан с высоким спросом на фоне погодных условий, а также увеличением спроса со стороны Китая из-за проводимой политики по замещению угля газом⁴. После типичного весеннего замедления спроса, связанного в том числе с погодными условиями, цены начинают активный рост, достигнув первого ценового рекорда на европейской и азиатской биржах осенью 2021 года. Следует отметить, что эксперты прогнозировали рост цен на европейском и азиатском хабах не только в связи с увеличением спроса в преддверии зимнего отопительного периода, но и из-за низких запасов в газохранилищах, серии перебоев в поставках (которые обычно осуществляются в период пониженного спроса летом для заполнения газохранилищ), постковидного восстановления экономики и связанного с ним повышенного роста спроса в Азии⁵. Кроме того, влияние оказывает и новая климатическая политика европейских стран, предполагающая отказ от угля в пользу газа и сокращение собственной добычи европейскими государствами (что, в частности, объясняется как прекращением ряда стран добычи в Северном море, так и истощением североморских месторождений)⁶. Как отметил вице-премьер РФ Александр Новак, европейские страны отказались от долгосрочных инвестиций в отрасль, предпочитая спотовые контракты, что и привело к перебоям в поставках из-за повышенного спроса на СПГ на азиатских рынках. Еще одна причина, по мнению вице-премьера, в погодных условиях – из-за рисков новой холодной зимы и нехватки газа фьючерсные цены начали реагировать ростом, заранее закладывая условия повышенного спроса⁷. Также ви-

⁴ Мировой рынок газа. Мониторинг январь 2021 года. Сколково. Московская школа управления. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Monitoring/SKOLKOVO_EneC_Monitoring_Gaz_2021_01.pdf.

⁵ Record-breaking summer European gas prices signal an expensive winter. Reuters, 7 July 2021. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/record-breaking-summer-european-gas-prices-signal-an-expensive-winter-2021-07-07/>.

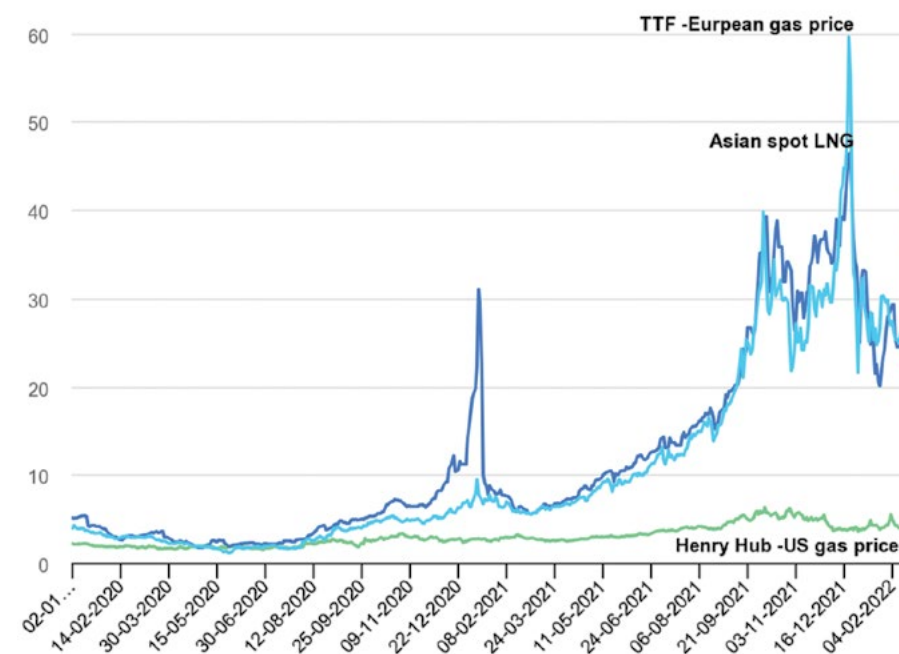
⁶ Причины газового кризиса в Европе. Нефть и капитал, 17.11.2021. URL: <https://oilcapital.ru/interview/17-11-2021/prichiny-gazovogo-krizisa-v-evrope?amp=1>.

⁷ Новак назвал шесть причин газового кризиса в Европе. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/12/2021/61cb3bc99a7947b4aef9c3ff>.

це-премьер отмечает, что причиной, усугубившей кризис в странах, сделавших ставку на ВИЭ, стало снижение скорости ветра, напрямую влияющее на генерацию ветроустановок, а наступление осени ожидаемо снизило объемы генерации на солнечных электростанциях (3).

Рисунок 1. Динамика цен на газ на спотовых рынках в Европе, Азии и США в 2020–2022 годах (\$ / МБТЕ⁸)

Figure 1. Dynamics of gas prices in spot markets in Europe, Asia and the USA in 2020–2022 (\$ / MBTU)

Источник: Международное энергетическое агентство. IEA, Natural gas prices in Europe, Asia and the United States, Jan 2020 – February 2022. IEA, Paris, 2022. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/natural-gas-prices-in-europe-asia-and-the-united-states-jan-2020-february-2022>.

Source: International Energy Agency. IEA, Natural gas prices in Europe, Asia and the United States, Jan 2020 – February 2022. IEA, Paris, 2022. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/natural-gas-prices-in-europe-asia-and-the-united-states-jan-2020-february-2022>.

Вслед за европейскими ценами на газ выросла стоимость «голубого топлива» на азиатских рынках. Повышение стоимости на европейских рынках сопровождалось устойчивым спросом в Азии⁹, особенно из-за энергетического кризиса в Китае, вы-

⁸ MMBTU (1 млн БТЕ) – Британская тепловая единица, 1 BTU (БТЕ) = 28,48 м³, то есть коэффициент перевода 1 млн БТЕ в 1000 м³ = 35,8.

⁹ Asia LNG price rise on firm Chinese demand, eyes on Russian flow. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/asia-lng-price-rise-firm-chinese-demand-eyes-russian-flow-2021-10-15/>.

званного нехваткой угля¹⁰, а также проводимой Пекином политики по расширению использования газа в транспортной отрасли, промышленности и электроэнергетике¹¹.

Украинский кризис и сопровождающий его конфликт России со странами Запада только усугубили ситуацию с ценообразованием на газ. В настоящее время сложно спрогнозировать долгосрочное развитие ситуации. Однако уже сейчас стали появляться признаки того, что для стабилизации экономической ситуации и обеспечения энергетической безопасности зависимые от импорта страны вынуждены пренебрегать частью климатических обязательств.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил, что сложившаяся ситуация может привести к тому, что ведущие экономики мира в попытках найти альтернативы российским поставкам ископаемого топлива рискуют продлить свою зависимость от этого источника энергии и упустить возможность удержать потепление в пределах 1,5°C¹².

В связи с этим мы рассмотрели четыре государства, которые входят в десятку крупнейших эмитентов углекислого газа и зависят от газового импорта, и отследили их действия в области исполнения климатических обязательств в энергетике начиная с 2021 года.

Ниже представлены данные о десяти крупнейших эмитентах углекислого газа в 2020 году (Таблица 1). Проведенный анализ показал, что четыре государства являются зависимыми от поставок природного газа в силу ограниченности собственной добычи: Китай, Индия, Япония, Германия.

Китай и Индия являются объектами критики со стороны экологического сообщества из-за недостаточно амбициозной, по мнению «зеленых», политики по борьбе с изменением климата.

Япония и Германия, напротив, входят в число государств, постоянно обновляющих свои климатические обязательства и ставящих их в центр своей энергетической политики.

Таблица 1. Десять крупнейших государств-эмитентов углекислого газа в 2020 году

Table 1. Top 10 carbon emitters in 2020

Страна	Объем выбросов (Мт)
Китай	9 899,3
США	4 457,2
Индия	2 302,3

¹⁰ China power crisis. S&P Global. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/market-insights/topics/china-power-crisis-news>.

¹¹ Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China. Center for Security and Emerging Technology (CSET). Translation, 12 May 2021. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf.

¹² Генсек ООН: мы все больше отдаляемся от цели удержать потепление в рамках 1,5 градуса Цельсия. ООН, 21.03.2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1420252>.

Россия	1 482,2
Япония	1 027,0
Иран	678,2
Германия	604,9
Республика Корея	577,8
Индонезия	575,9
Саудовская Аравия	570,8

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>

Ниже представлены статистические данные добычи, импорта и потребления природного газа каждой из стран, а также энергобаланс, что позволяет отследить степень зависимости от поставок газа и волатильности цен. Затем рассмотрены политические действия и решения в энергетической отрасли и других областях, связанных с поставками «голубого топлива», влияющие на климатическую политику каждого государства.

Реакция зависимых от импорта стран на газовый кризис в контексте исполнения климатических обязательств

Китай

Китай является крупнейшим эмитентом углекислого газа, поэтому его климатической политике последних лет уделяется особенно пристальное внимание. Представленный Китаем в октябре 2021 года обновленный ОНУВ включает в себя цель достижения пика выбросов углекислого газа к 2030 году с последующим их снижением для достижения углеродной нейтральности к 2060 году. Также предусматривается снижение выбросов на единицу ВВП более 65% от уровня 2005 года и увеличение мощности ветровой и солнечной энергетики к 2030 году до более 1,2 млрд кВт¹³.

В рамках 14-го пятилетнего плана (2021–2025) предполагается, во-первых, увеличение доли неископаемых ресурсов в потреблении энергии примерно на 20% к 2025 году¹⁴ и производстве энергии примерно на 39%¹⁵, во-вторых, развитие сол-

¹³ China's Achievements, New Goals and New Measures for Nationally Determined Contributions, 28 October 2021. NDC Registry. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/pages/Party.aspx?party=CHN>.

¹⁴ Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China. Center for Security and Emerging Technology (CSET). Translation, 12 May 2021. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf.

¹⁵ New energy to play increasing role with LNG continuing to contribute. The State Council of the People's Republic of China, 24 March 2022. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202203/24/content_WS623bd672c6d02e5335328368.html.

нечной и ветряной энергетики, строительство новых прибрежных атомных электростанций, значительная роль уделяется развитию водородной энергетики.

Таблица 2. Статистика добычи, импорта и потребления природного газа в Китае в 2021 году
Table 2. Statistics of production, import and consumption of natural gas in China in 2021

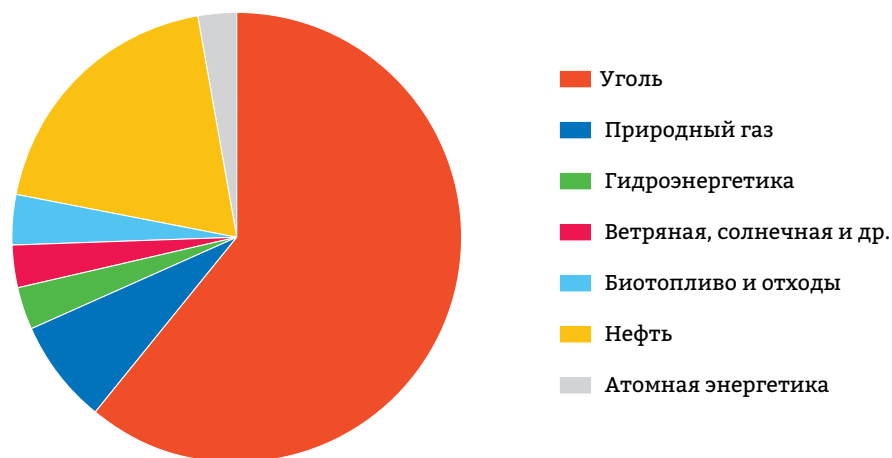
Год	Добыча (млрд м ³)	Импорт ¹⁶ (млрд м ³)	Потребление (млрд м ³)
2021	205,3	167,5	372,6

Источник: Производство энергии в декабре 2021 года. National Bureau of Statistics, 17 January 2022 (на китайском языке). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202201/t20220117_1826406.html; Краткий анализ эксплуатации природного газа в Китае в 2021 году. China Gas Association, 22 February 2022. URL: <http://www.chinagas.org.cn/mobile/index.php/m/c/5/6/58079> (на китайском языке)

Source: Energy production in December 2021. National Bureau of Statistics, 17 January 2022 (in Chinese). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202201/t20220117_1826406.html; Brief analysis of natural gas exploitation in China in 2021. China Gas Association, 22 February 2022. URL: <http://www.chinagas.org.cn/mobile/index.php/m/c/5/6/58079> (in Chinese)

Китай находится примерно на четвертом месте по уровню газодобычи¹⁷, одна-ко около 45% составляет потребность в импортном газе (Таблица 2).

Рисунок 2. Энергобаланс Китая в 2019 году
Figure 2. Energy balance of China in 2019

Источник: Международное энергетическое агентство. IEA World Energy Balances. URL: <https://www.iea.org/countries/china>

Source: International Energy Agency. IEA World Energy Balances. URL: <https://www.iea.org/countries/china>

¹⁶ Информация об объеме импорта в докладе дана в млн тонн. 1 Мт СПГ = 1,3802622498753 млрд м³ природного газа.

¹⁷ IEA Atlas of Energy. Международное энергетическое агентство. URL: <http://energyatlas.iea.org/#!/tellmap/-1165808390>.

Несмотря на сравнительно небольшую долю газа в 7% в энергобалансе страны, в последние годы его потребление заметно выросло (только за 2021 год увеличившись на 17,6%)¹⁸. Это обусловлено как оживлением спроса после пандемии, так и проводимой Пекином экономической политикой. Китай продвигает масштабное использование природного газа в секторах, включая промышленное топливо, производство и транспортировку электроэнергии в рамках усилий по борьбе с загрязнением воздуха¹⁹. Кроме того, природный газ активно используется в транспортной отрасли: в частности, на «голубое топливо» переводят автобусы и такси, кроме того, активно развивается и газовый флот Китая. Пекин признает газ чистым источником энергии, соответствующим климатическим обязательствам²⁰, выгодным для Китая оказалось и утверждение природного газа в качестве «чистого» источника энергии в таксономии ЕС²¹. 14-й пятилетний план (2021–2025) предполагает расширение использования природного газа, однако при этом акцент сделан на увеличении собственной добычи для снижения зависимости от импорта²².

Энергетический кризис 2021 года стал серьезным ударом по китайской энергетической отрасли. Среди его причин эксперты прежде всего называют высокую долю теплоэлектрогенерации, которая из-за недоступности угля (ввиду физического дефицита, скачка цен или неразвитости логистических каналов для обеспечения своевременных поставок как внутри страны, так и из-за рубежа) неоднократно приводила к перебоям снабжения электроэнергией в прошлом²³. Некоторые эксперты полагают, что не в последнюю очередь роль в дефиците электроэнергии, который привел к ряду блэкаутов на территории страны, сыграл план по сокращению выбросов в провинциях, жестко контролируемый Госкомитетом по реформам и развитию. Это привело к закрытию нескольких угольных шахт с наибольшим углеродным следом²⁴, кроме того, с начала года были введены требования повышенной безопасности шахт, которые также привели к ряду закрытий²⁵. Влияние оказала и торговая война Китая с Австралией, которая привела к запрету поставок дешевого австралийского угля. Не в последнюю очередь это вынудило Китай

¹⁸ Краткий анализ эксплуатации природного газа в Китае в 2021 году. China Gas Association, 22 February 2022. URL: <http://www.chinagas.org.cn/mobile/index.php/m/c/5/6/58079>

¹⁹ China's natural-gas consumption jumps in Jan.-Nov. period. Xinhua. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/20220102/b4752b18e4e54bcaa8a65d13bf9f05b1/c.html>.

²⁰ Energy in China's New Era. Ministry of Ecology and Environment the People's Republic of China, 22 December 2020. URL: https://english.mee.gov.cn/Resources/publications/Whitepaper/202012/t20201222_814160.shtml.

²¹ Questions and Answers on the EU Taxonomy Complementary Climate Delegated Act covering certain nuclear and gas activities. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_22_712.

²² Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China. Center for Security and Emerging Technology (CSET). Translation, 12 May 2021. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf.

²³ Епихина Р. Энергетический кризис в Китае. 19 ноября 2021 года. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/energeticheskiy-krizis-v-kitae/>.

²⁴ Причины энергокризиса в Китае – борьба за снижение выбросов. Ведомости. 11.10.21. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/10/11/890712-energokrizisa-kitae>.

²⁵ Fitch: Из-за нехватки предложения повысило прогноз цен на энергетический уголь. Sina, 09.09.21. URL: <https://cj.sina.com.cn/articles/view/7194157228/1acce20ac00100vc1x>.

значительно нарастить поставки СПГ, однако предложение оказалось не в состоянии покрыть растущий спрос в преддверии зимнего сезона, создав таким образом дефицит и на других рынках, в частности, в ЕС. Высокие цены на газ на фоне роста потребности на севере при начале отопительного сезона, по мнению китайских аналитиков, привели к снижению продаж газовых заправочных станций от 5 до 30% в разных регионах²⁶.

Сложившаяся ситуация стала вызовом для правительства Китая, которое неоднократно подчеркивало, что достижение климатических целей и энергоперехода должно осуществляться не в ущерб экономической и энергетической безопасности страны, а климатический переход должен быть мягким и постепенным²⁷. Власти страны были вынуждены принять решение о расконсервировании временно замороженных угольных шахт, которые могут добывать до 67 млн тонн угля в год²⁸. Рост цен на энергоресурсы привел к беспрецедентному повышению цен на электроэнергию и принес убытки поставщикам, вынудив Госкомитет по реформам и развитию увеличить тариф для конечных потребителей на 10%²⁹. На этом фоне для китайского правительства более приоритетным оказалось обеспечение устойчивости экономики, чем исполнение климатических обязательств.

Политика Китая в отношении «грязной» энергетики и до того была противоречива. В обозначенном 14-м пятилетнем плане, помимо наращивания возобновляемых мощностей, также содержатся планы по наращиванию нефтедобычи, а также добычи угля – ресурса, необходимого не только для электрогенерации, но и в металлургии и сталелитейной промышленности. Планом предусмотрено удержание показателя добычи угля на уровне 4,1 млрд тонн, однако при этом предусматривается строительство новых угольных электростанций³⁰. В 2021 году, в год принятия плана, начато строительство большего числа угольных электростанций, чем в 2016 году, общей мощностью в 33 ГВт³¹. Это послужило основанием для масштабной критики со стороны западных экологических организаций, обвинивших Китай в двойных стандартах в области климата³². Однако важно отметить, что и в 14-м пятилетнем плане, и в новом Заключении двух Национальных комиссий, вышедшем в январе 2022 года

26 Очевидное потребление природного газа Китаем сохранит тенденцию к росту (中国天然气表观消费量将保持增长态势). Comnews, 12.01.2022. URL: <http://www.comnews.cn/article/cysj/202201/20220100094978.shtml>.

27 «14-я пятилетка» Планирование современной энергетической системы. Национальная комиссия по развитию и реформам (NDRC), Национальное энергетическое управление (NEA). URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/gwhb/202203/P020220322582066837126.pdf> (на китайском языке).

28 Fitch: Из-за нехватки предложения повысило прогноз цен на энергетический уголь. Sina, 09.09.21. URL: <https://cj.sina.com.cn/articles/view/7194157228/1acce20ac00100vc1x>.

29 Причины энергокризиса в Китае – борьба за снижение выбросов. Ведомости. 11.10.21. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/10/11/890712-energokrizisa-kitae>.

30 Китай ограничит годовую добычу угля на уровне 4,1 млрд тонн к концу 2025 года. Синьхуа, 04.03.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-03/04/c_139782781.htm.

31 BRIEFING: Most coal power plants since 2016 entered construction in China in 2021, investment in coal-based steelmaking accelerated. CERA. URL: <https://energyandcleanair.org/china-coal-power-steel-2021/>.

32 China starts building 33 GW of coal power in 2021, most since 2016 -research. Reuters, 24 February 2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/china-starts-building-33-gw-coal-power-2021-most-since-2016-research-2022-02-24/>.

подчеркивается, что Китай проводит политику модернизации угольных электростанций по всей стране, выводя из эксплуатации устаревшие производственные мощности и продвигая «чистую» угольную энергетику с высокой степенью фильтрации, равно как и продвигает строительство новых, более экологичных угольных шахт^{33,34}.

Индия

Индия, занимающая третье место по объему выбросов CO₂, является одной из стран, где наиболее сложными оказываются климатические реформы. Она не представила обновленную версию ОНУВ к климатическому саммиту в Глазго, однако в ходе конференции премьер-министр страны Нарендра Моди заявил, что при финансовой поддержке развитых стран Индия способна достичь климатической нейтральности за 50 лет, к 2070 году. Он заявил, что на реализацию климатических целей Индии потребуется \$1 трлн³⁵. Еще на Парижской конференции Моди подчеркивал, что ответственность за глобальное потепление лежит прежде всего на развитых странах, и поэтому они должны оказать финансовую поддержку менее богатым странам в реализации дорогостоящей климатической политики³⁶.

На конференции премьер-министр объявил о пяти новых принципах климатической политики Индии: достижение 500 ГВт мощности энергии из неископаемых ресурсов, то есть около 50% в энергобалансе к 2030 году, снижение углеродоемкости экономики на 45%, достижение цели нулевой эмиссии к 2070 году³⁷.

Еще в 2018 году Индия приняла 13-й пятилетний Национальный план по электроэнергии, согласно которому к 2022 году ожидаемый прирост мощности от возобновляемых источников (ветряные, солнечные электростанции, биомасса, малые ГЭС) составит с 117,8 ГВт до 175 ГВт, а к 2027 году увеличится еще на 100 ГВт (на 31.12.2021 года установленная мощность ВИЭ составила 151,4 ГВт)³⁸. Кроме того, планируется

33 Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China. Center for Security and Emerging Technology (CSET). Translation, 12 May 2021. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five-Year_Plan_EN.pdf.

34 Заключение Национальной комиссии по развитию и реформам и Национальной энергетической администрации по совершенствованию Институционального механизма и политики и мер по зеленой и низкоуглеродной трансформации. Правительство КНР, 2022. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-02/11/content_5673015.htm.

35 Modi Surprises Climate Summit With 2070 Net-Zero Vow for India. Bloomberg, 1 November 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-01/india-will-reach-net-zero-emissions-by-2070-modi-tells-cop26>.

36 India pushes rich countries to boost their climate pledges at Paris. The Guardian, 2 December 2015. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/dec/02/india-takes-leading-role-for-global-south-nations-in-climate-talks>.

37 National Statement by Prime Minister Shri Narendra Modi at COP26 Summit in Glasgow. Prime Minister's Office of India, 1 November 2021. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1768712>.

38 Industry Scenario. Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/sector/renewable-energy>.

развитие атомной энергетики, в то время как к концу 2022 года из эксплуатации будут выведены угольные электростанции общей мощностью в 9,5 ГВт³⁹.

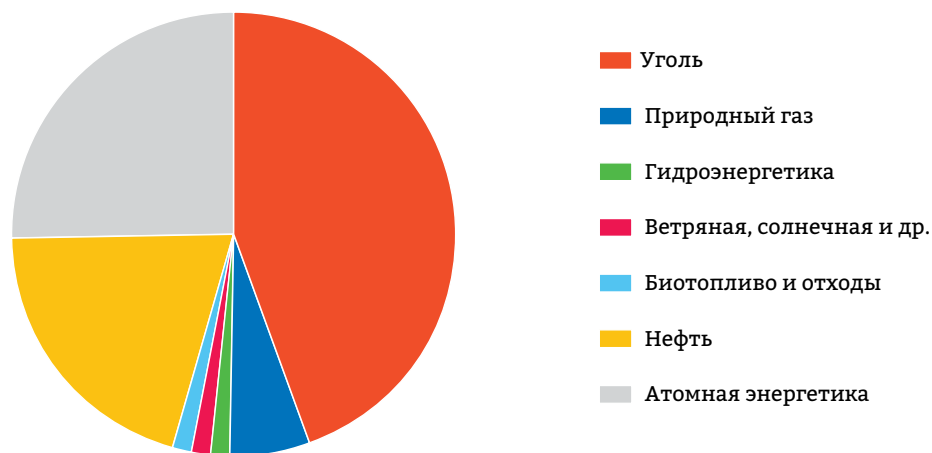
Таблица 3. Статистика добычи, импорта и потребления природного газа в Индии в 2021–2022 годах

Table 3. Statistics of production, import and consumption of natural gas in India in 2021–2022

Год	Добыча ⁴⁰ (млрд м ³)	Импорт ⁴¹ (млрд м ³)	Потребление ⁴² (млрд м ³)
2021–2022 (апрель–февраль)	31,13	29,29	59,61

Рост газовой генерации к концу 2022 года прогнозировался до 25,7 ГВт установленной мощности, данный показатель планировалось сохранить вплоть до 2027 года во многом в связи с низким уровнем собственной добычи топлива в стране⁴³. На начало 2022 года в Индии действительно имеется приближенный показатель установленной мощности газовых электростанций в 24,9 ГВт⁴⁴.

Рисунок 3. Энергобаланс Индии в 2019 году
Figure 3. Energy balance of India in 2019

Источник: Международное энергетическое агентство. URL: <https://www.iea.org/countries/india>
Source: International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/countries/india>

39 National Electricity Plan (Vol. 1). Central Electricity Authority, January 2018. URL: https://cea.nic.in/wp-content/uploads/2020/04/nep_jan_2018.pdf.

40 Monthly Production Report for February 2022. Ministry of Petroleum & Natural Gas, 22 March 2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1808113>.

41 Import of LNG. Ministry of Petroleum & Natural Gas. URL: https://www.ppac.gov.in/content/153_1_ImportNAturalgas.aspx.

42 Gas consumption. Ministry of Petroleum & Natural Gas. URL: https://www.ppac.gov.in/content/152_1_Consumption.aspx.

43 National Electricity Plan (Vol. 1). Central Electricity Authority, January 2018. URL: https://cea.nic.in/wp-content/uploads/2020/04/nep_jan_2018.pdf.

44 Power Sector at a Glance All India. Government of India, Ministry of Power, 11 February 2022. URL: <https://powermin.gov.in/en/content/power-sector-glance-all-india>.

Исходя из данных МЭА на 2019 год, природный газ составлял порядка 6% в энергобалансе Индии (Рисунок 3), примерно на том же уровне он остался и в 2022 году⁴⁵. Однако, по плану премьер-министра Нарендры Моди, страна будет наращивать долю газа в топливном балансе до 15% к 2030 году как «зеленого» топлива для энергетического транзита страны.

Рост спроса на природный газ в энергетической корзине прогнозирует и представитель крупнейшей газовой компании Индии GAIL, связывая с ростом потребностей промышленности (в том числе за счет включения новых отраслей), а также политикой поэтапного отказа от угля. Также в настоящее время существует спрос на газ в транспортной отрасли и среди домохозяйств⁴⁶.

Государство примерно на 48,5% зависит от импорта «голубого топлива» (Таблица 3). Газовый кризис 2021 года привел к опасениям в возможном отказе от обязательств по наращиванию использования газа в пользу угля и нефтяного кокса⁴⁷. Кроме того, он совпал с крупнейшим угольным кризисом, который привел к снижению генерации большинства угольных электростанций и веерным отключениям электроэнергии. Поставки угля в Индии осенью 2021 года выросли, несмотря на кризис, за счет наращивания объемов собственного производства, в том числе владельцев шахт, чья продукция предназначена для собственного потребления. Также правительство призвало коммунальные службы нарастить импорт угля, несмотря на рост цен^{48, 49}. Высокие цены на газ сыграли не последнюю роль в росте угольной генерации Индии до 72,9% за первые восемь месяцев 2021 года. Рост цен на СПГ привел к снижению импорта и переориентации на долгосрочные поставки, а не на спотовые контракты, массовый отказ от которых среди индийских компаний наблюдался в октябре 2021 года⁵⁰.

Этот кризис продемонстрировал, что, несмотря на поставленные цели по достижению климатических обязательств, на фоне сохранения высоких цен на газ Индия, вероятнее всего, продолжит обеспечивать энергетическую безопасность за счет угля, оставляя его хотя бы в качестве резервного источника. Свою роль может сыграть и растущее недовольство из-за высоких цен на газ внутри

45 Ibid.

46 India's gas consumption to jump more than 3 times by 2030: GAIL Director. Business Standard, 25 November 2021. URL: https://www.business-standard.com/article/current-affairs/india-s-gas-consumption-to-jump-more-than-3-times-by-2030-gail-director-121112500902_1.html.

47 High prices could slow India's transition to gas. Economic Times, 20 October 2021. URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/high-prices-could-slow-indias-transition-to-gas/articleshow/87165103.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst.

48 Так называемые «captive coal mines». India asks «captive» coal mines to increase output as power demand rises. Reuters, 7 September 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/india/india-asks-captive-coal-mines-increase-output-power-demand-rises-2021-09-06/>.

49 India asks utilities to import coal amid short supply as demand spikes. Reuters, 2 September 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/india/indias-august-power-output-rises-161-coal-fired-power-by-237-2021-09-01/>.

50 High LNG prices put spotlight on India's exposure to global gas market volatility. S&P Global, 15 October 2021. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/market-insights/latest-news/lng/101521-high-lng-prices-put-spotlight-on-indias-exposure-to-global-gas-market-volatility>.

страны: Конгресс еще в августе выступал с масштабной критикой правительства Моди из-за отсутствия субсидий для населения на фоне беспрецедентного роста цен⁵¹. Подобная критика продолжилась вплоть до весны 2022 года, несмотря на подтверждение премьера приверженности росту газа в энергобалансе страны⁵². Кроме того, министерство угольной промышленности Индии объявило о намерении добиться ослабления некоторых экологических норм в преддверии летнего сезона, чтобы не повторить ситуацию 2021 года⁵³. Учитывая сложность внедрения ВИЭ по ряду таких причин, как индийская бюрократия и сложная налоговая система, предполагающая тарифные барьеры для отечественных производителей ячеек и модулей, достижение климатических целей представляется все более сложной задачей, в особенности в отсутствие поддержки развитых стран.

Япония

Япония поставила в своем ОНУВ цель по сокращению выбросов парниковых газов на 46% к 2030 году по сравнению с уровнем 2013 года. Достижение климатической нейтральности Токио планирует к 2050 году. Сокращение выбросов CO₂, связанных с энергетикой, предполагается до 760 Мт по сравнению с 1,4 Гт в 2013 году⁵⁴.

Цель достижения климатической нейтральности к 2050 году была принята в 2020 году, в том же году была принята стратегия зеленого роста и защиты окружающей среды, которая охватывает такие отрасли, как энергетика, автомобили, аккумуляторы и батареи, продукты питания, сельское хозяйство, лесное хозяйство, строительство, судоходство и авиацию, полупроводниковую / информационную и коммуникационную отрасли, а также отрасли, связанные с образом жизни⁵⁵. Примечательно, что в стратегии признается нереалистичным покрытие всего спроса на электроэнергию только за счет возобновляемых источников энергии. Так, к 2050 году энергобаланс Японии будет состоять на 50–60% из возобновляемых источников энергии, на 10% – из водорода и аммиака, а также на 30–40% – из энергии, вырабатываемой атомными и тепловыми электростанциями. В стратегии

51 LPG price rose by Rs 265 in 9 months, Congress slams Modi govt over Rs 25 hike. The Times of India, 18 August 2021. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/lpg-rose-by-rs-265-in-9-months-congress-slams-rs-25-price-hike/articleshow/85426250.cms>.

52 India sets target to raise share of natural gas in energy mix to 15 per cent by 2030. The Print, 24 March 2022. URL: <https://theprint.in/economy/india-sets-target-to-raise-share-of-natural-gas-in-energy-mix-to-15-per-cent-by-2030/887140/>.

53 Угольщики Индии хотят ослабить экологические нормы. Нефть и капитал, 28.03.2022. URL: <https://oilcapital.ru/news/abroad/28-03-2022/ugolschiki-indii-hotyat-oslabit-ekologicheskie-normy>.

54 Japan's Nationally Determined Contribution (NDC). NDC Registry. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/pages/Party.aspx?party=JPN>.

55 Green Growth Strategy Through Achieving Carbon Neutrality in 2050. Ministry of Economy, Trade and Industry. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/global_warming/ggs2050/index.html.

признается, что продвижение электрификации во всех секторах повысит спрос на электроэнергию на 30–50%⁵⁶.

Таблица 4. Статистика добычи, импорта и потребления природного газа в Японии в 2020 году
Table 4. Statistics of production, import and consumption of natural gas in Japan in 2020

Год	Добыча ⁵⁷ (млрд м ³)	Импорт ⁵⁸ (млрд м ³)	Потребление ⁵⁹ (млрд м ³)
2020	3,872	102	104,4

Согласно стратегии, к 2050 году планируется построение распределенной энергетической системы, обеспечивающей эффективное использование тепла, за счет внедрения газовой когенерации, а также развитие поставок синтетического метана (эквивалентного СПГ) по стоимости, эквивалентной СПГ (40–50 иен/м³) за счет разработки инновационных технологий, таких как более высокая эффективность метанирования⁶⁰.

Кроме того, важным направлением становятся интеллектуальные энергосистемы – автоматизированный программный комплекс позволит на основании сбора информации от всех участников системы и ее промежуточных элементов максимально эффективно распределять всю имеющуюся энергию между потребителями, будет обеспечивать стабильность функционирования энергосети, регулируя при этом различные технические аспекты процесса, такие как напряжение и частоты (2).

Стремясь снизить зависимость от импорта и одновременно добиться климатических целей, Япония в июле 2021 года объявила о намерении снизить долю СПГ в энергобалансе до 20% к 2030 году⁶¹. Нужно отметить, что рост ископаемого топлива в Японии был замечен после катастрофы на АЭС «Фукусима» в 2011 году и сворачивания программ ядерной энергетики почти на десятилетие. Однако новые энергетические цели подразумевают наращивание ядерной энергетики наравне с ВИЭ. В 2010 году, до катастрофы, уровень самообеспеченности Японии энергией составлял 20,3%. Самой критической точкой падения этого показателя стал 2014 год – уровень самообеспеченности Японии энергией снизился до 6,4% (Мищенко 2021).

56 Ibid.

57 OPEC Data. OPEC. URL: <https://asb.opec.org/data/ASBData.php>.

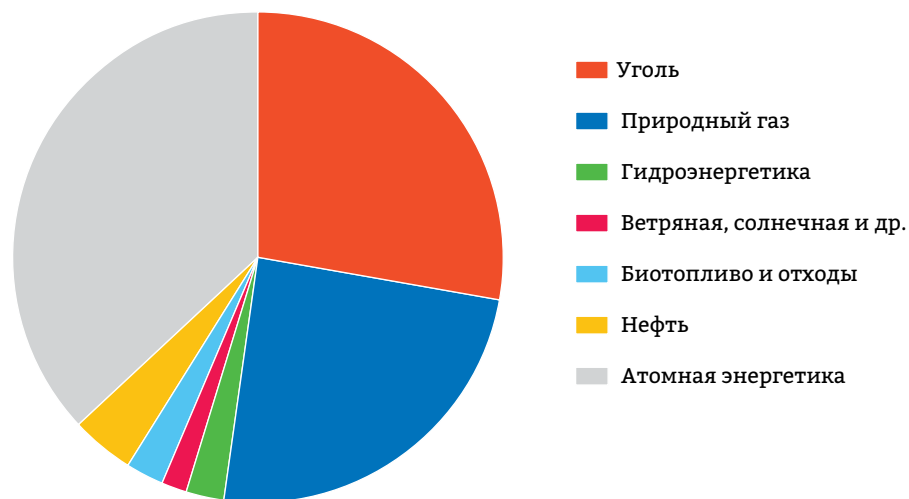
58 BP Statistical Review of World Energy 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>.

59 Ibid.

60 Green Growth Strategy Through Achieving Carbon Neutrality in 2050. Ministry of Economy, Trade and Industry. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/global_warming/ggs2050/index.html.

61 Japan set for 60% non-fossil fuel power supply in 2030 in GHG slash drive. S&P Global, 21 July 2021. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/market-insights/latest-news/electric-power/072121-japan-set-for-60-non-fossil-fuel-power-supply-in-2030-in-ghg-slash-drive>.

Рисунок 4. Энергобаланс в Японии в 2020 году
Figure 4. Energy balance in Japan in 2020

Источник: Международное энергетическое агентство. URL: <https://www.iea.org/countries/japan>
Source: International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/countries/japan>

Тем не менее доля потребления газа в 20% составляет достаточно высокий уровень, учитывая степень зависимости Японии от импортных поставок почти на 98% (Таблица 4). Газовый кризис 2021 года вызвал рекордный за 9 месяцев рост цен на электроэнергию, а оптовые цены выросли до 13-летних максимумов. Однако политика японских коммунальных компаний, которые заранее начали пополнять запасы СПГ, позволила предотвратить повторение кризиса зимы 2021 года из-за дефицита энергоресурсов. Снежная зима внесла свои коррективы на фоне сохранения высоких цен на газ. В январе 2022 года импорт угля достиг 13-месячного максимума, но Токио рассчитывает, что постепенный перезапуск АЭС в стране позволит компенсировать периоды растущего спроса без необходимости дополнительных закупок «грязного» топлива⁶². Однако перезапуск АЭС сопряжен с рядом трудностей: прежде всего в среде японской общественности до сих пор распространено мнение о небезопасности ядерной энергетики, есть опасения в повторении катастрофы 2011 года. В октябре 2021 года кабинет министров провел общественные слушания, на которых прозвучали противоречивые позиции относительно перезапуска. Кроме того, согласно существующим правилам безопасности, ядерным реакторам разрешается работать в течение 40 лет с возможным однократным продлением срока их службы до 60 лет. Из формально действующих 33 реакторов (фактически в стране работают 6 реакторов, остальные находятся в состоянии простоя⁶³) 15 ре-

⁶² Japan coal imports hit 13-month high. Argus, 17 February 2022. URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2187739-japan-coal-imports-hit-13month-high>.

⁶³ Reactor restarts could be 'best option' for Japan to ride out energy shortages, senior LDP lawmaker says. Japan Times, 8 March 2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/03/08/national/restart-nuclear-reactors-ldp-lawmaker/>.

акторов общей мощностью 14,1 ГВт должны быть выведены из эксплуатации к декабрю 2030 года, а к 2050 году не останется ни одного реактора, предполагающего 40-летний срок службы⁶⁴. Кроме того, в краткосрочной перспективе перезапуск мощностей сопряжен со сложностями процедуры релицензирования и проверок безопасности, поэтому даже в краткосрочной перспективе страна вынуждена будет полагаться на ископаемое топливо, несмотря на звучащую в адрес правительства критику (в том числе со стороны представителей японских компаний-производителей ВИЭ)⁶⁵.

Германия

Определяемый на национальном уровне вклад (ОНУВ) Германии представлен в рамках общего плана Европейского союза. Обновленная версия документа опубликована в декабре 2020 года. Следует учитывать, что для снижения эмиссий Европейским союзом разработана Система торговли квотами на выбросы (EU ETS) – специализированный инструмент, регулирующий через систему квот (по сути, ограниченных определенным уровнем разрешений) максимальное количество парниковых газов, которое может быть эмитировано на определенной территории за определенный период времени. Выбросы сверх нормативов облагаются штрафами. Квоты могут распределяться бесплатно или продаваться. Разрешения распределяются на каждую установку, охваченную системой⁶⁶.

Согласно ОНУВ ЕС, к 2030 году Германия сократит свои выбросы от секторов, не входящих в EU ETS, на 38% от уровня 2005 года⁶⁷.

Климатическая стратегия Германии – План действий по климату до 2050 года – предусматривает сокращение выбросов из энергетического сектора к 2030 году на 61–62% по сравнению с 1990 годом за счет отказа от ископаемого топлива в пользу ВИЭ⁶⁸.

Ключевыми составляющими энергоперехода Германии являются: повышение энергоэффективности и внедрение интеллектуальных систем для выработки и транспортировки электроэнергии с целью снижения энергопотребления⁶⁹, увели-

⁶⁴ Japan remains focused on restarting nuclear reactors. Argus, 25 October 2021. URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2266794-japan-remains-focused-on-restarting-nuclear-reactors?amp=1>.

⁶⁵ Goldman-Founded Firm Says Japan Must Do More on Clean Energy. Bloomberg, 16 December 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-16/goldman-founded-energy-firm-says-japan-must-do-more-on-climate>.

⁶⁶ EU Emissions Trading System (EU ETS). European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets_en.

⁶⁷ Submission by Germany and the European Commission on Behalf of the European Union and its Member States. NDC Registry. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/pages/Party.aspx?party=DEU>.

⁶⁸ Climate Action Plan 2050 – Germany's long-term low greenhouse gas emission development strategy. Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation, Nuclear Safety and Consumer Protection. URL: <https://www.bmu.de/en/topics/climate-adaptation/climate-protection/national-climate-policy/climate-action-plan-2050-germanys-long-term-low-greenhouse-gas-emission-development-strategy#c12737>.

⁶⁹ Green Paper on Energy Efficiency. Federal Ministry for Economic Affairs and Energy, September 2016. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/green-paper-on-energy-efficiency.pdf?_blob=publicationFile&v=5.

чение использования ВИЭ в энергетическом секторе, биомассы – в транспортном секторе и отоплении зданий, повышение гибкости системы энергоснабжения, то есть возможность использования накопителей для хранения энергии и использования в периоды пикового спроса⁷⁰.

Также при правительстве Ангелы Меркель был принят план об отказе от угля к 2038 году⁷¹, достижение данной цели активисты нового правительства намерены ускорить до 2030 года⁷².

На фоне конфликта с Россией правительство Германии обнародовало в апреле 2022 года новый пакет мер по расширению возобновляемой энергетики до 80% в энергобалансе страны к 2030 году, при этом до 200 ГВт будет приходиться на солнечную энергетику, 30 ГВт – на прибрежную ветрогенерацию и до 100 ГВт – на наземную ветрогенерацию⁷³.

Таблица 5. Статистика добычи, импорта и потребления природного газа в Германии в 2021 году

Table 5. Statistics of production, import and consumption of natural gas in Germany in 2021

Год	Добыча ⁷⁴ (млрд м ³)	Импорт ⁷⁵ (млрд м ³)	Потребление ⁷⁶ (млрд м ³)
2021	5,16	142	100

⁷⁰ Electricity 2030. Federal Ministry for Economic Affairs and Energy, September 2016. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/discussion-paper-electricity-2030.pdf?__blob=publicationFile&v=5.

⁷¹ Frequently Asked Questions on Germany's coal phase-out. Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation, Nuclear Safety and Consumer Protection. URL: <https://www.bmuv.de/en/topics/climate-adaptation/climate-protection/national-climate-policy/translate-to-english-fragen-und-antworten-zum-kohleausstieg-in-deutschland>.

⁷² German Coalition Eyes 2030 Coal Exit, Years Ahead of Plan. Bloomberg Green, 15 October 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-15/german-coalition-eyes-2030-coal-exit-eight-years-ahead-of-plan>.

⁷³ Germany unveils plans to accelerate green energy expansion. Reuters, 6 April 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germany-present-renewable-energy-expansion-measures-2022-04-05/>; Germany to double down on wind, solar amid wider energy policy review. S&P Global, 4 March 2022, URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/market-insights/latest-news/electric-power/030422-germany-to-double-down-on-wind-solar-amid-wider-energy-policy-review>.

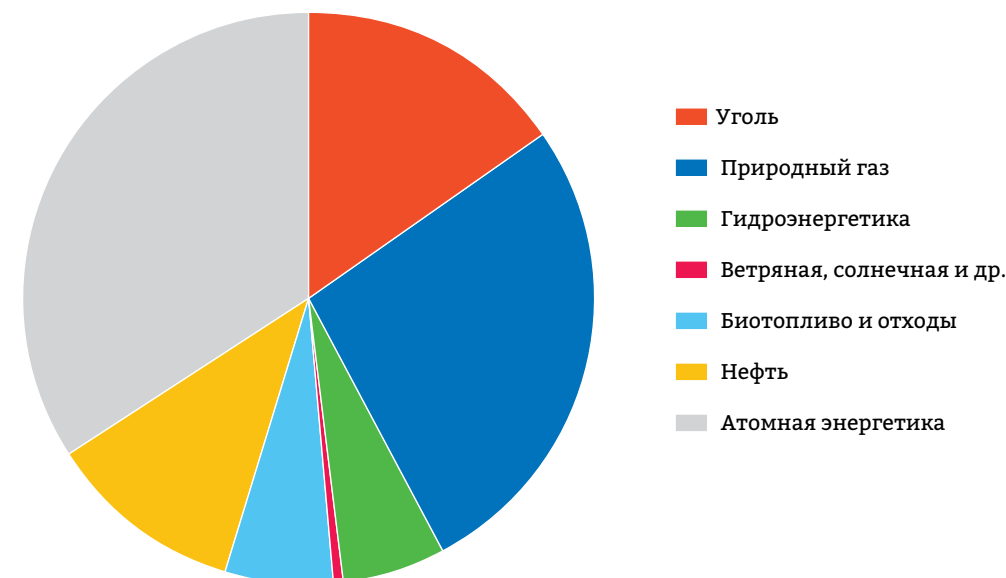
⁷⁴ Добыча природного газа по федеральным землям (Erdgasförderung nach Bundesländern), 30.03.2022. BVEG. URL: <https://www.bveg.de/die-branchen/statistik/erdgasfoerderung-nach-bundeslaendern/>.

⁷⁵ ErdgasINFO Dezember 2021 (Erdgasimporte). Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle, 21 February 2022. URL: https://www.bafa.de/SharedDocs/Kurzmeldungen/DE/Energie/Erdgas/2021_12_erdgasinfo.html. Информация на сайте Федерального ведомства по экономике и экспортному контролю дана в тераджоулях (TJ). Эквивалент в млрд м³ представлен, например, в статье: Reuters. Factbox: How dependent is Germany on Russian gas? Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/how-much-does-germany-need-russian-gas-2022-01-20/>.

⁷⁶ Fakten und Argumente Kurzfristige Substitutionsund Einsparpotenziale Erdgas in Deutschland, 17 March 2022. URL: https://www.bdew.de/media/documents/Kurzfristige_Gassubstitution_Deutschland_final_17.03.2022_korr1.pdf. Информация на сайте Федерального объединения предприятий энерго- и водоснабжения представлена в млрд кВт.ч. Эквивалент в млрд м³ представлен, например, в статье Reuters (см. ссылку 75).

Почти треть энергобаланса Германии составляет природный газ (Рисунок 5), который широко используется не только на ТЭЦ, но и для отопления зданий, а также транспорта. При этом зависимость от внешних поставок (Таблица 5) составляет почти 95%. На долю поставок российского трубопроводного газа приходится, по разным данным, от 40 до 50%⁷⁷. Конфликт вокруг газопровода «Северный поток-2» мощностью 55 млрд м³ в год, в том числе затянущаяся сертификация, стали одной из причин взлета цен на рынке СПГ⁷⁸.

Рисунок 5. Энергобаланс Германии в 2020 году
Figure 5. Energy balance of Germany in 2020

Источник: Международное энергетическое агентство. URL: <https://www.iea.org/countries/germany>

Source: International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/countries/germany>

Важно отметить, что осенью 2021 года в Германии к власти пришло новое правительство, где в правящую коалицию вошла партия «Зеленых», а их глава Анналена Бербок получила пост министра иностранных дел. Это также отразилось на энергетической политике страны. Бербок оказывала давление на нового канцлера Олафа Шольца по поводу одобрения российского газопровода, несмотря на значительный

⁷⁷ См., например: Заявление вице-канцлера, министра экономики Роберта Хабек. Wie sich Deutschland unabhängig von Russlands Energie machen will. Spiegel, 25 March 2022. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/service/so-will-sich-deutschland-unabhaengig-von-russlands-energie-machen-a-ebd11ed6-44ac-4b7a-bc0b-1bd84a080bdf>.

⁷⁸ Natural gas prices surge on suspension of Nord Stream 2 approval. Currency.com, 16 November 2021. URL: <https://currency.com/natural-gas-prices-surge-on-suspension-of-nord-stream-2-approval>.

рост цен на газ⁷⁹. После начала украинского кризиса и конфронтации с Россией Бербок начала активно выступать за полный отказ от поставок российского газа⁸⁰.

Возобновляемая энергетика начала уступать позиции углю еще до начала активной фазы роста цен на природный газ. Так, по итогам первых семи месяцев 2021 года доля угля в энергогенерации выросла до 26,1% на фоне снижения ветряной и солнечной генерации. Среди причин эксперты называют холодную весну и низкую протяженность солнечных дней, которые вызвали, с одной стороны, рост спроса на отопление, с другой – снижение эффективности работы солнечных ферм⁸¹.

Ситуация усугубилась в 2021 году, когда внутри ЕС и за его пределами началась резкая критика в адрес проекта российского газопровода «Северный поток-2», как отмечают эксперты, из-за усиления зависимости европейского блока от ископаемых видов топлива и расширения геополитического влияния России на мировой арене. Россию обвинили в попытках извлечь выгоду из сложившегося кризиса (1).

Высокие цены на газ обусловили рост спроса на угольное топливо, в особенности на фоне сниженной ветрогенерации⁸². Импорт угля за 2021 год составил 32,4 млн тонн, превысив уровень пандемического 2020 года (однако меньше докризисного 2019 года)⁸³. В целом это может свидетельствовать о том, что на фоне энергетических кризисов и при начавшемся восстановлении экономики потребность в электроэнергии в Германии вынуждены закрывать самыми доступными ресурсами, несмотря на климатические цели, в особенности на фоне вывода из эксплуатации атомных электростанций. После начала конфликта ЕС с Россией в правительственных кругах Германии обсуждалась инициатива временной приостановки вывода АЭС из эксплуатации, однако вскоре эксперты пришли к выводу, что обратиться вспять начатую процедуру будет слишком сложно и экономически нецелесообразно, а при нехватке топлива и необходимости значительной модернизации эффект не будет ощутим к зимнему сезону 2022 года. Ввиду этого (в особенности на фоне существующих спекуляций о полном отказе от российского газа) Немецкое агентство энергетических сетей попросило угольные электростанции страны оставаться в резервном режиме вместо закрытия⁸⁴, а вице-канцлер Роберт Хабек объявил о формировании угольных запасов, которые позволят Германии в течение 30 зимних дней обеспечивать себя электричеством даже без поставок российского

79 German green leader Baerbock opposes Nord Stream 2 permit, calls out Russian 'blackmail'. Politico, 20 October 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/baerbock-against-operating-permit-for-nord-stream-2/>.

80 Baerbock warnt vor Gas-Importstopp. Tagesschau, 11 March 2022. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/baerbock-importstopp-gas-oel-101.html>.

81 European Electricity Review: H1-2021. EMBER, 28 July 2021. URL: <https://ember-climate.org/insights/research/european-electricity-review-h1-2021/>.

82 European Electricity Review 2022. EMBER, 1 February 2022. URL: <https://ember-climate.org/insights/research/european-electricity-review-2022/>.

83 Hard coal imports for the years 2017 to 2021. Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Economic-Sectors-Enterprises/Energy/Use/Tables/hard-coal-time-series.html#fussnote-1-63124>.

84 Some EU members turn back to coal to cut reliance on Russian gas. Climate Home News, 15 March 2022. URL: <https://www.climatechangenews.com/2022/03/15/some-eu-members-turn-back-to-coal-to-cut-reliance-on-russian-gas/>.

газа. Примечательно, что решение было принято вице-канцлером Робертом Хабekom из партии «Зеленых»⁸⁵.

Сложившаяся ситуация на газовом рынке подталкивает Германию к принятию все более амбициозных целей по внедрению ВИЭ, однако, учитывая зависимость солнечной и ветряной генерации от погодных условий, а также неразвитость на данный момент рынка водорода, резервные мощности ископаемого топлива в периоды пикового спроса представляют собой крайнюю необходимость. В условиях сохранения высоких цен на газ или их дальнейшего роста не исключено, что Германия на краткосрочные периоды продолжит отказываться от амбициозных климатических целей в пользу сохранения энергетической устойчивости.

Выводы

Масштабные планы по энергопереходу, во многом усиленные экономическим спадом на фоне пандемии, предусматривают развитие чистой энергетики на долгосрочную перспективу. Однако, как показывает данное исследование, в большинстве стратегий государств по сокращению выбросов CO₂ неучтенными оказались возможные кризисы на рынке ископаемого топлива на фоне роста спроса на электроэнергию при восстановлении экономик.

Существует вероятность, что предлагаемые импортозависимыми государствами в условиях текущего кризиса изменения не предполагают потенциальных будущих экономических потрясений, которые вынуждают в краткосрочной перспективе замедлять реализацию климатических обязательств для сохранения энергетической устойчивости.

При этом существует принципиальное отличие Индии и Китая от Японии и Германии. Первые придерживаются позиции, что для обеспечения экономической и энергетической устойчивости при необходимости можно поступиться частью климатических обязательств, по возможности компенсируя ущерб при стабилизации ситуации, а также совершая постепенный, плавный энергопереход, который позволит в том числе избежать дополнительных издержек для конечного потребителя. Для Индии, где большая часть населения живет за чертой бедности, в условиях отсутствия поддержки со стороны развитых государств принятие более амбициозных целей по наращиванию «чистой» энергии неизбежно означает рост тарифов на электроэнергию и топливо.

Япония и Германия, напротив, реагируя на кризис, устанавливают еще более высокую планку по реализации климатических обязательств в области энергетики, финансируя развитие дополнительных мощностей ВИЭ, однако на данный момент внедрение новых мощностей возобновляемых источников в условиях отсутствия устойчивой системы накопления и хранения энергии может оказаться недостаточ-

85 Germany plans strategic gas and coal reserves. Clean Energy Wire, 25 February 2022. URL: <https://www.cleanenergywire.org/news/germany-plans-strategic-gas-and-coal-reserves>.

ным в периоды пикового спроса на электроэнергию в летний и зимний периоды, а поскольку генерация ветряных и солнечных электростанций зависит от погодных условий, это в любом случае подразумевает необходимость хранения резервов традиционных источников энергии. Энергетический переход и создание необходимой для него инфраструктуры, вероятно, требует больше времени, чем заложено в предполагаемых целях ООН. Форсирование процесса, в особенности в развивающихся государствах, может привести к новым внутренним кризисам энергии, как случилось в Китае в 2021 году.

Список источников

1. Литвинов Е.А. Анализ энергетического кризиса в Европейском Союзе [Analysis of EU Energy Crisis]. Российский внешнеэкономический вестник. 2021. No 11. С. 83–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47430285>.
2. Мищенко Я.В. Концептуальные основы формирования современной энергетической политики Японии: посткризисная смена парадигмы [Conceptual Foundations of Japan's Modern Energy Policy: A Post-Crisis Paradigm Shift]. Международная экономика. 2021. No 1. DOI: 10.33920/vne-04-2101-04
3. Новак А. Мировой энергетический кризис: кто виноват и что делать? [[Novak A. (2022) The Global Energy Crisis: Who is to Blame and What to Do?]. Энергетическая политика. 2022. No 2 (168). С. 4–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48271088>.
4. Степанов И.А., Агикян Н.Д., Музыченко Е.Э. От чего зависит амбициозность климатической политики разных стран [[What Determines the Ambitiousness of Climate Policy in Different Countries.]. Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. No 4. С. 57–79 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-04-03 International Organizations Research Journal, vol. 16, no. 4, pp. 57–79 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-04-03].

Информация об авторе

ДОРОХИНА Ксения Михайловна. Кандидат политических наук. Ответственный секретарь журнала «Вестник международных организаций» НИУ «Высшая школа экономики», <https://orcid.org/0000-0003-4270-4236>. Адрес: 119017, Российская Федерация, Москва, Малая Ордынка, 17. kseniadorokhina@gmail.com.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 мая 2022. Одобрена после рецензирования: 26 мая 2022. Принята к публикации: 3 июня 2022. Опубликована: 27.06.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Litvinov E.A. Analysis of the Energy Crisis in the European Union. Russian Foreign Economic Bulletin. 2021. No. 11. pp. 83–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47430285>.
2. Mishchenko Ya.V. Conceptual Foundations of the Formation of Japan's Modern Energy Policy: Post-Crisis Paradigm Shift. International Economy. 2021. No. 1. DOI: 10.33920/vne-04-2101-04
3. Novak A. The Global Energy Crisis: Who is to Blame and What to Do? Energy Policy. 2022. No. 2 (168). Pp. 4–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48271088> .
4. Stepanov I.A., Agikyan N.D., Muzychenko E.E. What Determines the Ambition of the Climate Policy of Different Countries. Bulletin of International Organizations. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 57–79 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-04-03

About the author

Ksenia M. DOROKHINA. CandSc (Polit). Executive Secretary of the journal “Bulletin of International Organizations”, Higher School of Economics. <https://orcid.org/0000-0003-4270-4236>. Address: 17, Malaya Ordynka, Moscow, 119017, Russian Federation, kseniadorokhina@gmail.com.

Contribution of the authors

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: May 10, 2022. Approved after peer reviewing: May 26, 2022. Accepted for publication: June 3, 2022. Published: 27.06.2022.

The author read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты,
процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions,
processes and
technologies

Представляется очевидным, что человечество находится сегодня в точке бифуркации. В эпоху цифровизации прогресс вступил в жесткую конфронтацию с развитием человека и общества. Важно, чтобы дальнейшее развитие общества опиралось на нравственные и этические основы.

Возникло своего рода состояние технологической турбулентности, характеризующееся преобладанием разнообразия технологий над разнообразием систем (государственно-управленческих и политических).

В результате традиционные государственные институты власти оказались объективно не готовы к противостоянию с новыми технологическими моделями информационно-коммуникационной работы.

Вне зависимости от источников дестабилизаций критически значимым фактором устойчивости является развитый социальный иммунитет в отношении дестабилизирующих влияний.

Шабров О.Ф., Комлева В.В., Володенков С.В. Гаджиев Х.А., Гулиев И.А.

Устойчивость и стабильность государств в цифровую эпоху: материалы дискуссии

При разработке документов долгосрочного характера, реализации государственной политики регионального развития федеральные и региональные органы власти должны формировать реальные площадки для диалога групп региональной элиты по ключевым проблемам развития, выработки элементов «общественного договора», механизмов участия элит в реализации стратегий развития и контроля за соблюдением договора.

Чернышов М.М.

Влияние элит на выбор вектора развития региона

Спецификой Российской Федерации в данном случае является то, что основной поток внешней миграции составляют трудовые мигранты с постсоветского пространства, которые далеко не всегда рассматривают нашу страну в контексте нового постоянного места жительства, а значит, не заинтересованы в полноценной интеграции в российское общество.

Бурда М.А., Иванова М.М.

Миграционная политика современной России: условия обеспечения общественно-политической стабильности

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО
Политические институты, процессы и технологии
POWER, POLITICS, STATE
Political institutions, processes and technologies

Научная статья

УДК: 32.019.51; 316.77

[https://orcid.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-204-223](https://orcid.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-204-223)

Политические науки

Устойчивость и стабильность государств в цифровую эпоху: материалы дискуссии

Олег Федорович Шабров^{1a}, Валентина Вячеславовна Комлева^{2b}, Сергей Владимирович Володенков^{3c}, Ханлар А. Гаджиев^{4d}, Игбал А. Гулиев^{5e}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

²Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁴Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

⁵Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

^a oshabr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8172-1023>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^c s.v.cyber@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

^d gadzhiev_hanlar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0811-1867>

^e guliye@miep-mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8667-2016>

Аннотация. В статье представлены материалы дискуссии, прошедшей в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций (НИИРК). Участники обсудили проблемы цифровизации общественных отношений, гибридации современных политических режимов (как модели адаптации государства к цифровым технологическим трансформациям); проблемы устойчивости России в контексте энергетических войн и климатической повестки. Авторы приходят к выводу о том, что взаимосвязь цифровизации и устойчивости политических систем носит противоречивый характер. Многие преимущества масштабного внедрения цифровых технологий, на первый взгляд, повышающие эффективность политико-административного процесса и совершенствующие общественные и политические институты, на практике могут иметь негативные последствия, ключевое из которых затрагивает устойчивость политических систем. Для развития внутренних сил, способствующих устойчивости и препятствующих дестабилизациям, предлагается формировать социальный иммунитет.

Ключевые слова: устойчивость, стабильность, технологическая трансформация, цифровизация, цифровые технологии, информация, прогресс, социальный иммунитет, разнообразие, политическая система, политико-административный процесс, политическая стабильность.

Для цитирования: Шабров О.Ф., Комлева В.В., Володенков С.В., Гаджиев Х.А., Гулиев И.А. Устойчивость и стабильность государств в цифровую эпоху // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 204-223. [https://orcid.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-204-223](https://orcid.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-204-223)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-204-223](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-204-223)

Political sciences

State sustainability and stability in the digital age: discussion materials

Oleg F. Shabrov^{1a}, Valentina V. Komleva^{2b}, Sergey V. Volodenkov^{3c}, Khanlar A. Gadzhiev^{4d}, Igbal A. Guliyev^{5e}

¹Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

²National Research Institute for Communications Development (Moscow, Russia) Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

³Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

⁴Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

⁵Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

^a oshabr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8172-1023>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^c s.v.cyber@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

^d gadzhiev_hanlar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0811-1867>

^e guliye@miep-mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8667-2016>

Abstract. The article presents the materials of the discussion held at the National Research Institute of Communications Development (NIIRC). The participants discussed the problems of digitalization of public relations, hybridization of modern political regimes (as a model of adaptation of the state to digital technological transformations); problems of Russia's sustainability in the context of energy wars and the climate agenda. The authors conclude that the relationship between digitalization and the stability of political systems is contradictory. Many advantages of large-scale use of digital technologies, increasing the efficiency of the political and administrative process and improving public and political institutions, in practice can have negative consequences, the key of which affects the stability of political systems. For the development of internal forces that contribute to stability and prevent destabilization, it is proposed to form social immunity.

Keywords: sustainability, stability, technological transformation, digitalization, digital technologies, information, progress, social immunity, diversity

For citation: Oleg F. Shabrov, Valentina V. Komleva, Sergey V. Volodenkov, Khanlar A. Hajiyev, Iqbal A. Guliyev. State Sustainability and Stability in the Digital Age. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 204-223. [https://orcid.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-204-223](https://orcid.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-204-223)

Введение

Цифровизация – процесс, охвативший сегодня практически все ниши жизни современных обществ. Политико-административная сфера в этом смысле не является исключением: во многих государствах активно реализуются такие концепции, как «электронное правительство», «электронная демократия», «цифровая дипломатия» и др. Причем цифровизация не просто является фактором функционирования политических систем, но также отражается на их стабильности и возможностях сохранения сущностных черт при возникновении внешних деструктивных воздействий, то есть устойчивости.

Влияние цифровизации на устойчивость политических систем в настоящее время исследовано в недостаточной степени. Между тем данная проблема является краеугольной и актуальной как с теоретической точки зрения, так и с прикладных позиций.

Соотношение процессов цифровизации и устойчивости политических систем и государств имеет весьма противоречивый характер. Порой политические институты не могут прогнозировать последствия внедрения цифровых технологий, нарастает конкуренция за технологическое преимущество, становится критически значимой способность к опережающим реакциям и решениям. Эти и другие проблемы были обсуждены учеными и экспертами в ходе научного симпозиума, состоявшегося в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций (НИИРК) в феврале 2022 года. Часть материалов дискуссии мы публикуем в этой статье.

Материалы и методы

Участники научной дискуссии использовали разные, но не противоречащие друг другу методологические подходы и методы исследований. Обмен результатами позволил выделить наиболее перспективные подходы и методы, к числу которых относятся системный, неоинституциональный, конструктивистский подходы; метод сценарного прогнозирования, сравнительного анализа, ивент-анализа, анализа «цифровых следов». Почти все авторы дискуссии опирались в своих исследованиях на методологические подходы, разработанные М.Г. Анохиным (1) и Шабровым О.Ф. (19 19;20;21). Были презентованы и некоторые авторские методики. Гаджиев Х.А. использовал интерпретации и ряд составных характеристик устойчивости политических систем, которые были обозначены в индексе устойчивости политической системы, предложенном ранее (7). В.В. Комлева предложила использовать модель формирования социального иммунитета, разработанную и апробированную автором (11; 2).

Материалы исследований составили нормативные правовые акты, государственные решения, практики цифровизации, практики политической дестабилизации и практики обеспечения устойчивости и стабильности.

Результаты исследований

Цифровизация общественных отношений: прогресс или деградация? (Шабров О.Ф.)

Под развитием автор понимает переход системы в состояние с более высокой способностью к адаптации. Обратный процесс – деградация. В качестве мерила развития – степень разнообразия системы. Прогресс же – положительная динамика показателей, движение вперед, от низшего к высшему.

Прогресс в сфере цифровизации характеризуется, в частности, расширением информационного пространства и несет в себе ряд негативных последствий:

- Нарастание объема информации, которое приводит к информационному отчуждению и, как следствие, отчуждению от реальности, других людей и самоотчуждению. На этой основе возникает первая проблема: клиповое сознание и технологии big data создают возможности для формирования виртуальных потребностей.
- Виртуализация социальных отношений.

Человек как совокупность разных видов информации формируется под влиянием трех групп факторов: генетика, воспитание в семье и социальное окружение. Исследования, проведенные в США и Швеции, показали, что на такие человеческие качества, как степень доверия и благодарности, влияние генетических факторов составляет от 10 до 20%, семьи – 8–12%, а общества – 68–72% (13). Можно сказать, что влияние общества является основным фактором формирования человека как существа социального.

В этой связи возникает объективная потребность во взгляде на себя со стороны, социальной оценке. При виртуализации общения данные процессы изменяются. На сегодняшний день пирамида потребностей Маслоу претерпевает серьезные изменения: третий уровень потребностей (в социальном одобрении), переходя в виртуальную реальность, практически нивелируется. За физиологическими потребностями и потребностью в безопасности сразу следуют потребности в престиже и самореализации.

- Цифровизация отношений между человеком и государством.

Действие двух этих факторов ставит под вопрос эффективность сложившихся в прошлом столетии механизмов представительной демократии, или народовластия, смысл которых состоит в том, что избиратель вручает политику или партии мандат на представительство своих интересов в органах государственной власти. В той мере, в которой виртуально социализированные избиратели при голосовании исходят из виртуальных личных потребностей, они неспособны правильно оценить собственный интерес, а их совокупность представляет собой не народ, а население. К тому же современные технологии, включая перспективные технологии Deep Fake, симулирующие реальных политиков (4), не позволяют избирателям иметь реальное представление о тех, кому они вручают свой мандат. Наконец, как справедливо отмечает Дж. Сорос, «государствам приходится уделять все больше внимания требованиям со стороны международного ка- питала в ущерб ожиданиям собственных граждан» (18). А сформировать нужные ожидания позволяет реализация стратегии «Soft Power» – «понуждение других народов хотеть результатов, которых вы желаете получить» (14) путем продвижения в их сознание собственных ценностей. Трансграничная коммуникация с помощью современных цифровых технологий делает эту стратегию особенно эффективной. Иными словами, в современных демократиях народ / население не является уже единственным источником власти. Налицо полномасштабный кризис представительной демократии.

- Проблема глобального управления.

Одним из непреложных принципов кибернетики является принцип необходимого разнообразия: чтобы управлять, управляющая подсистема должна обладать не меньшим разнообразием, чем управляемая (22). С другой стороны, существует не менее фундаментальный предел повышения степени разнообразия всякой системы, в том числе и управляющей, – так называемый «принцип хрупкости хорошего» (12). Проблема современной эпохи состоит в резком повышении степени разнообразия общественных систем в постиндустриальную эпоху, отмеченном еще в конце прошлого столетия Э. Тоффлером и помноженным сегодня на этническое разнообразие вследствие массовой миграции, расширение информационного пространства и претензий транснациональных элит на глобальное управление.

Перспективы решения этой проблемы, усугубляемой вышедшей за пределы допустимого антропогенной нагрузкой на природу, обозначены. Это:

- сокращение численности населения планеты «с 7 млрд до двух с половиной, двух, или даже до 1,5 млрд человек...»¹;

¹ Чубайс о сокращении населения планеты Земля с 7 до 1,5 млрд человек // YouTube.ru. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A0T4—gGdzk>.

- ограничение доступа управляемых к информации²;
- создание нового подвида человека – «служебного человека» («ограниченное самосознание», «управляемое размножение», «дешевый корм»³);
- унификация культур через внедрение в сознание людей «универсальных ценностей».

Представляется очевидным, что человечество находится сегодня в точке бифуркации. В эпоху цифровизации прогресс вступил в жесткую конфронтацию с развитием человека и общества. Важно, чтобы дальнейшее развитие общества опиралось на нравственные и этические основы.

О необходимости формирования социального иммунитета как фактора общественно-политической устойчивости и стабильности (Комлева В.В.)

Вне зависимости от источников дестабилизаций критически значимым фактором устойчивости является социальный иммунитет. Анализ этого феномена описан в наших публикациях (11), а методология формирования социального иммунитета была верифицирована в ходе исследований в Республике Крым (2). Социальный иммунитет определяется нами как способность общества распознавать угрозы стабильности и устойчивости и реагировать на них максимально схожим образом с системным центром. Социальный иммунитет вырабатывает невосприимчивость общества к чужеродным воздействиям, снижая эффект и риски от таких воздействий. Восприятие чужеродности проявляется в умении идентифицировать внешние воздействия как дестабилизирующие (по принципу «свои / чужие», «полезные / вредные», «развивающие / убивающие» и т.п.) и в негативных реакциях общества на такие воздействия.

Каким же образом общество вырабатывает социальный иммунитет к внешним и внутренним дестабилизирующим влияниям? Мало кто отвечал на этот вопрос, описывая конкретные технологии и приемы. Из известных нам авторов такое исследование проводил З.А. Жапуев (9), и значительно ранее – А. Зиновьев на примере СССР (10). По мнению А. Зиновьева, в СССР использовали такие механизмы формирования социального иммунитета, как: ограничение контактов с внешним миром («железный занавес»), система воспитания (коммунистического), применение санкций («карательные меры») против тех, кто поддавался внешним влияниям, создание условий, при которых ближайшее окружение следило за тем, чтобы люди не попадали под внешние влияния. Не хотелось бы комментировать личную позицию А. Зиновьева (известного и авторитетного философа), но отмечу, что социальный иммунитет в СССР долгое время обеспечивался умением системы обозначить привлекательную цель развития общественной системы, где каждый член общества видел свою перспективу и впи-

² Герман Греф о Манипуляции Людьюми, об Образовании, о «Независимости» СМИ. Сессия Сбербанка. YouTube.ru. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ep81z1tlupE>.

³ Клеточная война, колонии и «служебные люди» США. Российская академия наук. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b>.

сывал свой личный жизненный сценарий в общественный (социализм, коммунизм, всеобщее равенство и благосостояние всех и др.); привлекательностью образа жизни в СССР (социальная справедливость, доступность образования, медицины и иных значимых социальных услуг); возможностью влияния на процесс принятия политических решений и понятностью условий и фильтров прохождения в политические элиты и системы управления; реализацией прав (в том числе и женщин) и др.

Большая часть этих механизмов в современном обществе была бы весьма востребованной.

Предлагаемая нами концептуальная модель формирования социального иммунитета (11) отражает логическую связь целей и задач субъектов и объектов взаимодействия, факторов, влияющих на политическую стабильность, методов и ресурсов, которые целесообразно использовать для достижения поставленных целей и задач. Концептуальная модель охватывает в общих чертах имеющиеся зависимости, тенденции, закономерности и является основой для выхода на эмпирический уровень конкретных действий. Применение данной модели позволит достичь синергетического эффекта при использовании различных технологических приемов разными акторами.

Принципиальные позиции, на основе которых разрабатывалась модель:

1. В ситуации внешних дестабилизирующих влияний система способна самостоятельно поддерживать гомеостазис, сохранять при малых изменениях положение равновесия в управляемых границах, сохранять свой внутренний потенциал управления и интегрирования частей системы – при условии развитого социального иммунитета против дестабилизирующих влияний. Внешние влияния не будут иметь дестабилизирующего эффекта, если они оцениваются большинством населения как чужеродные, нарушающие нормальное развитие общественной системы и ее устойчивости, удовлетворяющие общество.

2. Такого рода иммунитет вырабатывается в условиях общественного доверия системному центру, одобрения его деятельности, внутренней сплоченности общества, непротиворечивого общественного сознания и социальной памяти, соответствия решений системного центра общественным представлениям о социальной справедливости, достойном качестве жизни, правах и свободах. Выработка иммунитета против внешних влияний возможна только при эффективной комплексной деятельности институтов по обеспечению указанных условий.

3. Особым условием выработки социального иммунитета против внешних дестабилизирующих влияний является наличие конструктивной оппозиции внутри самой системы. Такая оппозиция важна, потому что периодически делает «социальные прививки» в виде конструктивной публичной критики. Она тестирует иммунную систему общества на предмет неудовлетворенности действиями системного центра, конфликта ценностей, актуальных векторов общественно-политических настроений, готовности к открытым акциям протеста; тестирует системный центр и элиту на предмет сплоченности и наличия конфликтующих интересов, способности интегрировать и мобилизовать общество в защиту целостности и ценностей.

4. Приоритетную роль в формировании социального иммунитета играют ин-

ституты, создающие нормативный каркас для устойчивости общественной системы. Однако с развитием информационного общества появляются новые акторы, деятельность которых разворачивается в виртуальной среде.

5. Не все внешние влияния следует рассматривать как дестабилизирующие общественно-политическую систему. Отчасти благодаря некоторым из этих влияний сама система становится более конкурентоспособной, рефлексируя состояние и перенимая другой опыт. Но есть влияния разрушающие, которые мы и подразумеваем, говоря о дестабилизации.

Условия для социального иммунитета мы разделили на три группы: 1) условия, обязательные для появления и развития социального иммунитета; 2) условия, поддерживающие социальный иммунитет; 3) условия, при которых возможно тестировать способность социального иммунитета идентифицировать и реагировать на чужеродные влияния.

Кратко раскроем эти условия.

Условия, обязательные для появления и развития социального иммунитета, по сути, являются результатами социализации. В процессе социализации формируются: 1) ценности, духовные основы, разделяемые большинством общества; 2) социальные скрепы (в виде социальных ожиданий и санкций); 3) непротиворечивая социальная память; 4) социальные связи, ценность которых значительно выше, чем блага, предлагаемые внешними акторами. Важнейшими институтами, формирующими эти условия, являются семья, система воспитания, образования, СМИ, религия. Отдельно выделим институты политической социализации, к которым относятся общественно-политические объединения, молодежные организации, позволяющие усвоить нормы и ценности политической системы и культуру политической конкуренции, свойственные конкретному обществу. Однако без поддержания социального иммунитета, заложенного институтами социализации, без общественного одобрения реакций на внешние воздействия иммунитет будет затухать. Иными словами, необходимы внутренние условия для поддержания социального иммунитета.

Ключевыми условиями поддержания социального иммунитета являются как минимум следующие:

- привлекательность социума для его членов, проявляющаяся в уровне и качестве жизни (удовлетворяющем большинство общества), возможности реализовать свой потенциал, высокой оценке справедливости распределения благ и ресурсов;
- экзистенциальная безопасность, проявляющаяся в опасении потерять имеющуюся стабильность; уверенности в настоящем и будущем, в отсутствии угроз жизни, здоровью, правам, свободам и системе общепринятых и референтных ценностей и духовных основ;
- возможность влиять на процесс принятия управленческих решений, проявляющаяся в доступности политических институтов и органов власти, в развитости экспертного потенциала институтов гражданского общества.

На формирование этой группы условий целесообразно направить деятельность политических институтов (особенно органов власти), экономических институтов (особенно распределяющих экономические блага и ресурсы), институтов контроля, надзора, безопасности. Для поддержки общественного мнения важную роль, конеч-

но, играют массмедиа.

Чтобы понимать, работает ли социальный иммунитет, он должен периодически тестироваться. Тестирование дает возможность понять, в каких пределах общество допускает внешние влияния и где пороговый предел, после которого они оцениваются как дестабилизирующие. Условия, при которых возможно тестировать социальный иммунитет на его работоспособность, связаны с наличием конструктивной оппозиции и институтов гражданского общества с высоким экспертным потенциалом. Наличие таких условий зависит от способности политической оппозиции выполнять свои функции (быть именно оппозицией и предлагать конструктивные альтернативы решения проблем) и от активности институтов гражданского общества и гражданских инициатив. Иными словами, для обеспечения социальной стабильности нужен комплекс внутренних условий, при которых формируется, поддерживается и периодически тестируется социальный иммунитет против чужеродных влияний.

Если реализуется комплекс рассмотренных условий, то формируется система взаимозависимостей цели (желаемого состояния стабильности), условий для развития механизма социального иммунитета, самого механизма и институтов, обеспечивающих его развитие, поддержание и проверку.

Значимые механизмы формирования социального иммунитета были описаны ранее (11). Здесь лишь перечислю наиболее значимые: механизм социальной памяти, социальной сплоченности, экзистенциональной безопасности, институционального и системного доверия. Эти механизмы были подробно описаны на примере Республики Крым (2).

Таким образом, критическое значение для обеспечения общественно-политической стабильности имеет социальный иммунитет общества против дестабилизирующих влияний. Социальный иммунитет позволяет определить среди множества влияний именно те, которые дестабилизируют общество, то есть являются чужеродными и угрожающими его целостности. Развитие и работоспособность механизма социального иммунитета связана с механизмами социальной памяти, социальной сплоченности, экзистенциональной безопасности, институционального и системного доверия. Определяющее значение для поддержания социального иммунитета и идентификации внешних влияний как дестабилизирующих при оценке степени их угрозы имеют внутренние условия жизнедеятельности общества, на развитие которых целесообразно направить усилия ответственных институтов.

Гибридизация современных политических режимов как модель адаптации государства к цифровым технологическим трансформациям (Володенков С.В.)

По мере совершенствования и распространения широкого спектра технологий цифровой коммуникации, интенсификации и проникновения цифровых информационных потоков в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества возникло своего рода состояние технологической турбулентности, характеризующееся преобладанием разнообразия технологий над разнообразием систем (государствен-

но-управленческих и политических). Если же вспомнить хорошо известный специалистам закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби, сложность и разнообразие системы управления для сохранения ее эффективной жизнеспособности должна превышать сложность и разнообразие тех управляемых систем, которыми она управляет.

Иными словами, в определенный момент разнообразие цифрового пространства общественно-политических коммуникаций и цифровой технологической инфраструктуры оказалось выше, чем сложность систем управления, свойственных традиционным политическим режимам.

В результате традиционные государственные институты власти оказались объективно не готовы к противостоянию с новыми технологическими моделями информационно-коммуникационной работы с населением, моделями мобилизации протестных масс, дискредитации национальных политических элит, перехвата инициативы в процессах формирования информационной повестки.

По этой причине технологически развитые государства были вынуждены в форсированном режиме адаптировать свои системы управления к новой социотехнической реальности, повышая собственное разнообразие и снижая разнообразие цифрового пространства коммуникаций.

В этой связи одним из наиболее реалистичных сценариев адаптации государственных систем управления становится «гибридный» сценарий сращивания государственных институтов и техногигантов в единую систему государственно-политического управления. Данный сценарий представляется нам одним из наиболее перспективных с позиций институтов власти и крупных технокорпораций (но не общества).

Потенциал государственно-корпоративного симбиоза обуславливается сразу несколькими факторами:

а) традиционные политические режимы уже имеют необходимую для управления обществом легальность и легитимность, что позволяет «технологизировать» существующие государственные системы управления в мягком режиме – без переходных периодов и социально-политических потрясений, свойственных государствам, в которых происходит смена режима;

б) за счет технологического разнообразия корпораций в общей системе управления государственные институты власти также способны значительно повысить собственную сложность и разнообразие, что в итоге является необходимым условием обеспечения эффективного управления сложными общественными системами (в соответствии с законом Эшби);

в) глобальная технологическая инфраструктура, принадлежащая крупным корпорациям, может быть оперативно встроена в систему цифрового государственно-политического управления нового типа вместе со всеми миллиардными аудиториями глобальных цифровых платформ, а имеющиеся массивы Big Data в сочетании с современными технологиями искусственного интеллекта и самообучаемыми нейросетевыми алгоритмами позволяют успешно сформировать не только национальные, но и наднациональные системы «умного» управления и контроля в общественно-политической сфере.

Цифровизация и устойчивость политических систем: амбивалентность взаимосвязи (Гаджиев Х.А.)

Цифровизацию в самом общем виде можно понимать в трех смыслах: 1) как глобальный переход от использования аналоговых технологий к цифровым; 2) как масштабное внедрение в различные сферы человеческой деятельности цифровых технологий (прежде всего компьютерных технологий и Интернета); 3) как повышение роли цифровых технологий в жизни общества, в результате чего они переходят на качественно новый уровень использования человеком и становятся важнейшей общественной ценностью (5, с. 150-151). Каждый из трех представленных смыслов можно рассматривать как определенный уровень процесса цифровизации, который поочередно сменяется другим. В результате можно констатировать, что к сегодняшнему дню большинство современных обществ находится на третьем этапе цифровизации, когда цифровые технологии стали важной частью и ценностью в жизни людей. Причем этот тезис довольно наглядно прослеживается в статистических данных. Так, к началу 2022 года (данные на январь) число пользователей мобильных устройств во всем мире составило 5,31 млрд чел. (это 67,1% от населения планеты); пользователей Интернета во всем мире насчитывалось 4,95 млрд чел. (62,5% от населения планеты), тогда как еще десять лет назад (в январе 2012 года) данный показатель составлял порядка 2,18 млрд чел.; наконец, численность активных пользователей социальных медиа (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и др.) к январю 2022 года составило порядка 4,62 млрд человек (58,4%), тогда как в январе 2012 года таких пользователей было около 1,48 млрд чел¹.

Процесс цифровизации настолько кардинально изменил информационное поле, интегрировал новые технологии в жизнь обществ, что вполне можно говорить о сформировавшемся цифровом пространстве, в которое все больше переносится сфер человеческой деятельности. Не стала исключением и политико-административная сфера. В нее внедрены и продолжают внедряться не только те технологии, которые способны качественно улучшить государственные услуги, но также и те, что касаются системы отношений «власть-общество». И здесь, надо сказать, не все так однозначно, если пытаться оценивать последствия расширения использования цифровых технологий. Данная тенденция, взятая на вооружение во многих современных государствах, имеет как позитивные черты, так и негативные. Если, в частности, говорить о первых, то прежде всего нужно подчеркнуть множество открывающихся перспектив для совершенствования каналов и механизмов обратной связи; расширяющиеся возможности для повышения уровня прозрачности и открытости в функционировании политико-административного аппарата государства; развития институтов гражданского общества и их все большего в перспективе влияния на процесс принятия государственных решений; повышения уровня эффективности в мониторинге настроений масс и выявления назревающих социальных и политических конфликтов с целью принятия превентив-

ных мер по их недопущению; расширения поля для эффективного регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений и т.д.

Вместе с тем помимо преимуществ здесь возникает немало вызовов и рисков. Особого внимания заслуживают те из них, что могут негативно отразиться на социально-политической стабильности и устойчивости политических систем. Здесь сразу оговоримся, что следует понимать под «стабильностью» и «устойчивостью» политической системы, поскольку это разные явления, которые важно не отождествлять. Как представляется, устойчивость есть способность политической системы, несмотря на внешнее деструктивное воздействие, сохранять в неизменном виде ту часть своих элементов и установленных между ними отношений, которые определяют ее целостность и сущность, тогда как политическую стабильность, в свою очередь, следует понимать как состояние политической системы, при котором она функционирует в заданном режиме и в соответствии с намеченным вектором развития, сохраняя при этом свои сущностные характеристики посредством удерживания появляющихся в результате внешнего воздействия отклонений в пределах установленных пороговых значений. Более наглядно это видно на практике (6, с. 23-24). Так, любые масштабные массовые протесты, попытки смен политических режимов и осуществления государственных переворотов, очевидно, свидетельствуют о том, что политические системы находятся в такие моменты в нестабильном состоянии. Но если в результате подобных попыток не происходит существенных изменений в политической системе, она сохраняет основные принципы своего функционирования и сущностные черты, то значит, можно говорить о том, что система в достаточной степени устойчива (например, в Венесуэле в 2002 году, в Южном Судане в 2013 году, в Бурунди в 2015 году, в Турции в 2016 году, в Беларуси в 2020 году, в Казахстане в 2022 году и др.).

Мировая практика последних лет наглядно проиллюстрировала, что все чаще важнейшим фактором стабильности / нестабильности и устойчивости / неустойчивости политических систем становится цифровое пространство, а точнее – правильное и рациональное государственное регулирование данной плоскости, умение эффективно использовать ее преимущества. Более того, поскольку политико-административная сфера – это область, в которой происходит выработка и реализация целей и стратегий общественного развития, то любые просчеты и злоупотребления (прежде всего это касается политики и политической борьбы) в данном случае создают серьезные риски для всех остальных сфер общественной жизни. Это, в свою очередь, самым непосредственным образом может отражаться на состоянии политической системы и, как следствие, - ее способности преодолевать негативные импульсы, угрожающие сохранению целостности и сущностных черт системы, т.е. устойчивости.

Нередко, апеллируя к вопросу безопасности, сегодня государства все активнее повышают уровень контроля над социумом в цифровом пространстве. Это, как правило, требует широкого доступа власти к большим массивам информации и данных граждан. Между тем такие условия могут восприниматься в обществе далеко не всегда позитивно, особенно если речь идет о странах, в которых официально постулируются либерально-демократические ценности. В результате фактически возникает конфликтогенный фактор в

1. Kemp S. Digital 2022: Global Overview Report / DataReportal. 26 JANUARY 2022. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report>.

системе отношений «власть-общество», а это, в свою очередь, может негативно отражаться на уровне общественной поддержки правящих элит. Последнее, очевидно, является одним из важнейших составляющих стабильности и устойчивости политической системы.

Помимо неоднозначного общественного восприятия доступа власти к большому объему информации и данных, предоставление такого рода возможностей узкой группе людей (правлящим элитам того или иного государства) создает риск злоупотреблений ими предоставленной информацией (в частности, персональными данными), в том числе в целях получения преимуществ в ходе политической борьбы или сохранения своей власти. Хотя примечательны примеры государств, в которых широкий доступ к личной информации и контроль над этой сферой даже закрепляется на формальном уровне (наиболее яркий пример – Китай).

Другая область политико-административной сферы, в которой также противоречивы последствия активного и интенсивного внедрения цифровых технологий – уже упомянутая ниша государственных услуг. С реализацией известной концепции «электронное правительство», действительно, появилась возможность значительно упростить и ускорить процедуры их предоставления. Более того, в некоторых аспектах цифровизация данной ниши позволяет значительно повысить их качество. Но вместе с тем возникают другие сложности: для эффективной работы такой системы требуется достаточная цифровая грамотность населения и наличие у граждан необходимых технических устройств. Наиболее болезненно, как известно, это сказывается на старшем поколении, которое чаще всего еще и в большей степени нуждается в государственных услугах и социальном обеспечении.

Что же касается в целом государственного управления, то здесь существуют потенциальные проблемы другого типа: перенос важных сегментов государственного управления в цифровое пространство актуализирует проблему кибератак и взломов. Они могут создать серьезную угрозу для государственной безопасности и сохранения важной государственной информации и данных. Неспроста в политической повестке дня все чаще звучат вопросы киберугроз и необходимости обеспечения кибербезопасности, ведь недостаточная защищенность политических систем от такого рода угроз становится ключевым риском для их стабильности и устойчивости (яркие примеры – цветные революции последних лет в арабских странах и на постсоветском пространстве).

Устойчивая Россия в контексте энергетических войн и климатической повестки (Гулиев И.А.)

С вопросами цифровизации связан и ряд других вызовов, стоящих перед Россией. Часть из них усиливается, соединяясь с процессами цифровизации. К таким вызовам относятся:

1) Энергетический переход. Сейчас происходит четвертый энергетический переход, отражающий объективную реальность и не зависящий от волевых решений некоторых групп, лиц, стран. Смена приоритетных энергоносителей обусловлена сменой потребностей общества, формированием новой парадигмы энергопотребления.

Это более философская категория. Если посмотреть на историческую ретроспективу, то станет очевидным, как происходили прошлые переходы. Первый переход – с дров на уголь, второй – с угля на нефть, третий – с нефти на природный газ. Ни один из этих энергетических переходов не сопровождался искоренением других энергоносителей. Все происходило естественным образом на фоне плавного роста доли одного из приоритетных энергоносителей. Сейчас же нам навязывается и ускоряется переход за счет перехода от нефти и газа к возобновляемым источникам энергии. Здесь начинаются проблемы, связанные с естественным вмешательством в естественный ход энергетической революции.

Есть печальные примеры этого явления в Европе: страны Европы форсировали увеличение доли возобновляемых источников энергии и в результате случился недавний энергетический кризис. Промышленность, самолеты, транспорт завязаны на энергетике.

2) Климатическая повестка. Парижское соглашение, в рамках которого к 2060 году планируется прийти к «углеродной нейтральности». Европейские партнеры предупредили РФ, что будет предопределен трансграничный углеродный налог к той продукции, где есть большое количество выбросов CO₂. Данный факт является большим вызовом для промышленности и энергетики России.

3) Санкционная политика. Санкции также негативно отражаются на энергетическом секторе. Существует ряд стран, которые форсируют данные процедуры. Они утверждают, что необходимо вводить, как и в случае с Ираном, эмбарго на энергоносители. Пока на данные меры никто не решается из-за грозящего им «эффекта бумеранга». Например, беспрецедентное изменение цен на газ и нефть уже отразилось негативно на европейском рынке. Полный отказ от энергоносителей (нефти и газа), поставляемых из РФ, невозможно для европейских соседей, потому что на данный момент альтернатива российским трубопроводным поставкам отсутствует. Поставки на танкерах существенно дороже и более протяженные по срокам.

Обсуждение

Таким образом, влияние цифровизации на государство, его политико-административные институты и в целом государственное управление довольно неоднозначно и амбивалентно. Сегодня сложно говорить о том, что тотальный ориентир на цифровизацию имеет и будет иметь в будущем исключительно позитивные последствия, но факт в том, что данный процесс неизбежен и уже обуславливает принципиальные изменения в «традиционных» политико-административных институтах. Современные государства вынуждены подстраиваться под этот процесс и совершенствовать свои институциональные структуры на его основе. И в зависимости от того, насколько гибко и стратегически верно им удастся интегрировать новые цифровые механизмы в привычные процедуры принятия решений, будет зависеть их способность и возможности по сохранению существенных черт своих политических систем, быть устойчивыми и стабильными.

В этом смысле практикуемое зачастую искажение в реализации таких важных целей цифровизации политико-административной сферы (которые, кстати, официально зачастую постулируются как приоритетные), как повышение открытости государства и развитие институтов политического участия граждан, может рассматриваться скорее как упущение государств. Участие граждан в политико-административном процессе с точки зрения обеспечения и поддержания стабильности и устойчивости политической системы не должно ограничиваться возможностью лишь пассивного получения гражданами информации о принятых государственных решениях, о деятельности политиков и чиновников (в том числе посредством их публичных страниц в социальных сетях и специальных цифровых платформах); возможность выступать с общественными инициативами и с петициями, а также участие в общественных обсуждениях не должны быть лишь формально реализованными. Участие граждан в политико-административном процессе посредством цифровых технологий – это то направление развития каналов и механизмов обратной связи, которое необходимо и власти, и обществу; необходимо и для социально-политической стабильности, и для устойчивости политической системы, и для политического развития.

Таким образом, цифровизация является процессом и инструментом, который может применяться как для повышения, так и для снижения устойчивости политических систем – подобная амбивалентность определяется намерениями субъектов политики, мерой их зрелости и способностью разрешать существующие и возникающие между ними противоречия мирным путем. Если подобная способность остается слаборазвитой или отсутствует, то цифровизация вполне может оказаться одним из ведущих факторов не просто дестабилизации, но и вывода политических систем из состояния динамического равновесия и их разрушения в результате развивающегося комплексного кризиса государственного управления (кризисов идентичности, легитимности, участия, проникновения и распределения).

Вместе с тем необходимо понимать, что для современных развитых и интенсивно развивающихся стран цифровизация оказывается тем процессом, который практически неизбежно охватывает их политическую сферу. Сопротивление данным переменам со стороны государств или их стремление ограничиться только цифровизацией в областях электронного правительства, предоставления государственных услуг и обеспечения национальной безопасности малоперспективно. Возникающая на базе анализа больших данных убежденность в абсолютном знании и полной подконтрольности социальных процессов, а также вытекающий из этого патерналистский подход правящей элиты к государственной политике могут оказаться глубоко ошибочными.

Более продуктивным путем представляется максимально возможная адаптация политических систем к цифровизации. Снятию усиливающих под ее влиянием противоречий в современном социуме может способствовать ее использование правящей элитой в целях улучшения и превращения в действенные, а не фиктивные коммуникации механизмов обратной связи в политической системе. Цифровизация расширяет возможности и удешевляет проведение электронных референдумов, голосований граждан по актуальным вопросам жизни общества и государства, подачу

электронных обращений в органы власти и управления и т.п. Необходимо лишь при- дать этим и другим формам обратной связи публичный статус.

При этом главной для политической системы становится задача избежать информационных перегрузок, возникающих в результате количественного роста требований граждан на «входе», за счет адекватного распределения полномочий по принятию решений, ответственности за них и требующихся на их исполнение ресурсов между государственным центром, властями регионов, местным самоуправлением, а также субъектами гражданского общества. Решение этой задачи, предполагающей учет действительно жизненно важных интересов граждан, фильтрацию несущественных и партикулярных запросов к политической системе и игнорирование деструктивных для народа инициатив, является чрезвычайно востребованным и весьма непростым делом в контексте цифровизации.

Влияние цифровизации на систему государственного управления не выглядит однозначно позитивным по своим последствиям. Однако этот процесс неизбежен, и он уже повлек существенные изменения во всех сферах жизни, включая государственно-управленческую. Особенно ярко и масштабно это произошло с началом эпохи пандемии. От того, насколько гибко государственные структуры смогут адаптироваться к происходящим изменениям, зависит их устойчивость и способность оставаться стабильными. Участие граждан в политико-административном процессе не должно восприниматься властью как формальный процесс получения реципиентом информации о ее деятельности. Участие граждан должно рассматриваться как обязательная форма обратной связи власти и общества, власти и электората. Именно это необходимо для устойчивости политической системы, социально-политической стабильности в государстве.

Выводы

Цифровизация общественной жизни несет в себе не только преимущества, но и имеет глубокие социальные противоречия, которые могут привести к дестабилизации и нарушению устойчивости общественно-политической системы. Прежде всего, речь идет о противоречиях глубинного характера, связанных с функционированием общественных систем.

Во-первых, отмечается влияние виртуализации отношений власти и общества на механизм функционирования представительной демократии и выбор избирателей. Во-вторых, технологический прогресс и законы развития человеческих обществ вступили в противоречия между собой, возникают вопросы морально-этического характера. В-третьих, складывающиеся социотехнические системы становятся более сложными и разнообразными, чем системы управления ими.

В условиях цифровизации становятся все более разнообразными внешние влияния, появляются все более разнообразные новые общественно-политические практики, что делает общественно-политическую систему все более уязвимой. Кроме того, нарушается энергетический баланс, возникают риски и угрозы национальной безопасности России в условиях санкционного давления и навязывания зарубежных стандартов энер-

гетической политики. В этих условиях целесообразно обратить внимание управляющих центров на необходимость формирования социального иммунитета, который позволит обществу реагировать на дестабилизации схожим образом с центром управления.

Цифровое пространство сегодня является фактором, который государства уже не могут игнорировать или отводить ему второстепенную роль. Однако активная цифровизация политико-административного процесса несет в себе не только преимущества, но и немало рисков и угроз, что говорит об амбивалентности данного тренда. С этой точки зрения рациональное регулирование цифрового пространства, использование его преимуществ для выстраивания диалога с обществом, для определения актуального проблемного поля социума, а также совершенствования механизмов государственного управления, при одновременной минимизации искажения данных целей, должны быть в числе приоритетных направлений для обеспечения и поддержания стабильности и устойчивости политических систем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анохин М.Г. (1996). Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теоретико-прикладной анализ) [Political systems: Adaptation, Dynamics, Stability (Theoretical and Applied Analysis)]. М., 1996.
2. Бальбек Р.И., Комлева В.В. (2020) Политическая стабильность: Республика Крым [Political Stability: The Republic of Crimea]. Москва: ФЛИНТА, 208 с.
3. Володенков С. В. (2021). Потенциал государственно-корпоративной гибридной трансформации традиционных политических режимов [The Potential of State-corporate Hybridization in the Processes of Transformation of Traditional Political Regimes] // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. No 2. С. 19–28. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-19-28.
4. Володенков С.В. (2021а). Цифровая политическая коммуникация: особенности и механизмы [Digital Political Communication: Features and Mechanisms] // Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах. М.: Политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2021. С. 26-27.
5. Гаджиев, Х. А. (2020) Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. № 3. С. 147-171 <http://www.DOI: 10.31249/poln/2020.03.07>
6. Гаджиев Х. А. (2019). Политическая стабильность: теоретико-методологические проблемы исследования // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2019. – № 2(73). – С. 19-28.
7. Гаджиев Х.А., Семченков А.С. (2020) Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах [Index of Stability of the Political System: Measurement Experience in Three Countries], PolitBook, No 1. С. 161–194.
8. Егоров Г.Г., Орешкина И.Б. (2020) Влияние цифровой среды на построение политической системы России [The Influence of the Digital Environment on the Construction of the Political System of Russia], Вестник Саратовской государственной юридической академии, No 6. С. 34-42.
9. Жапуев З.А. (2013) Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения [Social Immunity of the Russian Society in the Conditions of Institutional Transformation: Risk Factors and Enhancement Strategies]: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04. Ростов-на-Дону, 338 с.
10. Зиновьев А. (2012). Коммунизм как реальность [Communism as a Reality. Parabellum]. Парабеллум. М.: Изд-во АСТ: Астрель, 511 с.
11. Комлева В.В. (2018) Критическое значение социального иммунитета в обеспечении общественно- политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний: опыт моделирования [The Critical Importance of Social Immunity in Ensuring Socio-Political Stability in Conditions of External Destabilizing Influences: Modeling Experience] // Вопросы политологии. Т. 8. No 11 (39). С. 881–890.

12. Левантовский Л.В. (1982). Особенности границы области устойчивости [Features of the Boundary of the Stability Domain] // Функциональный анализ и его приложения. 1982. Т. 16. Вып. 1.
13. Марков А.В. (2012). Эволюция человека [Human Evolution.]. В 2 кн. Кн. 2: Обезьяны, нейроны, душа. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 225 с.
14. Най Дж.С. (2006). Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Новосибирск, М.: Фонд Социально-прогностических исследований «Тренды», 2006. 30 с.
15. Рябиченко Л.А. (2017). Идеология цифрового общества как геополитическая стратегия установления наднационального контроля [Ideology of Digital Society as a Geopolitical Strategy for Establishing Supranational Control] // Стратегические приоритеты. 2017. No 3 (15). С. 96-124.
16. Сафронов А.П. (2018). Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения [Industrial Authoritarianism: the Order of Social Coercion]. Москва: Алгоритм. 2018. 384 с.
17. Смотрицкая И.И. (2019). Цифровизация государственного управления как новый этап институциональных реформ [Digitalization of Public Administration as a New Stage of Institutional Reforms] // Институциональные аспекты повышения качества государственного управления в контексте новых стратегических вызовов. Москва: Институт экономики РАН. 2019. С. 10-25.
18. Сорос Д. (2010). Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков [The Global Economic Crisis and its Significance. The New Paradigm of Financial Markets]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. 197 с.
19. Шабров О.Ф. (2019а). Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски. [Global Factors of Political Governance: New Opportunities and New Risks] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 15. No 2. С. 236-244. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.205>.
20. Шабров О.Ф. (1997) Политическое управление: проблемы стабильности и развития [Political Management: Problems of Stability and Development] М.: Интеллект.
21. Шабров О.Ф. (2019b). Системный подход в политической науке [A Systematic Approach in Political Science] // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 776 с. (С. 213-233).
22. Эшби У.Р. (1959). Введение в кибернетику [Introduction to Cybernetics]. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 294 с.
23. Ashby W.R. (1956). Introduction to Cybernetics, Chapman & Hall Publ., 1956, 295 p.

Информация об авторах

ШАБРОВ Олег Федорович. Доктор политических наук. Профессор. Профессор кафедры государственной политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Президент Академии политической науки. <https://orcid.org/0000-0002-8172-1023>. Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, факультет политологии, oshabr@mail.ru.

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru, komleva@ranepa.ru.

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович. Доктор политических наук. Доцент. Профессор кафедры государственной политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>. Адрес: 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27/4. S.v.cyber@gmail.com.

ГАДЖИЕВ Ханлар Аляр. Кандидат политических наук. Преподаватель Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22/1. Gadzhiev_hanlar@mail.ru.

ГУЛИЕВ Игбал Адиль. Кандидат экономических наук. Доцент. Заместитель директора Международного института энергетической политики и дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-8667-2016>. Адрес: 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76. guliyev@miep-mgimo.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 25 апреля 2022. Принята к публикации: 30 мая 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Anokhin M.G. (1996). Political Systems: Adaptation, Dynamics, Stability (Theoretical and Applied Analysis). M. (In Russian)
- Balbek R.I., Komleva V.V. (2020) Political Stability: The Republic of Crimea. Moscow: FLINT, 208 p. (In Russian)
- Volodenkov S.V. (2021). The Potential of State-Corporate Hybridization in the Processes of Transformation of Traditional Political Regimes // Journal of Political Studies. 2021. Vol. 5, No. 2. pp. 19-28. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-19-28 (In Russian)
- Volodenkov S.V. (2021). Digital Political Communication: Features and Mechanisms // Outsourcing of Political Judgments: Problems of Communication on Digital Platforms. Moscow: Political Encyclopedia (ROSPEN), 2021. pp. 26-27. (In Russian)
- Gadzhiev Kh. A. (2020). Digital space as a field for political confrontation of authorities and opposition. Political Science (RU). No 3. P. 147-171. <http://www.10.31249/poln/2020.03.07>. (In Russ.). DOI:10.31249/poln/2020.03.07.(InRuss.)
- Gadzhiev Kh. A. Political Stability: Theoretical-Methodological Research Problems // Search: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture. – 2019. – No 2(73). – P. 19-28.
- Gadzhiev, Kh. A. and Semchenkov, A.S. (2020), Index of Stability of the Political System: Measurement Experience in Three Countries, PolitBook, No. 1, pp. 161-194. (In Russian)
- Egorov, G.G. and Oreshkina, I.B. (2020), The Influence of the Digital Environment on the Construction of the Political System of Russia, Bulletin of the Saratov State Law Academy, No. 6, pp. 34-42. (In Russian)
- Zhapuev Z.A. (2013) Social Immunity of the Russian Society in the Conditions of Institutional Transformation: Risk Factors and Enhancement Strategies: Theses ... Doctor of Social Sciences: 22.00.04 Rostov-on-Don, 338 p. (In Russian)
- Zinoviev A. (2012). Communism as a Reality. Parabellum. Moscow: AST Publishing House: Astrel, 511c. (In Russian)
- Komleva V.V. (2018) The Critical Importance of Social Immunity in Ensuring Socio-Political Stability in Conditions of External Destabilizing Influences: Modeling Experience // Questions of Political Science. Vol.8. No. 11(39). pp. 881-890. (In Russian)
- Levantovsky L. V. (1982). Features of the Boundary of the Stability Domain [Osobennosti granicy oblasti ustojchivosti] // Functional Analysis and its Applications. 1982. Vol. 16. Issue 1. (In Russian)
- Markov A.V. (2012). Human evolution. In 2 books. Book 2: Monkeys, Neurons, Soul. M.: Astrel: CORPUS, 2012. P.225. (In Russian)
- Nye J. S. (2006). Soft Power: The Means to Success in World Politics. Novosibirsk, M.: The Trends Foundation for Socio-Prognostic Research, 2006. P.30. (In Russian)
- Ryabichenko L.A. (2017). Ideology of Digital Society as a Geopolitical Strategy for Establishing Supranational Control // Strategic priorities. 2017. No. 3(15). pp. 96-124. (In Russian)
- Safronov A.P. (2018). Industrial Authoritarianism: The Order of Social Coercion. Moscow: Algorithm. 2018. 384 p. (In Russian)

- Smotrinskaya I.I. Digitalization of Public Administration as a New Stage of Institutional Reforms // Institutional Aspects Of Improving the Quality of Public Administration in the Context of New Strategic Challenges. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. – pp. 10-25 (In Russian)
- Soros D. (2010). The Global Economic Crisis and its Significance. The New Paradigm of Financial Markets. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2010. p.197. (In Russian)
- Shabrov O. F. (2019a). Global Factors of Political Governance: New Opportunities and New Risks // Political expertise: POLITEX. Vol. 15, No. 2. pp. 236-244. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.205> (In Russian)
- Shabrov O.F. (1997) Political Management: Problems of Stability and Development. M.: Intellect. (In Russian)
- Shabrov O.F. (2019b). A Systematic Approach in Political Science // Modern political science: Methodology: Scientific edition / Ed. by O.V.Gaman-Golutvina, A.I.Nikitin. – 2nd ed., corrected and added. – M.: Aspect Press, – 776 p. (pp.213-233). (In Russian)
- Ashby U.R. (1959). Introduction to Cybernetics. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1959. P. 294. (In Russian)
- Ashby W.R. (1956). Introduction to Cybernetics, Chapman & Hall Publ., 1956, 295 p.

About the authors

SHABROV Oleg F. DSc (Polit.). Professor. Professor, Department of Public Policy of the Lomonosov Moscow State University. President of the Academy of Political Science <https://orcid.org/0000-0002-8172-1023>. Address: 84 Vernadsky Avenue, 2, Moscow, 119606, Russian Federation oshabr@mail.ru

KOMLEVA Valentina V. DSc (Soc.). Deputy director on scientific work of the National Research Institute of Communications Development; Chair of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: 22/1, Korobeinikov per, Moscow, 119571, Russian Federation, komleva@nicrus.ru.

VOLODENKOV Sergey V. DSc (Polit.). Docent. Professor, Department of Public Policy of the Lomonosov Moscow State University. <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>. Address: 27/4 Lomonosovskiy Prospekt, Moscow, 119991, Russian Federation, s.v.cyber@gmail.com.

GADZHIEV Khanlar A. CandSc (Polit.). Lecturer, Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. <https://orcid.org/0000-0003-0811-1867>. Address: 22/1, Korobeinikov per, Moscow, 119571, Russian Federation, gadzhiev_hanlar@mail.ru.

GULIYEV Iqbal A. CandSc (Econ.). Docent. Deputy Director of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-8667-2016>. Address: 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation. guliyev@miep-mgimo.ru.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: Mart 31, 2022. Approved after peer reviewing: April 25, 2022. Accepted for publication: May 30, 2022. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Влияние элит на выбор вектора развития региона

Михаил Михайлович Чернышов✉

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия
mcherny@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0811-1867>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы типологии региональных элит во взаимосвязи с их влиянием на выбор моделей политического, государственного и социально-экономического развития регионов. Автором выделены и описаны типы региональной элиты (консервативная, радикальная, прогрессивная и колониальная), предложен методический подход по отнесению представителей региональной элиты к определенному типу на основе их финансово-имущественных характеристик. Для групп региональных элит систематизированы поведенческие векторы («матрица векторов») и целевые ориентиры («матрица целей»), предложена схема соотношения «матрицы целей» (цель элиты в регионе, привлекательная система власти, отношение к центру, ориентир концепции изменений) и «матрицы векторов» (горизонта планирования, миграционной мобильности, договороспособности, эскалации насилия) в формате «компас поведения элит» (показывает ориентиры общественно-политического развития при доминировании тех или иных типов региональной элиты). Выдвинута идея разработки «карт сфер влияния и интересов» различных элитарных групп (позволяет провести формализацию ресурсов, мотивов и намерений, создавать логические и математические модели поведения групп элиты, системы мониторинга и прогнозирования). Обосновывается необходимость создания площадок для диалога групп региональных элит по основным ориентирам пространственного развития.

Ключевые слова: региональное развитие, региональные элиты, публичная власть, компас поведения элит, матрицы целей и векторов элит, государственная политика регионального развития

Для цитирования: Чернышов М.М. Влияние элит на выбор вектора развития региона // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 224-237. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-224-237](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-224-237)

The influence of elites on the choice of the vector of development of the region

Mikhail M. Chernyshov✉

National Research Institute for Communications Development, Moscow, Russia
mcherny@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0811-1867>

Abstract. The article deals with the issues of typology of regional elites in connection with their influence on the choice of models of political, state and socio-economic development of regions. The author singles out and describes the types of the regional elite (conservative, radical, progressive and colonial), proposes a methodical approach to classify representatives of the regional elite as a certain type based on their financial and property characteristics. For groups of regional elites, behavioral vectors (matrix of vectors) and targets (matrix of goals) are systematized, a scheme for the correlation of the «matrix of goals» (the goal of the elite in the region, an attractive system of power, attitude to the center, the landmark of the concept of change) and the «matrix of vectors» (planning horizon, migration mobility, negotiability, escalation of violence) in the format of a «compass of elite behavior» (shows guidelines for socio-political development under the dominance of certain types of regional elite). The idea of developing «maps of spheres of influence and interests» of various elite groups has been put forward (it allows for the formalization of resources, motives and intentions, the creation of logical and mathematical models of the behavior of elite groups, monitoring and forecasting systems). The necessity of creating platforms for dialogue between groups of regional elites on the main guidelines for spatial development is substantiated.

Keywords: regional development, regional elites, public power, compass of elite behavior, matrices of goals and vectors of elites, state policy of regional development

For citation: Mikhail M. Chernyshov. The influence of elites on the choice of the vector of development of the region. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 2(4). pp. 224-237. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-224-237](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-224-237)

Введение

На протяжении последнего десятилетия в Российской Федерации формируются нормативно-правовые основы проведения государственной региональной политики, стратегического управления региональным развитием, организации публичной власти¹.

Вместе с тем анализ реализации региональных стратегий развития² показывает, что с 2006 года по настоящее время ни одному субъекту РФ не удалось в полном объеме реализовать запланированное. Одной из причин низкой эффективности реализации региональных планов и стратегий является то, что документы стратегического планирования остаются лишь декларацией намерений и не имеют широкой общественной поддержки, главным образом со стороны региональных элит. В логике создания данных документов не предусматривалось поиска баланса интересов элит и формирования широкого общественного договора по основным целям и приоритетам развития. Это определяет важность проведения научных изысканий в области влияния региональных элит на процессы общественного и социально-экономического развития в субъектах РФ. Данные проблемы актуализируются в условиях предстоящей централизации публичной власти³, влияющей на сложившийся баланс влияния региональных элит.

Материалы и методы

Исследование строится на основе методологии системного анализа, структурного анализа, экспертных оценок, других общенаучных методов познания. Информационной базой исследования послужили работы российских ученых по исследованию общественных связей в регионах Северного Кавказа и Сибири, документы федеральных органов исполнительной власти, а также статистические данные, характеризующие экономическое, демографическое и миграционное состояние регионов, имущественное положение групп региональных элит.

1 Указ Президента РФ от 16 января 2017 года № 13 «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ», от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

2 Анализ проведен автором на основе открытых источников и документов Минэкономразвития Российской Федерации.

3 Положения Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Результаты исследования

На протяжении всей истории развития российского государства региональная элита в разной степени оказывала влияние на принятие ключевых управленческих решений развития регионов. В тех случаях, когда регион имел собственные традиции государственности (например, бывшие русские вечевые республики Северо-Запада, независимые феодальные образования на Кавказе и в Сибири), количество и качество групп региональной элиты было более высоким. Во вновь образованных регионах (главным образом в советский период) самостоятельность и влияние региональной элиты были минимальными.

В период распада Российской империи регионам с более консолидированной и сильной региональной элитой (Польша, Финляндия, Прибалтика) удавалось добиться отделения территорий и независимости. В период распада СССР эти процессы проявились на уровне союзных республик, также тенденции к суверенизации в той или иной степени проявились на уровне некоторых субъектов РФ (например, Чеченской Республики, Татарстана), а на постсоветском пространстве привели к появлению ряда обособившихся регионов (Приднестровской Молдавской Республики, республик Абхазии и Южной Осетии, Луганской и Донецкой народных республик).

В этой связи становится важно понять то, как видят региональные элиты будущее (свое и региона), какими способами можно консолидировать элиты для реализации позитивного вектора развития.

В настоящей статье объектом исследования выступают региональные элиты субъектов РФ, а предметом – их влияние на процессы социально-экономического и общественного развития регионов.

Теоретико-методологические вопросы исследования элит в достаточной степени проработаны в отечественной и зарубежной литературе, в том числе в трудах Вильфреда Парето (15), Роберта Михельса (10), Гаэтано Моска (11), Г.К. Ашина (1), О.В. Гаман-Голутвиной (2; 3), О.В. Крыштановской (8), В.М. Очировой (14) и др. В противоположность марксистско-ленинской модели классовой борьбы элитология рассматривает борьбу элит как двигатель общественного развития. В конкурентной борьбе элит проявляется выбор политической модели управления, но региональные элиты более ограничены в свободе выбора формы государственного устройства, принятия управленческих решений, распределения бюджетных и иных ресурсов.

Под элитой принято понимать высшие социальные группы в системе социальной иерархии, обеспечивающие интеграцию и выполняющие управленческие функции в социально-политической системе (1, с. 230). В этой связи элита – это наиболее видные представители части общества, люди, обладающие авторитетом, общественным влиянием и политической волей. На наш взгляд, не избранность (место в социальной иерархии) характеризуют элиту, а ее активность и влияние на общественно-политические и экономические процессы.

Рассматривая представителей региональной элиты с позиций пространственной иерархии (Рисунок 1), можно выделить несколько направлений (лидеры государственного управления, бизнеса и общественного мнения) и уровней (федеральный, региональный, муниципальный). Отметим, что при изменении уровня нахождения представителя элиты (например, когда руководитель муниципального образования переходит в региональное правительство или региональный чиновник возглавляет территориальное отделение федерального органа исполнительной власти) может меняться его система целей и ценностей, взгляды на развитие территории.

Рисунок 1. Структура региональной элиты с позиций пространственной иерархии

Figure 1. The structure of the regional elite from the standpoint of spatial hierarchy

Региональная элита – это более широкий слой, чем действующие политики, руководители органов власти. К ней можно отнести некоторых представителей бизнеса, религиозных деятелей, ученых, спортсменов, деятелей культуры, врачей, писателей, журналистов, блогеров и т.д. Хотя эти люди не имеют прямых каналов влияния на принятие решений, их мнение воспринимается властью и обществом. Органы власти стараются интегрировать подобных лидеров бизнеса и общественного мнения путем их включения в состав различных общественных и экспертных структур. Не всегда эта мера направлена на организацию «площадок диалога по вопросам развития». В большинстве случаев таким образом решается вопрос сдерживания и нейтрализации протестной активности лидеров.

С позиций целей и ценностей групп региональной элиты нами выделяются четыре типа: консервативная, радикальная, прогрессивная и колониальная элиты (Таблица 1).

Консервативная элита в основном сформировалась на основе бюрократии советского периода и пришедшей к власти в 90-х годах. Она нацелена на удержание власти, собственности и источников доходов (в том числе теневых и коррупционных). Представители данной группы (консерваторы) не заинтересованы в динамичном развитии региона, для них удобнее получать деньги в виде дотаций, компенсаций и т.д. Динамичное развитие нарушает баланс интересов, приводит новых игроков, стимулирует передел сфер влияния, собственности. Поэтому для консервативной элиты более комфортна стагнация с низкой активностью и с небольшим экономическим ростом. Консерваторы стремятся передать посты и власть своим детям или людям из своего клана, поэтому принципы демократии и свободной сменяемости власти противоречат их интересам. Поскольку власть, деньги и собственность консерваторов сосредоточены в основном в регионе проживания, то они больше других групп привязаны к региону, неохотно уезжают в другой регион на постоянное место жительства. Они лояльны федеральному центру (или любому другому государству) при условии финансирования их потребностей и невмешательства в «местные особенности распределения власти». Консерваторы – середнячки по уровню пассионарной активности⁴, в основном «гармоничники» с небольшим числом «пассионариев» (первое поколение) и «субпассионариев» (вырождающееся второе и последующие поколения). Консервативная элита доминирует в большинстве российских регионов.

Радикальная элита (радикалы)⁵ представлена амбициозной группой, которая по разным причинам не смогла получить достаточно власти, доходов и собственности. Эта группа нацелена на разрушение существующей системы власти и передел собственности, готова поддержать силовые формы захвата власти и решения конфликтов. Радикалы часто отрицают существующий миропорядок, спекулируют на нарушениях социальной справедливости, используя демагогические лозунги религиозной, национальной, популистской направленности. Если для консерваторов основа власти – традиции (адаты), достигнутый баланс договоренностей, то радикалы уважают лишь власть, подкрепленную реальной силой. Радикалы – в основном пассионарии, они стремятся активизировать субпассионарную часть общества, консолидировать к протесту и поддержке своих интересов тех, кто в обычном состоянии лоялен к власти. Их цель – революция. Радикалы стремятся к суверенизации региона, вплоть до образования отдельного государства, чтобы убрать внешний контроль и факторы, мешающие захвату власти и переделу собственности. Поскольку радикалы в основном не имеют доступа к ресурсам, выделяемым федеральным центром региону, то дотации не становятся сдерживающим их амбиции фактором. Темпы роста экономики вторичны для этой группы, которая готова решать проблемы собственного благосостояния за счет других групп населения.

⁴ Источник терминологии: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.

⁵ Более подробно описано в статье: Чернышов М.М. Красное и черное // Ежедневник «Черновик» № 34 от 24 августа 2007 года. URL: <https://chernovik.net/content/ekonomika/krasnoe-i-chyornoe>.

Таблица 1. Целевые ориентиры групп региональных элит («матрица целей») **Table 1.** Targets of groups of regional elites («matrix of goals»)

Характеристика элиты	Тип элиты			
	Консервативная	Радикальная	Прогрессивная	Колониальная
Цель элиты в регионе	Удержание власти и собственности	Захват власти и передел собственности	Повышение эффективности власти и стоимости собственности	Удержание власти, захват собственности, выполнение указаний центральной власти
Привлекательная для элиты система власти	Авторитарная система с наследственной формой передачи власти	Авторитарная система с силовой формой передачи власти	Демократическая система с конкурентной формой передачи власти	Авторитарная система с административно-правовой формой передачи власти
Отношение элиты к федеральному центру	Изоляция региона в обмен на лояльность к центру	Обособление региона вплоть до отделения от центра	Включение региона в открытое пространство глобального мира	Максимальная лояльность центру, даже в ущерб интересам региона
Ориентир концепции изменений	Стагнация	Революция	Модернизация	Эволюция

Составлено: на основе эмпирических исследований автора, опросов и экспертных оценок
Compiled: based on the author's empirical research, surveys and expert assessments

Прогрессивная элита (прогрессоры) представлена чаще всего образованной, интеллектуальной частью общества. Многие из представителей этой группы обладают стратегическим и проектным мышлением, способны создавать новый бизнес (в том числе в информационной и наукоемких сферах), не боятся привлекать в него посторонних инвесторов. Они наиболее зависимы от состояния общественных институтов, уязвимы к давлению власти со стороны консерваторов и к силовым воздействиям со стороны радикалов. Они не имеют достаточного доступа к ресурсам власти, не унаследовали значительной собственности. Прогрессоры заинтересованы в повышении эффективности власти, высоких темпах экономического роста, развитых общественных институтах, при которых их бизнес-активы могут быть капитализированы в системе биржевой торговли или путем интеграции в крупные компании. Они заинтересованы в том, чтобы регион был частью глобальной экономики, поддерживают интеграцию страны в наднациональные объединения. Они достаточно мобильны, будучи недостаточно востребованы в регионе или под воздействием негативной внешней среды, могут переехать на постоянное место жительства в другой регион или страну. Прогрессоры умеют конкурировать в политической и экономической сферах, поэтому тяготеют к демократическим формам правления. Они заинтересованы в модернизации власти и общества, которая бы создала комфортные условия для жизни и бизнеса. По уровню пассионарной активности прогрессоры (как и консерваторы) в основном «гармоничники», но уровень «пассионариев» в этой группе значителен.

Колониальная элита (колонизаторы, «варяги») дуалистична: с одной стороны, ее представители живут и работают в регионе (в основном в территориальных

подразделениях федеральных органов власти, филиалах национальных и международных компаний); с другой стороны, могут воспринимать его как временное место. Возможны случаи, когда представители колониальной элиты, определяясь с постоянным местом жительства своей семьи (например, в столице государства), переходят в другой разряд региональной элиты, меняя свою поведенческую модель. В ряде случаев представители колониальной элиты могут планировать выезд на постоянное место жительства за рубеж, до конца активной деятельности не рассматривая свою страну как место самоидентификации. Это наиболее мобильный тип региональных элит (часто имеет жилую недвижимость в других регионах и странах). Чаще всего «варяги» не связывают себя с развитием региона (так как срок их пребывания в регионе меньше минимальных экономических циклов), выполняют указания федерального центра, их цель – удержание власти, захват собственности (для дальнейшей перепродажи) и контроль над финансовыми потоками (для получения коррупционной маржи), а для этого необходимо выполнение указаний центральной власти или головных офисов компаний, иногда даже в ущерб интересам региона (нередко такая позиция приводит к экологическим и техногенным катастрофам⁶). В экономике для них привлекательна эволюция, без резких изменений и потрясений, в политике – авторитарная система с административно-правовой формой передачи власти.

Колониальная элита может быть как деструктивной (временщики, нацеленные на скорейшее обогащение и переезд в более комфортные для проживания регионы), так и конструктивной (профессионалы, носители более высокой управленческой культуры).

Проведенный анализ позволил соотнести типы региональных элит с векторами пространственного развития (Таблица 2). Консервативная элита меньше всего склонна к эскалации насилия для достижения своих целей, наименее мобильна (так как связана собственностью и бизнес-интересами в регионе), обладает средним уровнем договороспособности, не склонна строить долгосрочные планы (более 1–2 лет). Радикальная элита легко идет на эскалацию насилия, использует протесты для достижения собственных целей, не строит сложных планов на будущее (живут настоящим днем и часто не понимают необходимости разработки долгосрочных и стратегических планов), не склонна к миграции (хотя некоторые наиболее радикальные представители могут мобилизоваться и переехать, например, эмигрировать в ИГИЛ⁷). Радикалы с трудом идут на переговоры с другими группами, часто это происходит под силовым или правовым воздействием государственной системы⁸.

⁶ Например, экологическая катастрофа в Норильске в 2020 году. См: Катастрофа каждый день // КузПресс: Информационно-аналитический сайт Новокузнецка. URL: <https://kuzpress.ru/ecology/07-06-2020/75352.html>.

⁷ Непризнанное квазигосударство с шариатской формой правления, расположенное на территории Сирии и Ирака. ИГИЛ судом запрещен на территории РФ.

⁸ Например, для локализации активности салафитской общины в Дагестане был принят закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (от 22 сентября 1999 года № 15), действовала система «профилактического учета» (надзора) и ограничения на перемещение членов общины.

Таблица 2. Поведенческие векторы групп региональных элит («матрица векторов») **Table 2.** Behavioral vectors of regional elite groups («vector matrix»)

Тип вектора	Тип элиты			
	Консервативная	Радикальная	Прогрессивная	Колониальная
Вектор горизонта планирования	(2) Краткосрочный	(1) Минимальный (текущее планирование)	(4) Долгосрочный	(3) Среднесрочный
Вектор миграционной мобильности	(1) Низкая	(2) Средняя	(3) Высокая	(4) Максимально высокая
Вектор договороспособности	(2) Средняя	(1) Низкая	(4) Очень высокая	(3) Высокая
Вектор эскалации насилия	(1) Низкая	(4) Очень высокая	(3) Высокая	(2) Средняя

Составлено: на основе эмпирических исследований автора, опросов и экспертных оценок
Compiled: based on the author's empirical research, surveys and expert assessments

Представители прогрессивного типа – наиболее договороспособны из всех региональных элит, в большинстве своем они понимают и поддерживают создание долгосрочных (более 10 лет) планов территориального развития, вместе с тем готовы поддержать протестные акции (в том числе одобрять идеологически мотивированное насилие⁹). Поскольку прогрессоры более конкурентоспособны в глобальном мире, не имея возможности полностью реализовать себя в регионе, они сравнительно легко могут переехать в другой регион или страну.

Колониальная элита наиболее мобильна (в силу своей исторической привязанности к другим регионам или вовлеченности в систему карьерного роста крупных национальных и международных компаний, органов власти), они склонны планировать свою деятельность (чаще всего на сроки ротации кадров в компаниях и в органах власти – 3–7 лет), готовы договариваться с другими влиятельными группами (из-за нестабильности собственных позиций в регионе), но в то же время поддерживают силовые решения в отношении местных элитарных групп.

Для выявления конкретных представителей групп элит нами предлагается использовать присущие им типичные финансово-имущественные характеристики. Например, для консерваторов характерно владение расположенными в регионе значительными земельными участками (в том числе сельскохозяйственного назначения), жилым и коммерческим фондом (для сдачи в аренду),

⁹ Показателен исторический пример общественной поддержки со стороны прогрессивной интеллигенции Веры Засулич (оправданной присяжными за покушение на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова). В 2010 году Конституционный суд России лишил обвиняемых в терроризме права на суд присяжных – из-за высокого (около 40%) количества оправдательных приговоров.

престижными квартирами и домами для собственного проживания, престижным автотранспортом для личного потребления, крупными депозитами в федеральных и региональных банках (в том числе валютных), им присуща очень низкая банковская закредитованность. Прогрессоры обычно владеют производственными активами в регионе, имеют бизнес-интересы в других регионах, владеют ценными бумагами (включенными в федеральный и международный биржевой листинг), активно пользуются кредитами для развития бизнеса, имеют собственное жилье и транспорт. Радикалы чаще всего владеют небольшим бизнесом в зависимой от рыночной конъюнктуры сфере экономики, имеют собственный автотранспорт и арендованное жилье, обладают высоким уровнем потребительской закредитованности. Колонизаторы могут иметь в регионе разные высоколиквидные активы, пользуются арендованным или служебным жильем и автотранспортом в регионе (при этом чаще всего имеют хорошее жилье в других регионах и за рубежом), большую часть рублевых сбережений хранят за пределами региона или в крупных федеральных банках (могут иметь валютные накопления за рубежом, в том числе в офшорах и криптовалютах). С определением финансов и имущества консервативной и колониальной групп элиты могут возникать трудности, связанные с тем, что имущество и другие активы могут быть оформлены на родственников и доверенных лиц, а финансовые вложения помещены на анонимные счета.

Подобный финансово-имущественный портрет элит может стать основой для разработки для региона «карты сфер влияния и интересов» различных элитарных групп (это является перспективным направлением для дальнейшего исследования).

Схематическое представление поведенческих векторов и целевых ориентиров региональных элит (Рисунок 2) позволило составить своеобразный «компас» поведения элит. Четыре главных румба показывают ориентиры общественно-политического развития при доминировании того или иного типа региональной элиты¹⁰. Четыре четверных румба показывают варианты предпочтительного развития при доминировании двух договороспособных групп элит. Показан антагонизм колониальной и радикальной, консервативной и прогрессивной групп элит. Рост влияния прогрессивной и радикальной элиты в России в конце XIX – начале XX века привел к Февральской и Октябрьской революциям, появлению СССР. В 30-е годы XX века в Германии, Испании и Италии сотрудничество консервативной и радикальной элит привело к власти национал-социалистов. Когда колониальной элите удавалось прийти к балансу с интересами местных консерваторов, создавались колониальные империи (которые впоследствии были разрушены под воздействием растущего влияния радикальных элит).

¹⁰ В чистом виде ориентиры главных румбов достаточно редко встречаются в современном мире: анархия (Сомали в 90-е годы), меритократия (Сингапур), колониализм (Гибралтар), монархия (Саудовская Аравия). Это обуславливает необходимость поиска компромисса между группами элит.

Рисунок 2. Схема соотношения поведенческих векторов и целевых ориентиров основных типов региональных элит («компас элит»)

Figure 2. The scheme of the ratio of behavioral vectors

В этой связи актуальна научная задача обоснования принципов и конструктивных подходов к формированию платформ диалога региональных элит и выработке элементов общественного договора по вопросам регионального развития. Такой опыт имел место в России на региональном¹¹ и муниципальном¹² уровнях.

При этом не ставится цель обеспечить участие в диалоге всех (или даже большинства) представителей каждой из региональных элит. Далекое не все политические деятели, руководители органов власти, НКО, деятели науки, культуры, религии являются лидерами и акторами (действующими субъектами) диалога о векторах раз-

11 Например, Съезд народов Дагестана 2010 года стал позитивным опытом организации диалога между региональными элитами по острым проблемам развития (внутриконфессиональное примирение исламских общин тарикатистов и салафитов, земельный вопрос, сохранение национальных языков и культуры). Источник: III Съезд народов Дагестана // Журнал «Народы Дагестана». 2011. № 1. http://www.narodidagestana.ru/vipusk/7/stat/iii_sezd_narodov_dagestana.

12 На уровне муниципального образования удалось объединить в процессе разработки Стратегии развития города Самары до 2025 года на площадке «живой стратегии» более 3,5 тысяч ученых, экспертов, бизнесменов, государственных служащих. В течение 2 лет шел процесс внутригородского обсуждения желаемого будущего. Данный опыт разработки «стратегии мягкого обновления» вошел в доклад ЮНЕСКО на конференции ООН по жилищному строительству и устойчивому развитию городов (17–20 октября 2016 года, г. Кито, Эквадор). Источник: Стратегия комплексного развития Самары до 2025 года. <https://www.samadm.ru/docs/strategiya-2025/>.

вития¹³. Важно обеспечить на площадке представительство всех элитарных групп, которое позволит выработать сбалансированные базовые принципиальные решения, на основе которых будут выстраиваться конкретные соглашения.

Выводы

Проведенные исследования показывают, что существующие подходы к определению состава и групп региональной элиты нуждаются в доработке, с учетом отношения элиты к процессу разработки и реализации стратегий и долгосрочных планов развития регионов. Для целей исследования нами выделены и описаны четыре типа региональной элиты: консервативная, радикальная, прогрессивная и колониальная. Показаны финансово-имущественный портрет элит, «матрицы» целей и векторов элитных групп, составлен «компас поведения элит». Обозначена идея разработки «карты сфер влияния и интересов» элит.

При разработке документов долгосрочного характера, реализации государственной политики регионального развития федеральные и региональные органы власти должны формировать реальные площадки для диалога групп региональной элиты по ключевым проблемам развития, выработки элементов «общественного договора», механизмов участия элит в реализации стратегий развития и контроля за соблюдением договора.

Список источников

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография [Elitology: history, theory, modernity: monograph]. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты как предмет научного анализа [Russian elites as a subject of scientific analysis] // Общество и экономика. 2008. № 3/4. С. 175-196.
3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке [Political elites as an object of research in Russian political science] // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38-73.
4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют? [Why do people rebel]. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Л.: Изд-во ЛГУ. 1989. 496 с.
6. Зубаревич Н.В. Роль экономического развития в формировании региональных элит [The role of economic development in the formation of regional elites // Transformation of Russian regional elites in a comparative perspective: materials of an international seminar] // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы международного семинара, г. Тверь, 20–22 февраля 1998 г. М.: МОНФ, 1999. С. 25-46.
7. Клименко И.С. Научная элита: опыт формально-концептуального моделирования [Scientific elite: the experience of formal and conceptual modeling] // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 2. С. 129-143. DOI: 10.46539/elit.v1i2.21.
8. Крыштановская О. Анатомия российской элиты [Anatomy of the Russian elite]. М.: Захаров, 2005. 384 с.

13 В отличие от большинства авторов, рассматривающих лишь политическую элиту, нами выделяются лидеры бизнеса и общественного мнения, которые не участвуют в политических процессах, но оказывают мощное влияние на позицию значительной части общества. Например, таким был духовный лидер мусульман Дагестана исламский богослов и суфийский шейх Саид Афанди Чиркейский, убитый в результате теракта в 2012 году.

9. Крыштановская О.В. Региональная элита и выборы [Regional elite and elections] // Региональная элита в современной России / Под общ. ред. Я. Фрутхманна. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2005. С. 114–142.
10. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия [Democratic aristocracy and aristocratic democracy] // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 107.
11. Моска Г. Правящий класс [Ruling class] // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198; № 12. С. 97–117.
12. Мохов В. Об определении понятия «элита» [On the definition of the concept of «elite»] // Общество и экономика. 2008. № 3/4. С. 130–143.
13. Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект [Sociology of Wilfredo Pareto: a political aspect]. СПб: Алетейя, 2004. 160 с.
14. Очирова В.М. Структура политической элиты [The structure of the political elite] // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 7 (64). С. 77–84.
15. Парето В. Трансформация демократии [Transformation of democracy] // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М.: Изд-во МУБиУ, 1996. С. 155–166.
16. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество: Новый ракурс постсоветской эры [Modern Russia as a feudal society: A new perspective of the post-Soviet era]. М.: Столица-Принт, 2008. 367 с.
17. Michels R. Political Parties: Sociological study of oligarchical tendencies of Modern Democracy. Kitchener, Ontario, 2001.
18. Pareto V. Elites and Their Circulation / C.S. Heller (ed.) Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification. N.Y., 1969.
19. Pareto V. The Rise and Fall of the Elites: An Application of Theoretical Sociology. N.Y., 1991.

Информация об авторе

ЧЕРНЫШОВ Михаил Михайлович. Кандидат экономических наук. Советник Национального исследовательского института развития коммуникаций; <https://orcid.org/0000-0003-0811-1867>. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22/1. mcherny@bk.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 19 февраля 2022. Одобрена после рецензирования: 1 марта 2022. Принята к публикации: 20 марта 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ashin G.K. Elitology: history, theory, modernity: monograph – Moscow: MGIMO-University, 2010. – 600 p.: monografiya — М.: MGIMO-Universitet, 2010. – 600 s.] (In Russian)
2. Gaman-Golutvina O. V. Russian elites as a subject of scientific analysis // Society and Economics. – 2008. – No. 3/4. – pp. 175–196 (In Russian)
3. Gaman-Golutvina O.V. Political elites as an object of research in Russian political science // Political Science. 2016. No. 2. pp. 38–73. (In Russian)
4. Garr T.R. Why do people rebel? – Saint Petersburg: Peter, 2005, 461 p. (In Russian)

5. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and the Earth's Biosphere. – Leningrad: Leningrad State University Publishing House. 1989. – 496 p. (In Russian)
6. Zubarevich N.V. The role of economic development in the formation of regional elites // Transformation of Russian regional elites in a comparative perspective: materials of an international seminar, Tver, February 20–22, 1998 – Moscow: MONF, 1999. – pp. 25–46 (In Russian)
7. Klimenko I.S. Scientific elite: the experience of formal and conceptual modeling // Questions of elitology. – 2020. – Vol. 1. – No. 2. – pp. 129–143 (In Russian)
8. Kryshtanovskaya O. Anatomy of the Russian elite. – Moscow: Zakharov, 2005. – 384 p. (In Russian)
9. Kryshtanovskaya O.V. Regional elite and elections // Regional elite in modern Russia // Under the general editorship of Ya. Fruthmann. – М.: Foundation «Liberal mission». 2005. pp. 114–142 (In Russian)
10. Michels R. Democratic aristocracy and aristocratic democracy // Sociological research. 2000. No. 1. p. 107 (In Russian)
11. Mosca G. Ruling class // Sociological research. – 1994. – No. 10. – pp. 187–198; No. 12. – pp. 97–117 (In Russian)
12. Mokhov V. On the definition of the concept of «elite» // Society and Economy. – 2008. – No. 3/4. – pp. 130–143 (In Russian)
13. Osipova E.V. Sociology of Wilfredo Pareto: a political aspect – St. Petersburg: Aleteya. 2004. – 160 p. (In Russian)
14. Ochirova V. M. The structure of the political elite // Bulletin of the Chita State University. – 2010. – № 7(64). – Pp. 77–84 (In Russian)
15. Pareto V. Transformation of democracy // Western European sociology of the XIX – early XX centuries. – М.: Publishing House of MUBiU, 1996. pp. 155–166 (In Russian)
16. Shlyapentokh V. Modern Russia as a feudal society: A new perspective of the post-Soviet era – М.: Stolitsa-Print, 2008. – 367 p. (In Russian)
17. Michels R. Political Parties: Sociological study of oligarchical tendencies of Modern Democracy. Kitchener, Ontario, 2001.
18. Pareto V. Elites and Their Circulation / C.S. Heller (ed.) Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification. N.Y., 1969.
19. Pareto V. The Rise and Fall of the Elites: An Application of Theoretical Sociology. N.Y., 1991.

About the author

CHERNYSHOV Mikhail M. CandSc (Econ.). Advisor to the National Research Institute for Communications Development; <https://orcid.org/0000-0003-0811-1867>. Address: 22/1, Korobeinikov per, Moscow, 119571, Russian Federation, mcherny@bk.ru.

Contribution of the authors

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: February 19, 2022. Approved after peer reviewing: March 1, 2022. Accepted for publication: March 20, 2022. Published: 27.06.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Миграционная политика современной России: условия обеспечения общественно-политической стабильности

Михаил Александрович Бурда^{1a}, Марина Михайловна Иванова^{2b}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия,

² Федеральная служба по труду и занятости, Москва, Россия

^a burdam584@gmail.com

^b marina.more.ivanova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся подходы к реализации миграционной политики Российской Федерации, выделяются некоторые условия, оказывающие дестабилизирующее воздействие на ее восприятие в обществе. Анализируя и вводя в научный оборот отдельные статистические данные федеральных органов исполнительной власти, авторы говорят о существующих точках миграционного притяжения, структурируют направленные в Россию внешние миграционные потоки. Авторы акцентируют внимание на необходимости определенных изменений, связанных с количественными и качественными показателями внешней миграции, полагая, что повышение эффективности деятельности органов государственной власти в указанной сфере станет условием для обеспечения общественно-политической стабильности при обострении миграционной проблематики.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, внешняя миграция, политическая стабильность, постсоветское пространство

Для цитирования: Бурда М.А. Иванова М.М. Миграционная политика современной России: условия обеспечения общественно-политической стабильности. Россия и мир: научный диалог // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 238-245. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-238-245](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-238-245)

Migration policy of modern Russia: conditions for ensuring socio-political stability

Mikhail A. Burda^{1a}, Marina M. Ivanova^{2b}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,

² Federal Service for Labor and Employment (Rostrud), Moscow, Russia

^a burdam584@gmail.com

^b marina.more.ivanova@yandex.ru

Abstract. In the article we analyze existing approaches to the implementation of the migration policy in the Russian Federation, highlight some conditions that have a destabilizing effect on its perception in society. Analyzing and introducing into scientific circulation some statistical data of federal executive authorities the authors talk about the existing points of the migration attraction and structure the international migration flows directed to Russia. The authors focus on the necessity of the certain changes related to the quantitative and qualitative indicators of international migration, believing that improving the efficiency of public authorities in this area will become a condition for ensuring socio-political stability with the deterioration of migration issues.

Keywords: migration policy, migration processes, international migration, political stability, post-Soviet space

For citation: Mikhail A. Burda, Marina M. Ivanova. Migration Policy of Modern Russia: Conditions for Ensuring Socio-political Stability. Russia & World: Scientific Dialogue. 2022. No. 2(4). pp. 238-245. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-238-245](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-238-245)

Введение

Процессы миграции являются неотъемлемым элементом жизни государств, одни из которых принимают мигрантов (реципиенты), а другие становятся миграционными донорами. Все большее число стран оказываются вовлеченными в транснациональные миграционные процессы, и почти не осталось стран, которых бы не коснулись проблемы миграции и ее последствия. Организация Объединенных Наций фиксирует увеличение объемов международной миграции в начале XXI века более чем на 100 млн человек (с 173 млн в 2000 году до 281 млн к началу 2021 года, даже с учетом существенно замедлившейся международной миграции в 2020 году пандемии COVID-19¹. Примене-

¹ ООН. Основные показатели международной миграции на 2020 год. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf.

ние различных подходов к пониманию миграции как современного глобально-политического явления, затрагивающего множество сторон общественной жизни, обусловили необходимость корректировки имеющихся нарративов формирования миграционной политики государства, связанных с необходимостью решения экономико-демографических проблем, одновременно с обеспечением национальной безопасности.

Материалы и методы

В качестве основы для настоящего исследования использованы работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные миграционной проблематике, информационно-справочные материалы международных организаций и органов власти Российской Федерации. В качестве основного метода настоящего исследования применен системный метод, позволивший проанализировать миграцию как глобальное социально-политическое явление, а также влияние реализуемой государственной миграционной политики на обеспечение общественно-политической стабильности. Также в работе нашли свое отражение компаративный, институциональный и диалектический методы.

Результаты исследования

В 2015 году, на пике миграционного кризиса в Европе, началось обсуждение необходимости принятия нового документа в сфере глобальной миграции. Уже в 2016 году 193 государства-члена ООН подписали в Нью-Йорке Декларацию о беженцах и мигрантах². В том же году была поставлена цель обеспечить принятие миграционного пакта к концу 2018 года максимальным числом государств. В декабре 2018 года прошла Межправительственная конференция для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции³.

Данный документ вызвал множество дискуссий на международном пространстве, некоторые страны вовсе отказались ратифицировать его, что можно объяснить определенной политической конъюнктурой внутри государств, связанной с мигрантофобией и проблематикой интеграции большого количества мигрантов в принимающее общество, их адаптации к новым условиям жизни.

В современной России влияние миграции как социально-политического явления на политическую стабильность обусловлено достаточно прагматичным пониманием соответ-

² ООН. Основные показатели международной миграции на 2020 год. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf.

³ Официальный сайт Евросоюза [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/54597/глобальный-договор-о-безопасной-упорядоченной-и-легальной-миграции_ru.

ствующих процессов с точки зрения бизнеса и части политической элиты, поддерживающей экономико-демографический концепт миграции.

В такой парадигме внешняя миграция становится механизмом увеличения доли трудоспособного населения, способом решения демографических проблем (4).

Однако указанный подход совершенно не учитывает риски замещения местного населения внешними мигрантами, повышения конфликтного потенциала, базирующегося на разности культур, менталитета, формировании этнических анклавов в крупных городах, которые стали точками миграционного притяжения.

Сопоставляя данные МВД России (миграционный учет иностранных граждан в субъектах Российской Федерации) и Федеральной службы государственной статистики (численность населения, постоянно зарегистрированного в субъектах Российской Федерации), можно выделить отдельные российские регионы, имеющие критическую долю внешних мигрантов: Москва (27,5%), Санкт-Петербург и Ленинградская область (21,5%), Московская область (20,5%), Калужская область (20,1%)⁴ и др.

Такого рода миграционный переизбыток отражается на общественном восприятии внешней миграции, выражающейся в одобрении различных рестриктивных мер ограничения притока приезжих⁵.

В этой связи представляется интересным мнение М.Ю. Апанович, которая, говоря о политологическом понимании термина «миграция», акцентировала внимание на трансформации государственно-политической реальности в контексте влияния на принимающий социум перемещающегося населения (1).

В связи с этим ограничение внешней миграции, упорядочение данного процесса в настоящее время все больше рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности, где можно выделить следующие направления деятельности институтов государственной власти и их взаимодействия с институтами гражданского общества:

- обеспечение эффективного иммиграционного контроля;
- формирование инструментария социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации.

В рамках институциональной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, компетентных в сфере миграции (МВД России, ФСБ России, Минтруд России, Минэкономразвития России, Роструд, ФАДН России), следует говорить о выработке предложений, связанных с количественным регулированием внешней миграции, совершенствованием принимаемых мер миграционного учета, ужесточения ответственности за организацию и осуществление нелегальной миграции. Данный подход представляется очевидным в целях снижения конфликтного потенциала в точках миграционного притяжения, в качестве которых в современной России выступают отдельные регионы.

⁴ МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/>.

⁵ Ксенофобия и мигранты. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/>.

В рамках второго направления, реализуемого органами власти во взаимодействии с институтами гражданского общества, мы вправе говорить о формировании качественных критериев внешней миграции, которые будут позволять потенциальным мигрантам проще адаптироваться к работе в России и интегрироваться в российское общество (знание русского языка, обладание востребованной профессией, высокой квалификацией, интеграционным потенциалом).

Реализация данных направлений позволит в существенной мере переформатировать парадигму миграционной политики современной России в сторону приоритета интересов обеспечения национальной безопасности и внутривнутриполитической стабильности над количественными экономическими и демографическими показателями.

Обсуждение

Особенности миграционных процессов на постсоветском пространстве обусловлены трансформацией некогда внутренней миграции в рамках одного государства в международные миграционные процессы, в рамках которых современная Россия стала главным центром миграционного притяжения иностранной рабочей силы. Российские исследователи В.А. Волох (3), С.В. Рязанцев (6) и др. выделяют так называемый «Евроазиатский миграционный коридор», сложившийся между Россией и центральноазиатскими государствами.

Произошедшая интенсификация миграционных перемещений на постсоветском пространстве потребовала от государств выработки новых подходов к реализации государственной миграционной политики, а формирование собственной государственно-гражданской и этнорелигиозной идентичностей в постсоветских республиках, актуализировало необходимость поиска подходов к компромиссному сосуществованию принимающего общества и внешних мигрантов в государстве приема.

Миграционный режим Российской Федерации выделяет три категории государств, в отношении которых действуют различные подходы, связанные с уровнем миграционных предпочтений. К первой группе относятся государства-члены Евразийского экономического союза (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия) – государства, пользующиеся максимальным уровнем предпочтений в рамках единого экономического пространства. Ко второй группе следует отнести иные государства СНГ, не являющиеся членами ЕАЭС (Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Украина), государства, с которыми у России установлен безвизовый порядок въезда, в том числе и для осуществления трудовой деятельности. К третьей группе отнесем государства с визовым порядком миграционного взаимодействия.

Рассмотрим отдельные миграционные показатели государств постсоветского пространства в 2019 и 2021 годах, осознанно не затрагивая показателей 2020 года, в рамках которого были существенно ограничены миграционные перемещения ввиду жестких мер противодействия пандемии COVID-19.

Таблица 1. Иностранцы трудовые мигранты в Российской Федерации в 2019 и 2021 годах (по данным МВД России)

Table 1. Foreign labor migrants in the Russian Federation in 2019 and 2021 (according to the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Государство	Количество граждан иностранного государства, поставленных на миграционный учет в Российской Федерации	Заявленная цель въезда в Российскую Федерацию «Работа»	Количество граждан иностранного государства, поставленных на миграционный учет в Российской Федерации	Заявленная цель въезда в Российскую Федерацию «Работа»
ВСЕГО	13 863 521	5 478 249	13 392 897	9 530 934
Государства-члены СНГ, не входящие в ЕАЭС				
1 Азербайджан	465 615	194 929	477 160	275 280
2 Таджикистан	1 585 146	1 179 423	3 076 781	2 439 198
3 Узбекистан	2 584 207	2 107 302	4 961 301	4 519 618
4 Украина	1 133 957	435 528	711 511	240 590
5 Молдова	340 183	174 150	209 884	104 582
Государства-члены ЕАЭС				
1 Армения	331 115	210 460	578 789	389 809
2 Беларусь	29 444	1 607	466 034	174 500
3 Казахстан	560 067	136 208	562 738	163 938
4 Киргизия	583 717	453 702	1 063 928	884 133

Исходя из материалов данной таблицы, мы можем наблюдать существенное (почти двукратное) увеличение доли трудовых мигрантов в миграционных потоках, направленных в Российскую Федерацию в том числе за счет пропорциональной тенденции роста доли трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Формирование толерантных отношений между россиянами и внешними мигрантами из постсоветских государств, активно привлекаемыми на российский рынок труда, является одной из главнейших задач миграционной политики современной России, где в настоящее время практически отсутствует адаптационно-интеграционная инфраструктура (курсы русского языка, истории и культуры, центры адаптации и консультационные услуги), что оказывает существенное влияние на условия обеспечения внутривнутриполитической стабильности.

Выводы

Миграционная система государства, являясь одной из составных частей системы государственного управления, также обретает зависимость от принимаемых политических решений, которые в управленческой плоскости отвечают за формирование и после-

6 МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года с распределением по странам и регионам. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/>.

7 МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/>.

дующее применение критериев востребованной миграции в государстве приема и миграционной привлекательности государства приема в государстве исхода мигрантов (5).

Современные государства-реципиенты вынуждены находить своего рода миграционный компромисс, в соответствии с которым экономическая потребность во внешних мигрантах будет согласована с обеспечением интересов национальной безопасности в рамках таких формальных критериев, миграционной системы (миграционный режим, законодательство), а также неформальных общественных критериев – миграционных нарративов, обусловленных этническими и культурно-религиозными различиями между принимающим обществом и мигрантами.

Спецификой Российской Федерации в данном случае является то, что основной поток внешней миграции составляют трудовые мигранты с постсоветского пространства, которые далеко не всегда рассматривают нашу страну в контексте нового постоянного места жительства, а значит, не заинтересованы в полноценной интеграции в российское общество. Особенности количественного и качественного состава внешней миграции в Россию из государств постсоветского пространства (прежде всего Узбекистана, Таджикистана и Киргизии), а также их концентрации в определенных точках миграционного притяжения формируют риски для внутривнутриполитической стабильности.

Список источников

1. Апанович, М.Ю. (2018), Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе [Political Aspects of Migration Processes in Contemporary Europe] / Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Науч. изд. Москва: Аспект Пресс, 173 с.
2. Бурда, М.А. (2015), Миграционное законодательство как механизм реализации государством своих властных функций [Migration Legislation as a Mechanism for the State to Exercise its Power Functions], Евразийский юридический журнал, № 3 (82).
3. Волох, В.А., Курдюмов, Н.В. (2021), Пандемия: проблемы управления международной трудовой миграцией [Pandemic: Problems of Managing International Labor Migration], Власть, Т. 29, № 4, с. 139-145.
4. Герасимова, И.В. (2014), Влияние миграционных процессов на регулирование социально-трудовых отношений: монография [The Impact of Migration Processes on the Regulation of Social and Labor Relations: Monograph], Москва: ГУУ, 188 с.
5. Михайлова, Н.В., Бурда, М.А., Гришин, О.Е. (2020), Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции [State Migration Policy of Russia: Current Issues of External Labor Migration], Этносоциум и межнациональная культура, № 4 (142), с. 9-15.
6. Рязанцев, С.В., Письменная, Е.Е., Воробьева, О.Д. (2020), Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики [The Eurasian Migration Corridor: Theoretical Aspects, Scope Estimates, and Key Characteristics], Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право, № 3-4, с. 5-18.

Информация об авторах

БУРДА Михаил Александрович. Кандидат политических наук. Доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82, стр.1, burdam584@gmail.com.

ИВАНОВА Марина Михайловна. Специалист Управления контроля и координации в сфере занятости населения Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), Адрес: 101000, Российская Федерация, г. Москва, Мясницкая улица, 40, стр. 16, marina.more.ivanova@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2022. Принята к публикации: 2 апреля 2022. Опубликовано: 27.06.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Apanovich, M.Yu. (2018), Political Aspects of Migration Processes in Contemporary Europe, Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnykh otnoshenij (universitet) MID Rossii. Nauch. izd. Moskva: Aspekt Press, 2018, 173 p. (In Russian)
2. Burda, M.A. (2015), Migration Legislation as a Mechanism for the State to Exercise its Power Functions, Evrazijskij juridicheskiy zhurnal, No. 3 (82). (In Russian)
3. Gerasimova, I.V. (2014), The Impact of Migration Processes on the Regulation of Social and Labor Relations: Monograph, Moskva: GUU, 188 p. (In Russian)
4. Mikhajlova, N.V., Burda, M.A., Grishin, O.E. (2020), State Migration Policy of Russia: Current Issues of External Labor Migration, Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura, No. 4 (142), pp. 9-15. (In Russian)
5. Ryazancev, S.V., Pishmennaya, E.E., Vorob'eva, O.D. (2020), The Eurasian Migration Corridor: Theoretical Aspects, Scope Estimates, and Key Characteristics, Nauchnoe obozrenie. Ser. 1. Ekonomika i pravo, No. 3-4, pp. 5-18. (In Russian)
6. Volokh, V.A., Kurdyumov, N.V. (2021), Pandemic: Problems of Managing International Labor Migration // Vlast', Vol. 29, No. 4, pp. 139-145. (In Russian)

About the authors

BURDA Mikhail A. CandSc (Polit). Associate Professor of the Department of Political Science and Political Management, Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 82 Vernadsky Avenue, p.1, Moscow, Russian Federation, 119571, burdam584@gmail.com.

IVANOVA Marina M. Specialist of the Department of Control and Coordination in the Sphere of Employment, Federal Service for Labor and Employment (Rostруд). Address: 40, p. 16, Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russian Federation, marina.more.ivanova@yandex.ru.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: Mart 30, 2022. Approved after peer reviewing: April 1, 2022. Accepted for publication: April 2, 2022. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран будет опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и другие);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Sc. Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Ваше участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

Россия и мир: научный диалог
Научный рецензируемый журнал

Главный редактор

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Заместитель главного редактора

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

Заместитель главного редактора

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России, Генеральный директор ИД «Проект Медиа групп» (Россия)

Выпускающий редактор

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета (Россия)

Редактор-переводчик – д-р фил. н. Л.Е. Бушканец
Корректор – канд. фил. н. И.А. Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

Макет и предпечатная подготовка Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 27.06.2022

Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

Russia & world: scientific dialogue
Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, General Director of the Project Media Group Publishing House (Russia).

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), professor, professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University (Russia).

Editors-translators – DSc. (Filol) Leah E. Bushkanets
Proofreader – CandSc (Filol) I.A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

Layout and prepress

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinskiy pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02
Signed in the press on June, 27, 2022

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pečhati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsck, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

perspectum

ЧЕЛОВЕК и МИР
ДИАЛОГ

ЕРСПЕКТИВА
ПОКОЛЕНИЕ ПОИСКА

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

Дизайн обложки исполнен по мотивам творчества Казимира Малевича (1879, Киев – 1935, Ленинград). Российский и советский художник польского происхождения известен прежде всего как основоположник супрематизма и автор картины «Черный квадрат».

Казимир Малевич не только живописец и теоретик искусства, но и педагог и сценограф. О его месте в мировой культуре, сохраняющемся влиянии наследства и актуальности свидетельствует тот факт, что в 2008 году «Супрематическая композиция» Малевича была продана на аукционе Sotheby's за 60 млн долларов.